

Роберт Конквист

**ТЕРРОР
ГОЛОДОМ**

Перевод с английского И. Бунича

РЕВОЛЮЦИЯ, КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА И ГОЛОД 1917-1921

К 1917 году в пользовании крестьян (владение или аренда) было в четыре раза больше земли, чем у всех других землевладельцев (включая и назойливых «горожан», чья доля в землевладении уже в 1911 году превышала 20%) 89% обрабатываемой пахотной земли находилось в крестьянских руках. Крушение старого режима в марте 1917 года привело к захвату крестьянами крупных помещичьих наделов. В 1917 году 108 миллионов акров было отнято у 110000 помещиков и 140 миллионов акров — у двух миллионов «крестьян», которые, владея в среднем 70 акрами земли, более подходят под наименование «мелкие помещики»

В период 1917-18 года в 36 губерниях крестьяне увеличили свои владения с 80 до 96,8% всей обрабатываемой земли. Средний крестьянский надел увеличился примерно на 20%, а на Украине почти удвоился. С 1917 по 1919 года количество безземельных крестьян уменьшилось вдвое, а количество малоземельных, чьи наделы составляли примерно 10 десятин, упало на две трети. В деревню пришло истинное равенство. Декрет о Земле, изданный 8 ноября 1917 года, сразу же после захвата власти большевиками, был основан на требованиях крестьян, выразителями которых стали эсеры, и был в соответствии с ленинской тактикой, был сознательным маневром, обеспечивающим перевороту крестьянскую поддержку. Декрет заявлял, что только Учредительное Собрание (разогнанное большевиками в день созыва в

январе 1918 года) сможет окончательно разрешить земельный вопрос, отмечая, однако, что «наиболее справедливым решением» должна стать передача всей земли, включая и государственную, «тем, кто ее обрабатывает», и что «форма владения должна быть полностью свободной... завися только от решения местных деревенских советов»

Позднее Ленин сам объяснил этот шаг как маневр «Мы, большевики, были против этого декрета. Однако мы подписали его, поскольку не хотели противостоять воле большинства крестьян... Мы не хотели навязывать крестьянам идею, что равный раздел земли является бессмысленным, поскольку подобная идея была им чужда и враждебна. Гораздо лучше, думали мы, если крестьянин на собственном опыте и страданиях сам поймет, что равный раздел земли является абсурдом... Вот почему мы помогли разделить землю, хотя и понимали, что это не решение» (т.37, стр.179-181).

Декрет о «социализации» земли от 19 февраля 1918 года уже говорил о прелестях коллективизации, но в действительности главным образом был посвящен проблемам распределения земли по декрету от 8 ноября

Вновь были созданы общины, вернее говоря, они расцвели спонтанно всвязи с перераспределением помещичьих и других земель. Большевики, казалось, полагали, что роль общин ограничится решением именно этого вопроса, а все остальные административные функции возьмут на себя деревенские советы. В действительности, возродившаяся община оттеснила советы, став весьма эффективным администратором в деревне. Возрождение общины повлекло за собой по меньшей мере частичное уничтожение столыпинского крестьянства как класса. «Выходцы» теперь часто были вынуждены возвращаться обратно в общину. Их «индивидуальные хозяйства» или несколько таких хозяйств, называемых «хуторами», часто были достаточно большими и процветающими, чтобы квалифицировать их владельцев по жестоким коммунистическим законам как кулаков.

В Сибири и на Украине, где система хуторов была наиболее развита, большое число таких хуторов уцелело, но в целом по СССР к 1922 году их количество уменьшилось почти вдвое. (В некоторые периоды, когда необходимость увеличения производства зерна брала

верх над доктринерством, хутора даже получали поддержку со стороны властей)

Возрождение общин принимало все больший размах. В канун революции менее 50% крестьян в 47 европейских губерниях оставались членами деревенских общин. Однако, к 1927 году это число составило уже 95,5%, в то время как индивидуальные хозяйства столыпинского типа составляли к этому времени всего 3,5%. Как это не смешно, но подобный «социализм» никак нельзя назвать шагом вперед. Община сама по себе являлась свидетельством аграрной отсталости, но в то же самое время, как это ясно увидели коммунисты, она превратилась в истинно крестьянскую организацию — в оплот против социализации деревни. С коммунистической точки зрения весь этот «черный передел» привел к тому, что «когда крестьяне прибрали к рукам бывшую собственность помещиков, они стали совершенно глухими к идеям социализма».

Ленин много раз высказывал свои взгляды по этому поводу, совершенно ясно освещая проблему идеологически:

«Мелкобуржуазные собственники помогли нам, пролетариату, сбросить помещиков и капиталистов. Но после этого наши дороги разошлись».

И приходя к следующему заключению:

«И теперь мы должны вести самую решительную и беспощадную борьбу с ними» (Ленин, т.36, стр.255, 265).

В мае 1918 года большевики решили, что первоначальная фаза союза с крестьянством, как с единым классом, закончилась, и что настало время начинать социалистическую революцию в деревне. Ленин заметил, что если несколько сот тысяч дворян могли править Россией, то же самое смогут сделать и несколько сот тысяч коммунистов. И именно эта точка зрения скорее, чем какой-либо классовый или социальный анализ, вошла в основу плана будущих действий.

Дискриминация крестьянства как класса была сформулирована в июле 1918 года, когда по новой советской конституции в органы власти рабочие могли избирать одного представителя от 25000 избирателей, а крестьяне — одного от 125000 избирателей. Это было сделано сознательно, в расчете главным образом на символический эффект, чтобы дать понять — времена уговоров кончились. Формулой в деревне для новой социалистической фазы теперь было: союз с бедняком и «деревенским пролетарием» против «кулака» при нейтральном «середняке». (Хотя в некоторые критические периоды Гражданской войны «середняк» тоже

становился союзником). Эта формула была объявлена «истинно марксистской».

Однако, хотя эта формула теоретически и вписывалась в марксистскую классовую доктрину, на практике она породила массу трудностей. Прежде всего, «кулак», то есть богач, эксплуатирующий крестьян, на которого все должны дружно идти войной, был уже к этому времени скорее мифической фигурой. В самом деле, классического деревенского кулака — мироеда, дающего односельчанам деньги под проценты или под заклад имущества, давно уже не существовало — подобная деятельность была запрещена законом еще в столыпинские времена.

Тем не менее, первый «удар» был нанесен летом 1918 года, когда число «кулацких» хозяйств было уменьшено на треть, а 50 миллионов гектар земли конфисковано. В итоге, «кулаки» потеряли 60% земли. В августе 1918 года Ленин говорил о двух миллионах «кулаков-эксплуататоров», а в апреле 1920 года речь шла уже лишь о миллионе кулаков, «эксплуатирующих чужой труд». Захват и перераспределение земли и собственности кулаков продолжались, по крайней мере на Украине, до середины 1923 года, и можно с уверенностью сказать, что никому, кто хоть в отдаленной степени соответствовал этому ярлыку, не удалось избежать своей участи.

Но еще более интересно обстояло дело с «сельскими пролетариями», которые почти по определению представляли слабейший элемент в деревне и никоим образом не могли даже претендовать на ту роль, которую сыграл в революционных событиях городской пролетариат. В число «сельских пролетариев», как признают сами коммунисты, входили главным образом лодыри и пьяницы, то есть люди менее всего уважаемые в деревне.

Таким образом, если Столыпин «ставил на сильных» то Ленин, напротив, пытался ставить на слабых.

Однако он просто не имел другого метода, чтобы создать себе хоть каких-либо сторонников в сельской местности. В деревне партия была на удивление слабой. Перед революцией только 494 крестьянина принадлежали к партии большевиков и всего четыре партиячейки существовали на всем сельском просторе России.

Лидеры большевиков совершенно откровенно говорили о необходимости искусственного создания практически несуществующей в деревне классовой войны. В мае 1918 года Свердлов, выступая перед членами ВЦИК, заявил:

«Мы должны поставить перед собой чрезвычайно серьезную задачу разделения деревни на классы, создав там два противоположных, враждебных лагеря, образовав слой населения, протестующий против кулацких элементов. Только, если мы будем способны расколоть деревню на два лагеря, начав там такую же классовую войну, как и в городах, только тогда мы достигнем в деревне того же, чего мы достигли в городе» («Знамя труда», 16 мая 1918 года).

Борьба шла со все большим ожесточением. Задача была не просто натравить в деревне бедных на богатых. Гораздо важнее классовой борьбы был главный вопрос: каким образом лишить крестьянина права продавать свое зерно, с целью просто захватить его от имени государства.

Декрет от 9 мая 1918 года «о монополии на продовольствие» давал право Комиссариату по Продовольствию изымать у крестьян любое зерно, хранящееся у них сверх установленной Комиссариатом квоты, указывал при этом, что «хлеб находится в руках кулака». Поэтому декрет призывал «всех трудящихся крестьян и батраков немедленно объединиться для беспощадной войны с кулаками». Следующий декрет от 27 мая уполномочивал Продовольственный Комиссариат создавать особые «продовольственные отряды», дабы с помощью силы отбирать у крестьян зерно. Эти отряды, насчитывавшие в 1918 году 10000 человек, к 1920 году были доведены до 40000 человек. Поведение этих отрядов в деревнях было как-то отмечено самим Лениным, который писал, что продовольственные отряды производят незаконные аресты, избивают крестьян, угрожают им расстрелом, не имея на то достаточных причин, гонят самогон из конфискованного зерна и пьянствуют (Ленин, т.36, стр.408, 428, 488).

Майский декрет 1918 года определял «квоту», рассчитывая ее на двойном количестве зерна, необходимого для нужд крестьянина, однако, в январе 1919 года декрет «о реквизиции продовольствия» был рассчитан совершенно по-другому, исходя только из «нужд» государства, делая законной реквизицию, которая крестьянину могла вообще ничего не оставить.

Позднее Ленин отметил.

«Практически мы забирали все излишки хлеба, а временами — и не только излишки, но и часть хлеба, которая была нужна крестьянину, чтобы прокормить себя». (Ленин, т.43, стр.219-220).

Советский ученый в одной из своих недавних работ рассказывает нам, что первоначально продовольственные

отряды пытались реквизировать зерно у тех, кто непосредственно подозревался в его тайном хранении, не трогая остальной части крестьянства. Однако, вскоре было обнаружено, что «без давления со стороны своих односельчан кулаки отказываются выдавать излишки. Более того, они прячут часть своего зерна в домах бедняков, обещая им за это какие-то подачки» Деревенская солидарность оказалась очень сильной.

Чтобы разжечь новую классовую войну, декретом от 11 июня 1918 года были созданы «Комитеты бедноты» (Комбеды).

Ленин описал эти комитеты как организацию переходного периода между уничтожением помещичьего землевладения и началом социалистической революции в деревне. (Ленин, т.37, стр.175-182).

Из имеющихся данных и цифр вытекает, что деревенские «комбеды» только примерно наполовину состояли из крестьян. (В 1919 году в России они были полностью поглощены сельскими советами.) Активистами же и там, и там были городские коммунисты, которые в числе более 125000 человек были посланы в деревни для укрепления дефективных сельских организаций. В следующих одна за другой речах Ленин сначала призывал направлять в продовольственные отряды «тысячи и тысячи политически зрелых рабочих из обеих столиц в деревню, чтобы возглавить продовольственные отряды и обеспечить руководство Комитетами бедноты». Затем призывы кончились, и Ленин стал говорить об этом, как о свершившемся факте.

И хотя в массе даже беднейшие крестьяне оставались глухими к большевистским призывам, режиму все-таки удалось заложить в деревне кое-какую основу для реализации своих планов. По мере роста антагонизма в деревне, более активно начали действовать небольшие реквизиционные банды, которые, опираясь на поддержку местных коммунистов и гарнизоны ближайших городов, совершали рейды на села, грабя и убивая крестьян по собственному усмотрению. В конце августа 1918 года в качестве дополнительной меры Ленин предложил брать заложников в каждом регионе. «25-30 заложников из числа богатых крестьян, которые отвечали бы жизнью за сбор и отгрузку излишков зерна». (В.М.Андреев, «Под знаменем пролетариата», Москва, 1981 г., стр.37).

Ленин также предписал выделять часть конфискованного зерна доносчикам-информаторам. (Там же, стр.40).

По оценке советского исследователя М.Андреева, в 1919 году было реквизировано 15-20% всего сельскохозяйственного продукта. В 1920 году доля реквизиции увеличилась до 20%. (Доля, считавшаяся «излишком», была повышена декретом от 5 августа 1919 года для «обеспечения производства промышленной продукции»).

В СССР, называя эту эпоху «эпохой военного коммунизма», любят оправдывать подобную политику по отношению к крестьянству тем, что она была вызвана чрезвычайными обстоятельствами Гражданской войны. Это абсолютная ложь. Это доказывается не только тем, что ко времени первых декретов Гражданская война еще и не началась, но и тем, что Ленин уже в июне 1918 года определил совершенно с другой точки зрения понятие «хлебной монополии» в качестве «одного из наиболее важных методов постепенного перехода от капиталистического товарно-денежного обмена к социалистическому обмену продуктом» (Ленин, т.44, стр.430).

Можно сказать прямо, что политика «военного коммунизма» была совсем не вынужденной мерой военного времени, а сознательной попыткой установить новый социальный порядок, способствующий немедленному переходу к социализму по всей стране. Даже после крушения этой политики Ленин откровенно признал подобное положение вещей, говоря «о попытке установить коммунизм прямо сейчас» и о том, что «в общем мы полагали возможным... начать без всякого перехода строить социализм». (Ленин, т.44, стр.157).

В октябре 1921 года Ленин также сказал:

«Мы считали, видимо без достаточно четких оснований, что должен иметь место немедленный переход от старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических принципах» и на специфической политике реквизиций.

«Мы сделали ошибку, решившись на непосредственный переход сразу к коммунистическому производству и распределению. Мы пытались добыть достаточное количество зерна у крестьян с помощью п р о д р а з в е р с т к и., распределить это зерно в промышленности и таким образом добыться коммунистического производства и распределения. Я должен признать, что мы не совсем так все это себе представляли, но действовали именно в этом духе». (Ленин, т.44, стр.157).

Один из ведущих экономистов советского режима И.Кристьян отметил, что период «военного коммунизма» отличался никуда негодным планированием, когда любая нехватка,

получившая высокий приоритет, бралась штурмом чисто военными методами. Это неизбежно приводило к экономической анархии, что особенно проявилось в попытках взять хлеб у крестьянина.

Реквизиция зерна силой считалась единственным имеющимся в распоряжении методом, и Николай Бухарин в своей работе «Экономика переходного периода», используя, прямо скажем, странную логику, пишет, что «принуждение» крестьян нельзя рассматривать в качестве «простого насилия», поскольку это принуждение «лежит на пути общего экономического развития»

Ленин прокомментировал этот вывод словами: «Очень хорошо».

В целом социализм считался вопросом централизации, планирования и отказа от денег. Установленная ныне система в России основывалась на национализации промышленности и финансов, на приобретении зерна с помощью силы при высоко централизованной правительственной машине. Партия Ленина до рядовых членов считала подобную систему не просто социализмом, а даже коммунизмом. Ленин однажды вообще объявил реквизицию сущностью социализма, отметив, что непосредственные отношения государства с крестьянством являются социалистическими, в то время как рыночные — капиталистическими. (Ленин, т.39, стр.167, 274).

Одним из наиболее ошеломляющих выводов из всего этого является то, что Ленин видел создание социализма или социалистических отношений в деревне без какой-либо связи с коллективизацией крестьянства. Критерием социализма было просто уничтожение рыночных отношений. Главным вопросом было: как получить крестьянское зерно, не платя за него.

В 1918-21 годах коллективные хозяйства были малочисленны и крайне неэффективны. Сам Ленин презрительно называл их «богадельнями» Некоторое количество крупных земельных наделов были преобразованы в совхозы, считавшиеся высшей формой социалистического сельского хозяйства — настоящие сельские фабрики, предвиденные Марксом. Закон о «Социалистическом владении землей» от 14 февраля 1919 года отметил, что совхозы были организованы для «создания условий к окончательному переходу к коммунистическому сельскому хозяйству». И хотя совхозы при создании получили массу различных привилегий, они также были и непопулярны, и неэффективны. Ни колхозы, ни совхозы не имели ника-

кого реального значения ни в эпоху «военного коммунизма», ни в последующие годы.

Окончание Гражданской войны не ознаменовалось какими-либо послаблениями «военного коммунизма». Напротив, утопические мероприятия продолжались с прежней энергией: была отменена плата за аренду, бесплатными стали транспорт и связь, планировалась окончательная отмена денег и ликвидация Центрального банка. В конце 1920 года все уцелевшие мелкие предприятия были национализированы. В этот же самый период продолжалось все большее вмешательство государства в крестьянские дела в виде поступающих сверху приказов о том, что сеять, как сеять, сколько производить и прочее.

Еще 8 марта 1921 года, в разгар Кронштадтского мятежа, Ленин, выступая на X съезде партии, говорил, что отмена реквизиций в пользу свободной торговли «неизбежно приведет к власти белогвардейцев, к триумфу капитализма, к полной реставрации старого режима. И я повторяю: необходимо ясно осознать эту политическую опасность»

В ходе Гражданской войны никакой надежды крестьянам не давало и Белое движение. Генерал Деникин, как к всеобщему удивлению признает Большая Советская Энциклопедия, не был монархистом, а был поклонником Конституционных демократов. Но отсутствие единства среди белых давало возможность обвинить их в желании реставрировать власть Царя и помещиков, о чем некоторые из них без всякого сомнения мечтали. Более того, сам Деникин стоял за «Россию единую и неделимую», отказываясь признавать независимость Украины.

Роковой ошибкой Деникина, а равно и других руководителей антисоветского движения, было его отношение к крестьянской проблеме — острая необходимость армии в продовольствии порождала нерыночные отношения.

Только Врангель впервые стал полагаться на рынок и свободную продажу зерна. И его политика привела к массовому вступлению крестьян-добровольцев в Белую армию — впервые за все время Гражданской войны.

Но в целом Гражданская война была борьбой между двумя хорошо вооруженными, но равно непопулярными группировками, представлявшими меньшинство населения страны. Да, это была настоящая война, война правильно организованных регулярных армий, война высоких штабов и ненавидящих друг друга правительств, война, за сражениями и драматическими событиями которой с напряже-

нием следил весь мир. Однако по масштабу, по количеству жертв и даже по ее влиянию на страну Гражданскую войну без всякого преувеличения можно считать менее массовой и всепроникающей, чем Крестьянскую войну 1918-1922 годов, которая была гораздо более продолжительной и кровавой.

В конце 1921 года, когда все Белые уже были изгнаны с территории страны, советский историк Подвойский следующим образом охарактеризовал обстановку в стране:

«Центр РСФСР находится почти в полном окружении крестьянских мятежей: от Махно на Днестре до Антонова на Волге»

Восстания полыхали также в Белоруссии, в Сибири, в Карелии, на Кавказе и в Центральной Азии.

Уже в 1918 году официальная статистика говорит о 108 «кулацких мятежах» в Советской республике всего лишь в период с июля по ноябрь. В целом же за 1918 год отмечено «не менее 245 крупных антисоветских восстаний, вспыхнувших только в 20 районах центральной России». За семь месяцев 1919 года на трети контролируемой большевиками территории зарегистрировано 99 восстаний.

В некоторых районах продовольственные отряды истреблялись еще на пути в деревню. Вслед за этим направлялась карательная экспедиция, которая публично расстреляв с полдюжины крестьян, арестовывала и угоняла в город остальных. Прибывал новый продовольственный отряд. Его снова истребляли или в тот же день, или на следующий. Затем следовала новая карательная экспедиция и так далее.

Эти, почти ежедневные, стычки выливались в крупные восстания и приводили к созданию многочисленных отрядов так называемых «зеленых», одинаково опасных и для красных, и для белых.

Отношение Ленина к тем, кого он считал врагами, очень ярко проявилось в одной из его записок, написанной им на полях доклада Политуправления Красной Армии

«Прекрасный план. Доработайте его с т. Дзержинским. Замаскируйтесь под «зеленых» (а позднее мы на них это и свалим), проскачите 10-20 верст и перевешайте всех кулаков, священников и помещиков. Премия: 100000 рублей за каждого повешенного». (Архив Троцкого 1917-1922, Гаага, 1964, т.2, стр.278-279).

В начале 1919 года крупное восстание произошло в Поволжье, а затем еще одно в 1920 году. Летом 1919 года в Ферганской долине русская крестьянская армия, сфор-

мированная для борьбы с мусульманами-мятежниками, объединилась с ними в восстании против большевиков. На Северном Кавказе образовалась целая повстанческая армия, уничтожившая несколько советских дивизий. Крупные мятежи вспыхивали на всех территориях национальных меньшинств. 13 февраля 1921 года восстали армяне, захватив через пять дней свою столицу Ереван.

В январе 1921 года запылало восстание в Западной Сибири, охватившее 20 уездов. 60000 крестьян взяли за оружие, перерезав все коммуникации и захватив несколько городов, включая такой крупный, как Тобольск.

13 августа 1920 года началось знаменитое восстание Антонова, охватившее практически всю Тамбовскую губернию и часть смежных районов. 40000 крестьян влились в повстанческую армию. Съезд тамбовских повстанцев объявил советскую власть низложенной и потребовал новых выборов в Учредительное собрание при всеобщем равном голосовании, а также передачу земли тем, кто ее обрабатывает.

Похожую программу выдвинули и поволжские повстанцы, требовавшие власти народа, «неразделенного на классы и партии».

Ярлык «кулацкого мятежа» совсем не подходит к характеристике восстания Антонова, поскольку даже официальные рапорты показывают, что от 25 до 80% бойцов в отрядах повстанческой армии составляли бедняки и середняки. В течение многих месяцев они сдерживали крупные силы большевиков, и регулярным войскам под командованием Тухачевского до мая 1921 года не удавалось эффективно подавить восстание. Небольшие отряды и группы активно вели партизанские действия по крайней мере до середины 1922 года. Карательные меры были очень тяжелыми: сотни Лидиц помнит тамбовская земля.

На Украине вспыхнуло в мае 1919 года крупное восстание под руководством Григорьева. Его крестьянская армия насчитывала 20000 человек, имея на вооружении 50 орудий и даже 6 бронепоездов. Советская «Энциклопедия Гражданской войны» сообщает, что только из-за восстания Григорьева Красной Армии не удалось вторгнуться в Румынию, чтобы оказать помощь режиму Бела Куна.

Среди всех прочих повстанческих группировок наиболее знаменитой была крестьянская армия анархиста Махно, которая временами достигала 40000 человек. Были периоды «альянса» между силами Махно и большевиками против белых, но после января 1920 года семь меся-

цев шли ожесточенные бои отрядов Махно с красными. Короткое восстановление «альянса» в октябре и ноябре 1920 года против угрозы со стороны Врангеля сменилось новыми кровавыми боями с большевиками, продолжавшимися вплоть до августа 1921 года. Тот отклик, который проявился у крестьян на анархические идеи Махно, был легко объяснен им самим: крестьяне были одинаково против и засилья царских помещиков и засилья бюрократической машины нового государства. Анализ подобных настроений хорошо сделан у Пастернака в «Докторе Живаго»

«Крестьяне бунтуют, их восстания бесконечны. Вы скажете, что они сражаются с одинаковым ожесточением и против белых, и против красных, потому что они вообще против любой власти, потому что они сами не знают, что хотят. Позвольте мне с вами не согласиться. Крестьяне очень хорошо знают, чего они хотят, они это знают лучше даже, чем вы и я, хотя хотят они совершенно другого. Когда революция пробудила их, они решили, что наконец исполнилась их мечта, их древняя мечта об анархической жизни на собственной земле, кормясь работой собственных рук в полной независимости от кого бы то не было. Вместо этого крестьяне обнаружили, что они просто обменяли старое угнетение Царского государства на гораздо более тяжелое ярмо революционного супергосударства. Поэтому не удивляйтесь, что деревня бунтует и никак не может успокоиться...»

Григорьев и Махно были далеко не единственными бунтарями на Украине. Повстанческий атаман «Зеленый» руководил крупным восстанием на большой территории вблизи Киева. Было также много других. Рапорты ЧК отмечают, что в феврале 1921 года бушевало 118 мятежей

В этих рапортах отмечены также и маломасштабные стычки. На Украине в течение всего четырех дней (в конце апреля 1921 года), банда из 10 человек захватила зерно, убив представителя власти в провинции Подилия; банда из 5-10 конных повстанцев, вооруженных пулеметом, напала на сахарный завод в Полтавской губернии, перебив охрану и уведя 18 лошадей, похитив 306000 рублей и две пишущих машинки; банда из 200 конников в Харьковской губернии напала на железнодорожную станцию, убив 26 красноармейцев, и была изгнана со станции только с помощью подошедшего бронепоезда.

В этих районах партизанская война подобного масштаба продолжалась долгие годы. В Лебединском районе Сумской области партизаны были активными до 1928 года.

Другой отряд из двадцати украинских партизан действовал в районе Белой Церкви также до 1928 года. Подобные рапорты поступали фактически отовсюду, особенно с Северного Кавказа и Средней Азии.

Интересно отметить, что в армии Антонова было немало рабочих, включая, как гласит официальный рапорт, и нескольких железнодорожников. В нашу задачу не входит анализ рабочего движения, но весьма знаменательно то, что рабочий класс подобно классу крестьян начал выступать против коммунистов. Даже в Петрограде еще в 1918 году имели место мощные рабочие стачки. Что же касается провинции, то тут дело обстояло еще хуже. В промышленном районе Урала, как признает советская официальная история, «левые эсеры подняли против нас отсталые элементы из заводских рабочих в Кучве, Радянске, Саянске, Юговске, Сеткино и повсюду». В крупном промышленном центре Ижевске имела место всеобщая забастовка, в ходе которой была сформирована тридцатитысячная «Ижевская Народная Армия», пробившаяся к белым и сражавшаяся на стороне Колчака. Более того, как отмечает советский историк Шкаратан, рабочие выступали «с чисто крестьянскими» требованиями: прекратить продразверстку и конфискацию крестьянского имущества.

Более зловещей с точки зрения советских властей была все возрастающая ненадежность Красной Армии. Дезертирство и уклонение от воинской службы в среднем составляли 20%, доходя в некоторых районах до 90%. Советский источник оценивает количество дезертиров из Красной Армии осенью 1920 года только в Тамбовской губернии в 250000 человек. (Трифонов И.Я., «Классовая борьба в начале НЭПа», Ленинград, 1964 г., стр.90). В марте 1919 года пехотная бригада, набранная главным образом из тульских крестьян, подняла мятеж в Белоруссии, соединилась с местными крестьянами-повстанцами, основав «Народную Республику». (Лелевич Г. «Стрекопытовщина», Москва, 1923, стр.36).

В июле 1920 года красный командир Сапожков поднял на мятеж свою часть из 2700 красноармейцев в Поволжье. Восстание охватило огромный район и пережило самого Сапожкова. После гибели Сапожкова его преемник Серов действовал активно вплоть до января 1922 года и даже захватывал города, имея в строю более 3000 человек.

В декабре 1920 года другой красный командир — Вакулин — поднял мятеж на Дону, вскоре увеличив свои силы с 500 до 3200 человек. После гибели Вакулина, его преемник Попов к марту 1921 года имел под ружьем мощное соединение в 6000 человек.

В январе 1921 года красный комбриг Маслак увел свою бригаду к Махно из наиболее любимой Сталиным Первой Конной Армии.

Кризис достиг кульминации 2 марта 1921 года, когда восстала Кронштадтская военно-морская база. Восставшие моряки совершенно явно действовали в защиту крестьян, которые, как писала повстанческая газета, «в обмен за почти полную реквизицию хлеба и конфискацию лошадей и коров получают от ЧК только аресты и расстрелы». На XV Партконференции в 1926 году Троцкий заявил, что в Кронштадте «крестьянин-середняк побеседовал с советским правительством, используя в качестве рупора, чтобы быть услышанным, тяжелую корабельную артиллерию».

И совсем не удивительно, что 15 марта 1921 года Ленин, хотя и не публично, но все-таки признал:

«Мы едва удержались у власти». (Ленин, т.43, стр.52).

Человеческие потери Крестьянской войны можно вычислить с достаточной долей точности. Еще до большого голода 1921-22 годов, который унес около 5 миллионов жизней, советские официальные данные ясно говорят, что в период 1918-20 годов погибло более 10 миллионов человек (не считая двух миллионов, погибших в первую мировую войну и еще одного миллиона беженцев). Смерть от сыпного и брюшного тифа, дизентерии и холеры в период с 1918 по 1923 года оценивается примерно в 3 миллиона человек (главным образом от сыпного тифа). Многие, погибшие в период голода, числятся погибшими от тифа. Но даже если мы возьмем погибшими от эпидемий в период с 1918 по 1920 года 2 миллиона человек, то у нас останется еще более 7 миллионов человек, погибших в эти годы по другим причинам.

Ведущий советский авторитет Б.Т.Урланис оценивает потери убитыми в Гражданской войне с обеих сторон примерно в 300 тысяч человек, включая сюда также поляков и финнов. Даже если мы добавим к этой цифре массовые убийства военнопленных, резню при захвате городов и тому подобное, мы с большим трудом доведем список убитых в Гражданской войне до одного миллиона, хотя в действительности эта цифра кажется очень завышенной.

Еще 6 миллионов поглотили Крестьянская война и голод. Крестьянская война, конечно, главным образом принесла себе в жертву мужчин. Перепись 1926 года показала, что мужчин в возрастной группе от 25 до 65 лет на 5 миллионов меньше, чем женщин. И если мы из этой цифры отбросим 2 миллиона погибших в первой мировой войне и миллион — в Гражданской, то получается, что по какой-то другой причине скончалось на 2 миллиона больше мужчин, чем женщин. Эта цифра почти целиком и дает понятия о потерях в Крестьянской войне.

И это не только погибшие в боях. Смертный список погибших при массовых казнях по меньшей мере также высок, как и список погибших в бою. Известный советский чекист М.Лацис, который лично принимал участие в подавлении многих восстаний, пишет, что в одном из подобных случаев 3 тысячи 57 повстанцев были убиты в бою и 3 тысячи 437 захваченных в плен расстреляны после боя (М.Лацис, «Два года борьбы на внутреннем фронте», с.75). Количество погибших в Крестьянской войне можно определить, конечно, только порядком. Цифра грубая, но она дает достаточное представление о размахе и ожесточении крестьянского сопротивления, а также о жертвах, на которые готовы были пойти крестьянские массы в попытке предотвратить разорение своих хозяйств реквизиционной системой.

События 1918-21 годов привели к такому хаосу социального и экономического порядка, что по последствиям их можно сравнить разве только с последствиями Тридцатилетней войны в Германии.

В годы первой мировой войны миллионы русских крестьян были отправлены на фронт. После развала фронта они вернулись домой, чтобы принять участие в захвате земли у дворян. Небольшой по численности класс дворян рухнул. Но эти события не очень потрясли русское общество в целом. Напротив, раздел земли консолидировал и укрепил крестьянство.

Настоящий развал начался после захвата Лениным власти. Большая часть русского образованного общества исчезла, погибнув или бежав из страны. Многомиллионные массы людей, выбитые с насиженных мест голодом или военными действиями, рассеялись по стране. Экономика просто развалилась. Результатом же политики коммунистов в деревне был совершенно отчетливый экономический регресс. Наиболее передовые крестьяне, ведущие свое хозяйство на уровне европейских достиже-

ний, были либо просто перебиты, либо бежали. Возродилась уже отмиравшая система трехпольного землевладения.

Спад в сельском хозяйстве начался в 1919 году, и к 1922 году (в сравнении с 1916 годом) количество лошадей уменьшилось на 35,1%, коров и быков — на 24,4%, свиней — на 42,2%, овец и коз — на 24,8%. Но в целом уровень домашнего скота сохранился на две трети от довоенного.

В 1913 году на полях было использовано 700 тысяч тонн удобрений, в 1921 — примерно 20 тысяч тонн. Пахотная площадь уменьшилась с 214 миллионов акров в 1916 году до 133 миллионов акров в 1922 году. В период с 1913 по 1921 года урожай (включая картофель) уменьшился на 57%.

Страшный голод 1921 года произошел не потому, что кто-то принял решение уничтожить крестьян таким методом. Однако полагать, что он произошел стихийно, тоже неверно. Погода была плохой, но уж не настолько, чтобы вызвать подобное бедствие. Главным фактором голода был метод Советского правительства добывать хлеб с помощью реквизиции: частично потому, что у крестьян отбирали весь хлеб, почти ничего не оставляя даже на пропитание, но главным образом потому, что крестьян лишили какого-либо побудительного мотива этот хлеб производить.

Голод, который ударил по стране, был неизбежным следствием того, что «мы не приняли во внимание нужды крестьянина», как честно признал Ленин.

Голод сильнее всего поразил бассейн Волги. Размах и последствия были в некоторых случаях даже хуже, чем во время предстоящего голода 1932-33 годов с той лишь значительной разницей, что голод 1921-22 годов был официально признан, о нем открыто писали, активно добывались иностранной помощи.

13 июля 1921 года Советское правительство позволило Максиму Горькому призвать иностранную помощь. Американская Администрация Помощи (АРА), возглавляемая будущим президентом США Гувером, проделавшая уже большую гуманитарную работу в Восточной и Центральной Европе, вскоре, после 20 августа, начала отправку хлеба в Россию. В декабре Конгресс Соединенных Штатов выделил на помощь России 20 миллионов долларов, гражданам США были призваны жертвовать для голодной России личные средства. По подписке частные лица быстро собрали 6 миллионов долларов. Всего же в распоряжение АРА было передано 45 миллионов долларов.

В Москве Максим Горький собрал группу известных граждан, никто из которых не был коммунистом, отвечавших с советской стороны за прием и распределение американской помощи

АРА и связанные с ней организации спасли от голодной смерти 10 миллионов 400 тысяч человек, различные другие организации почти еще 2 миллиона. Всего 12 миллионов 300 тысяч человек.

В 1922 году Американская комиссия помощи русским оценила количество бездомных детей примерно в 3 миллиона (и еще 2 миллиона, находящихся дома под угрозой голодной смерти). Из них 1 миллион 600 тысяч детей находились в постоянных или временных приютах, где 1 миллион 500 тысяч были спасены от смерти благодаря иностранной помощи.

Даже уже на этой стадии была тенденция оставить украинское крестьянство без помощи, хотя советские официальные цифры сообщают о 800 тысячах умерших от голода и сопутствующих болезней на Украине в первой половине 1922 года. (Есть данные, что в это число не вошла статистика смерти по районам Украины, наиболее пораженных голодом.) Согласно официальным рапортам АРА, голод на Украине сначала вообще скрывался. Власти представили в распоряжение АРА цифры по урожаю в два раза превышающие истинные. Голодные районы Украины были вначале недостижимы для американских организаций помощи. Как отметил американский историк Фишер: «Правительство в Москве не только не позаботилось информировать АРА о ситуации на Украине, как это было сделано для гораздо более удаленных районов, но и сознательно ставило препятствия на пути тех, кто пытался установить связь между американскими организациями и Украиной»

Действительно, в период между 1 августа 1921 года и 1 августа 1922 года с Украины для распределения в другие районы было вывезено 10,6 миллионов центнеров хлеба. Но, наконец, в апреле-июне 1922 года американская помощь была допущена на Украину, где, как заметил М. Калинин, «в разгаре голод, от которого тысячи людей умирают, а многие тысячи уже умерли». Представители АРА сказали, что они были «ошеломлены», узнав, что эшелоны с хлебом из Киева и Полтавы «отправлялись за сотни миль на Волгу, когда у них под боком, в Одессе и Николаеве, свирепствовал голод». Только в январе 1922 года Донецкой области разрешили задержать эшелоны с

продовольствием для собственных нужд. Все это представляет не просто административный хаос и нераспорядительность, а официальную тенденцию создать максимальные трудности для менее «лояльных» украинцев. (Свою роль сыграло, конечно, и нежелание пускать американцев в Киев, в котором еще сохранялось военное положение.)

«Большая Советская Энциклопедия» издания 1926 года, довольно честно рассказывает о работе Американской Администрации Помощи в России, признавая с благодарностью, что американцы спасли от голода 10 миллионов человек, израсходовав на это 137 миллионов золотых рублей. «Малая Советская Энциклопедия» издания 1930 года сообщила, что, под предлогом оказания бескорыстной помощи голодающим, АРА более всего заботилась об уменьшении кризиса производства в США. Новое (2-е) издание «Большой Советской Энциклопедии» 1950 года говорит, что АРА использовала своих сотрудников «для шпионской деятельности и поддержки контрреволюционных элементов. Контрреволюционная деятельность АРА вызвала энергичные протесты широких трудящихся масс» Последнее (3-е) издание «Большой Советской Энциклопедии» 1970 года утверждает, что АРА «оказала некоторую помощь в борьбе с голодом, но эту помощь правящие круги США использовали для поддержки контрреволюционных элементов и их диверсионно-шпионской деятельности».

Советские представители по приему помощи АРА, собранные Горьким, были арестованы в Москве осенью 1921 года (Горький в это время находился за границей). Личное вмешательство Гувера привело к отмене уже вынесенных им смертных приговоров, а некоторым из них, после сибирской ссылки, было даже позволено выехать из страны.

В период с 1918 по 1922 год погибла десятая часть населения страны. Голод стал последней жертвой, принесенной крестьянами агрессивной-утопической политике режима. Но их борьба против тотального разорения деревни и уничтожения крестьянской экономики завершилась успехом. Бесчисленные крестьянские восстания и, наконец, Кронштадтский мятеж заставили понять правительство в Москве, что оно стоит перед лицом катастрофы, если будет упорствовать в продолжении своей программы. Единственным выходом для правительства было временное отступление, оставлявшее существовать свободное крестьянство.

Голос крестьян, заговоривших с режимом тяжелыми морскими орудиями Кронштадта и пулеметами Антонова

и Махно, лишь в последний момент был услышан Лениным, заставив его считаться с реальностью. 15 марта 1921 года на X съезде партии, всего через семь дней после своей речи о том, что не будет никаких послаблений и изменений в доктринах и политике партии, Ленин неожиданно увидел, что режиму грозит крах. И поэтому он предложил временно оставить попытки социализации деревни, используя передышку для консолидации партии и укрепления ее политической власти.

Была объявлена Новая Экономическая Политика (НЭП). Но даже и при этом отступление велось с большой неохотой. Вначале Ленин еще надеялся умиротворить крестьян, не восстанавливая рыночных отношений, а организовав непосредственный натуральный обмен между промышленностью и крестьянами. Этого сделать не удалось, и он «отступил к рынку, деньгам и капиталистам». Неограниченная реквизиция зерна была заменена фиксированным продналогом (хотя на Украине эта замена была отложена на несколько месяцев для сбора дополнительного зерна, чтобы удовлетворить немедленные нужды). Были восстановлены деньги и аннулированы все ограничения на владение ими.

Были восстановлены декретами от 9 июля, 1 августа и 15 сентября 1921 года железнодорожные билеты, знаки почтовой оплаты и тому подобные вещи, ликвидированные в последней фазе «Военного коммунизма». В октябре 1921 года промышленность вновь получила право продавать свою продукцию на открытом рынке.

Ветеран партии Д.Б.Рязанов, выступая на X съезде партии, характеризовал НЭП, как «крестьянский Брест» — равное отступление перед лицом крестьянской мощи, как и перед мощью Германии при заключении Брест-Литовского договора.

Сам Ленин говорил о НЭПе как «о передышке» из-за нехватки сил для полного революционного преобразования. Он пояснил:

«Мы осуществляем стратегическое отступление, которое даст нам возможность в самом ближайшем будущем начать наступление на широком фронте». (Ленин, т.44, стр.208, 487).

В этот период Ленин много говорил и за НЭП, и против НЭПа, так что было бы ошибкой искать какую-нибудь базисную линию в его многочисленных высказываниях, как неконкретных, так и противоречивых.

Создается впечатление, что он сам не знал, что делать дальше, метаясь из стороны в сторону между ре-

альной политикой и теорией. Например, на XI съезде в 1922 году он объявил, что отступление зашло слишком далеко, и уже настало время снова переходить в наступление. Однако он, видимо, снова передумал, и никаких действий предпринято не было.

Восстановление промышленности было также частью НЭПа и осуществлялось на концессиях с капитализмом. В октябре 1921 года Ленин отметил, что в случае краха промышленного производства, «пролетариат прекратит свое существование как класс», в то время как лицензии капиталистов помогут «в восстановлении класса промышленного пролетариата». Однажды он даже заявил, что крупных капиталистов необходимо сделать союзниками против мелкособственника-крестьянина, в котором Ленин продолжал видеть главного врага. (Ленин, т.44, стр.171). Таким образом он повторил свою формулу 1918 года, что «в нашей стране главным врагом социализма является мелкобуржуазный элемент». (Ленин, т.43, стр.206).

Продолжая метаться то вправо, то влево, Ленин, занимая пронэповскую позицию, предостерегал от поспешного возобновления наступления, указывая, что борьба за лояльность середняка продлится, возможно, несколько поколений, в лучшем случае «десять или двадцать лет» (Ленин, т.43, стр.383).

Находясь в антинэповском настроении, Ленин постоянно любил повторять свое более сокровенное теоретическое положение о том, что «крестьянство постоянно, ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе порождает капитализм и буржуазию», что требует неусыпной бдительности для прекращения подобного положения дел при первой представившейся возможности. («Коммунист», N 6, 1963, ст.26).

В письме к Каменеву от 3 марта 1922 года Ленин подчеркивал:

«Было бы большой ошибкой думать, что НЭП положил конец террору. Мы должны вскоре вернуться к террору, как политическому, так и экономическому» (Ленин, т.44, стр.428. Впервые опубликовано в 1959 году).

В своей классической работе о Ленине Адам Улам приходит к выводу, что будь Ленин жив, он покончил бы с НЭПом еще раньше, чем это сделал Сталин — последнему, прежде чем действовать, еще нужно было время для укрепления собственного положения. Но как бы то ни было, постепенное исчезновение Ленина из политической жизни и его смерть 21 января 1924 года оста-

вили партию с проблемой, как рано или поздно, теми или другими средствами уничтожить независимость крестьянина.

СУДЬБА «КУЛАКОВ»

Даже советские историки не смогли прийти к единому мнению: кто же были эти новые «кулаки», появившиеся в период НЭПа. По одной точке зрения это были старые «кулаки», затаившиеся на время, а теперь появившиеся вновь. По другой — это была новая формация экономического подъема середняков и бедняков. Без сомнения обе точки зрения в какой-то степени отражают истину. В любом случае, многие из новых богатых крестьян, которые вернулись в свои деревни из Красной Армии или партизанских отрядов, были людьми исключительной инициативы, воспринявшие многие передовые идеи и хорошо узнавшие жизнь за пределами замкнутого круга деревенской общины.

В этот период никаких серьезных мер против них не принималось. Действительно, в это время террор, если оценивать его по стандартам недавнего прошлого и ближайшего будущего, был едва заметным, не поднимаясь выше минимального уровня. Уцелевшим участникам крестьянских восстаний была даже пожалована амнистия. В марте 1922 года в городе Лохвица на Украине 126 амнистированных крестьян-мятежников были приняты и приветствованы лично Петровским. (Всем им было суждено погибнуть через семь лет в новой волне террора).

Однако мнение, что мирный период не может и не должен продолжаться долго, уже доминировало и в кругах партии, и в карательных органах. В партии, особенно в первичных организациях, существовало инстинктивное, подсознательное враждебное отношение к НЭПу. Партийные активисты в селе, воспитанные на четких инструкциях 1918-21 годов, в какой-то мере были сбиты с толку и встревожены нынешним заигрыванием с середняками и даже с «кулаками». Часто они и вели себя соответственно. В начале 1924 года член ЦК КПУ М.М.Хатаевич отметил, что среди членов партии и самих крестьян существует убеждение: достаточно быть всего лишь членом партячейки,

чтобы проводить реквизиции, конфискации и аресты без какого-либо разрешения соответствующих властей. «Вообще трудно сказать,— добавил Хатаевич,— где кончается партиячейка и начинаются трибунал, ОГПУ, милиция или земельная комиссия».

Что касается крестьян, то «их отношение к советскому режиму никогда не отличалось энтузиазмом, исключая отношение некоторых бедняков и то в отдельные периоды»

Те же, кто не был «бедняком», пытались извлечь максимальную выгоду из создавшейся обстановки. В 1925-26 годах в Сибири даже возникло движение «кулаков» в попытке организовать собственную партию «Крестьянский Союз», поддержанное петицией, которую подписали несколько тысяч человек.

Один из руководителей ОГПУ, Петерс, публично заявлял и писал в открытой печати, что «мы не должны забывать и в условиях НЭПа, что нас окружают со всех сторон злейшие враги». («Известия», 17 декабря 1922 года).

Несколько позже секретный циркуляр ОГПУ (июнь 1925 года) отмечал: «Было установлено, что контрреволюционные организации и группы на Украине прекрасно осведомлены о том факте, что ОГПУ в настоящее время из-за проведения Новой Экономической Политики и правительственных соображений высшего порядка вынуждено проявлять известную пассивность. Но каждому из нас должно быть ясно, что подобная ситуация может быть только временной. Поэтому ОГПУ не должно терять хорошей возможности выявления наших врагов, чтобы нанести по ним, когда придет время, сокрушительный удар».

Подготовка ОГПУ к следующей фазе включала инструкции о регистрации лиц, «подозреваемых в контрреволюционной деятельности». В секретном циркуляре от февраля 1924 года указанные лица перечисляются:

Политические Партии и Организации

1 Все бывшие члены дореволюционных политических партий.

2. Все бывшие члены монархических Союзов и организаций (Черные сотни).

3. Все бывшие члены Союза Независимых Хлеборобов (в период Центральной Рады на Украине).

4. Все бывшие представители старой аристократии и дворянства.

5. Все бывшие члены молодежных организаций (бойскауты и другие).

6. Все националисты любых оттенков.

Сотрудники царских учреждений

1. Все сотрудники бывшего Министерства Внутренних Дел: все сотрудники охраны, полиции и жандармерии, все секретные агенты охраны и полиции, все чины пограничной стражи и т.д.

2. Все сотрудники бывшего Министерства Юстиции все члены окружных и уездных судов, судьи, прокуроры всех рангов, мировые судьи, судебные следователи, судебные исполнители, главы сельских судов и т.д.

3. Все без исключения офицеры и унтер-офицеры царских армии и флота.

Тайные враги советского режима

1. Все офицеры, унтер-офицеры и рядовые Белой армии, иррегулярных белогвардейских формирований, петлюровских соединений, различных повстанческих подразделений и банд, активно боровшихся с Советской властью. Лица, амнистированные советскими властями, не являются исключением.

2. Все гражданские сотрудники центральных и местных органов и ведомств, Белогвардейских правительств, армий Центральной Рады, Гетмановской администрации и т.д.

3. Все религиозные деятели: епископы, священники православной и католической церкви, раввины, дьяконы, монахи, хормейстеры, церковные старосты и т.д.

4. Все бывшие купцы, владельцы магазинов и лавок, а также «нэпманы»

5. Все бывшие землевладельцы, крупные арендаторы, богатые крестьяне, использовавшие в прошлом наемную силу

6. Все бывшие владельцы промышленных предприятий и мастерских

7. Все лица, чьи близкие родственники находятся на нелегальном положении или продолжают вооруженное сопротивление Советскому режиму в рядах антисоветских банд.

8. Все иностранцы независимо от национальности

9. Все лица, имеющие родственников или знакомых за границей.

10. Все члены религиозных сект и общин (особенно баптисты).

11. Все ученые и специалисты старой школы, особенно те, чья политическая ориентация не выяснена до сего дня.

12. Все лица, ранее подозреваемые или осужденные за контрабанду, шпионаж и т.д.

Сокрушительный удар, подготавливаемый ОГПУ, навис, как видно из приведенного документа, над значительной частью населения страны.

Но кто же все-таки были «кулаки»? Невозможность четкого определения классового врага в деревне и его численности будет иметь катастрофический эффект на миллионы жизней в самом ближайшем будущем.

В действительности, совершенно ясно, что понятие «кулак» было не более чем изобретением самих коммунистов. Мы уже отмечали, что еще в период Военного коммунизма Ленин изменил первоначальное значение этого термина в понятие, характеризующее якобы существующий в деревне «класс». Это понимали многие и пытались навести в этом вопросе хотя бы теоретический порядок.

Н.Бухарин в памфлете, опубликованном в 1925 году, показывает различие между «процветающим собственником, деревенским ростовщиком-кулаком и зажиточным крестьянином, нанявшим несколько работников, не считавшимся кулаком».

Нарком сельского хозяйства А.П.Смирнов также пытался вытащить зажиточного крестьянина из искаженной Лениным, всем ранее понятной терминологии, в которую, как в мышеловку, была загнана лучшая часть крестьянства. Нарком указал, что кулак, если говорить о нем правильно, являлся дореволюционным типом эксплуататора, который ныне практически исчез.

Милютин (первый ленинский нарком сельского хозяйства) как-то спросил: «Кто же все-таки такой «кулак»? Пока у нас нет четкого и ясного определения этого термина? Кто-нибудь может это сделать?» Никто не смог

Из всех партийных дискуссий совершенно ясно вытекало, что никаких прямых статистических способов выявления кулака не существует. Выявить экономически его невозможно, остается только возможность опознания его по политическим и психологическим признакам, что и стало практикой в ближайшие годы.

Даже официальный журнал «Большевик» как-то предложил вообще отказаться от термина «кулак», но разрабатываемая партией политика в деревне заставляла не только продолжать дальнейшие усилия для опреде-

ления этого термина, но и вести подсчет общего количества классовых врагов.

Цифры, дающие общее количество «кулаков», сильно варьировались. В 1924 году в брошюре «Группы и классы в крестьянстве» говорилось: «Можно с некоторым приближением считать, что кулаки-эксплуататоры составляют 2-3% крестьян, хотя их кулацкий характер часто явно не выражен»

В 1927-29 годах процент возрос в диапазон от 3,7% до 5% от общего количества крестьян. (Каждый 1% составлял 1,25 миллиона человек)

Официальный «Статистический Справочник СССР» 1928 года определяет количество «кулаков» в 5,2% от общего количества сельского населения, разъясняя, что к этой категории относятся люди, которые:

а) владеют средствами производства стоимостью более 1600 рублей, сдают в долг или в аренду средства производства или нанимают работника на срок более 50 дней в году.

б) владеют средствами производства стоимостью более 800 рублей или нанимают работника на срок более 75 дней в году.

в) владеют средствами производства стоимостью более 400 рублей или нанимают работника на срок более 150 дней в году.

Важно отметить для тех, кто представляет себе «кулаков» как аграрных королей, ведущих крупные по масштабу дела, что крестьянин, считавшийся в 1927 году процветающим и богатым, имел две или три коровы, не более 10 гектаров пахотной земли и семью в среднем из семи человек. Наиболее богатая группа крестьян имела доход на 50-56% больше, чем наиболее бедная. Но самым важным было то, что 3-5% классовых врагов производили 20% хлеба

В начале 1928 года возник зерновой кризис, или вернее таковым его решило считать руководство страны. В действительности, это было не более, чем временная неустойчивость хлебного рынка, легко корректируемая, если были бы применены правильные меры. Однако врожденное невежество и недоверие коммунистов к рыночной системе в целом и некомпетентность в политике цен привели к своего рода панике

В настоящее время большинство советских историков, даже такие «догматики», как Сергей Трапезников, определяют причины зернового кризиса 1928 года почти точно так, как и их западные коллеги, — неправильное соотношение между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продук-

цию, недостаток промышленных товаров, предназначенных для сельского рынка, а потому и нежелание крестьян в связи с отсутствием побудительных мотивов продавать сельхозпродукцию по исключительно низким ценам, установленным государством.

Однако, в любом случае дефицит зерна в январе 1928 года составлял всего 2 миллиона 160 тысяч тонн, никак не являясь признаком «кризиса» или «опасности», как утверждал Сталин. Более того, если объем заготовленного зерна действительно несколько уменьшился, то другие показатели сельскохозяйственной продукции, включая животноводство, увеличились, и валовой объем сельскохозяйственного производства в 1928 году возрос на 2,4%, в то время как даже советские эксперты оценивали ежегодный прирост крестьянского производственного капитала в 5,5%. Кроме того, как отмечает Трапезников, быстро рос объем продажи крестьянами технических культур, что подтверждалось высокими закупочными показателями.

Так что крестьянство просто нормально отреагировало на рыночную обстановку, вызванную искусственно заниженными закупочными ценами. Однако, правительство, видимо, внушив себе, что оно столкнулось с нехваткой зерна, впало в панику, подогреваемую газетами, и Политбюро единогласно проголосовало за принятие «экстраординарных» и «энергичных» мер.

Эти меры начали применяться не только в сельском хозяйстве. Вся атмосфера в стране, начиная с 1928 года, снова все в большей и большей степени стала наполняться духом террора и истерии. Относительно мирные годы первоначального периода НЭПа стремительно уходили в прошлое. Контрнаступление, о котором мечтал Ленин, началось на широком фронте.

Сигналом к контрнаступлению стал первый из зловец-знаменитых, сфабрикованных Сталиным, судебных процессов — так называемое «Шахтинское дело», где на скамью подсудимых сели «буржуазные специалисты» — инженеры обвиненные в саботаже и вредительстве. Сталину удалось организовать процесс, хотя против него возражал не только самый умеренный человек из сталинского окружения, отвечающий за вопросы экономики, Куйбышев, но и глава ОГПУ Менжинский.

«Шахтинское дело», начавшееся в марте 1928 года и другие подобные дела стали ясным показателем окончания краткого и непрочного перемирия и возобновления коммунистами войны против собственного народа. Но ос-

новой удар в этой войне снова был направлен на главного врага режима — крестьянство.

Бесконечные партийные дискуссии на тему «определения кулака», наконец, привели к конкретным результатам. В мае 1929 года Совет Народных Комиссаров издал официальный документ, определяющий кого считать кулаком. Итак, кулаками считались те: кто регулярно нанимал работников; кто владел мельницей или маслобойней; кто давал в аренду сельхозтехнику или помещения; кто занимался торговлей любого рода; кто имел нетрудовые доходы (включая и священников). Под эти определения можно было при необходимости подвести любого крестьянина. Более того, республиканским, территориальным и областным властям давалось право модифицировать это постановление по собственному усмотрению!

Однако, даже самые левые радикалы ничего не говорили о физическом уничтожении или о массовой депортации «кулаков» на этом, начальном, периоде кампании. «Раскулачивание» началось медленно и неорганизованно в начале 1929 года. Например, в марте 1929 года в деревне Шампаевка Киевской области, насчитывавшей 3000 дворов, 15 крестьян были раскулачены и высланы на Север. Подобное раскулачивание проводилось по инициативе местных властей без каких-либо четких указаний Москвы. 20 мая 1929 года обком Центроволжья постановил, что кулаки-контрреволюционеры должны быть высланы. 14 июня Северо-кавказский крайком партии решил, что кулаки-вредители должны высылаться с конфискацией имущества, но только когда они попадутся на сокрытии зерна и в количестве не более одного-двух на станицу.

Но положение в целом оставалось неясным. Обычным оружием были еще целые серии различных квот и налогов также различных от местности к местности. Например, в одном месте кулак, зарабатывавший в пять раз больше, чем бедняк, платил в тридцать раз больше налог.

Указом от 28 июня 1929 года разрешалось налагать штраф в пять раз больше стоимости индивидуального хозяйства, если последнее не выполнило квоту на поставку зерна. Если же штраф не уплачивался, то все имущество «кулака» распродавалось. Типичным было одно распоряжение в Днепропетровской области: «Гражданин Андрей Бережной, богатый крестьянин, обязан был сдать 40% урожая. Он не додал 200 пудов хлеба и теперь отказывается выполнить свое обязательство. Поэтому в течение 24 ча-

сов он должен уплатить штраф 500 рублей. В случае неуплаты штрафа, его имущество будет конфисковано и распродано»

Нужно отметить, что, кроме кулаков, гонениям и постепенному уничтожению подвергся еще один экономический элемент, терпимый во время НЭПа в интересах рынка. Речь идет о сельских лавочниках — хозяевах маленьких магазинчиков без наемных работников, которых пропаганда объявила «новой буржуазией», «отъявленными нэпманами». Было их около полмиллиона, и их лавки по данным на 1927 год имели средний капитал в 711 рублей (или 375 долларов, если брать по официальному курсу). Уничтожение этих лавок привело к практическому крушению всей системы распределения товаров ширпотреба в деревне. Даже тот жалкий ассортимент товаров, который имелся в наличии, распределить теперь стало невозможно.

Среди различных наказаний для крестьян использовалось в тот период еще и «лишение избирательных прав». На первый взгляд можно, конечно, удивиться, как могло повлиять на крестьян лишение такой фиктивной и практически несуществующей привилегии. Но дело в том, что «лишение избирательных прав» отмечалось в документах и постоянно высвечивало владельца по всей территории страны, где бы он ни пытался найти приют или работу. Как правило лишение прав сопровождалось выселением из дома, лишением продовольственных карточек, права медицинского обслуживания и даже ссылкой.

Конец непонятного периода был положен самим Сталиным, объявившим 27 декабря 1929 года, что нашей целью является «ликвидация кулака как класса».

Директивный партийный документ «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах всеобщей коллективизации» появился несколько позже, 30 января 1930 года. 4 февраля этот документ был одобрен Политбюро и разослан на места в качестве указа.

Раскулачивание, как мы видели, уже шло в большом количестве районов, где заправляли наиболее фанатичные сталинисты. Индивидуальные кулаки уже изгонялись из украинских деревень, казачьих станиц — отовсюду. И уж понятно, что должно было произойти, когда была получена директива об уничтожении кулаков как класса. Кампания разворачивалась в обстановке все увеличивающейся «классовой» истерии. Официальные заявления накаляли атмосферу, утвер-

ждая, что «кулаки не оставят исторической сцены без сопротивления. Поэтому мы должны поступить сегодня с кулаками также, как мы поступили с «буржуями» в 1918. Злобный кулак должен быть сослан на Соловки, чтобы не мешать нашему социалистическому строительству».

Как мы уже говорили, с первого дня существования коммунистического режима слово «кулак» использовалось в искаженном смысле. Но к 1930 году эта терминология была неприменима к понятию «экономического класса» даже в своем извращенном послереволюционном смысле. Многие «кулаки» даже по определению конца 20-х годов были уже окончательно разорены, как это видно также и из советских источников. Других уже совершенно невозможно было назвать богатыми, а уж тем более эксплуататорами. Лишь ничтожное меньшинство еще продолжало владеть тремя-четырьмя коровами и двумя-тремя лошадьми. Всего 1% хозяйств использовал более одного наемного работника.

Ценность имущества, конфискованного у «кулаков», была сама по себе очень хорошим показателем. В одних источниках приводится цифра 170 миллионов рублей, в других, более поздних, — 400 миллионов рублей. Даже если взять цифры в этом диапазоне, 170-400 миллионов, и принять за основу официальную, сильно заниженную цифру количества раскулаченных хозяйств в 1 миллион, то стоимость одного хозяйства получается 170-400 рублей (или 90-210 долларов по официальному курсу). Как заметил один из комментаторов, стоимость депортации была, видимо, гораздо выше дохода от раскулачивания.

В Криворожской области в январе-феврале 1930 года было раскулачено 4080 хозяйств, откуда в доход государства было взято: 2367 построек, 3750 лошадей, 2460 голов рогатого скота, 1105 свиней, 446 молотилок, 1747 плугов, 1304 сеялки, 2021 тонна проса! Советский автор Слинько считает, что столь ничтожные цифры конфискованного имущества вызваны тем, что у кулаков слишком очень много отобрали в период начала «контрнаступления» в 1928-29 годах. Другими словами, он признает, что к 1930 году «кулак» был уже практически бедняком. Он описывает одного из раскулаченных: «У него была больная жена, пять детей и ни крошки хлеба в доме. И его мы называли кулаком! Дети были в лохмотьях и выглядели как призраки. Я увидел горшок в печи: там варилось несколько картошек. Это был их ужин».

Особенно потрясла крестьян экспроприация бывших бедняков, которым, благодаря тяжкому труду в период НЭПа, удалось приобрести лошадь или корову.

Более того, средний доход «кулака» был меньше дохода любого из представителей сельских властей, преследовавших «кулака» как «богача». Однако, экономические показатели уже не играли почти никакой роли или в лучшем случае играли роль подчиненную.

В Сталинской политике, представленной в виде классового анализа, было очень мало реального смысла. Экономически эта политика была разрушительной, поскольку ликвидировала наиболее эффективных производителей хлеба в стране. Рациональное зерно в политике Сталина можно проследить только в том аспекте, что рассматривая крестьянское общество как единое целое, он решил изъять из него всех потенциальных вожаков, могущих помешать его политике полного закабаления крестьянства. Поэтому термин «кулак» стал использоваться в гораздо более широком смысле, чем это могли предвидеть партийные экономисты. А появившийся вскоре термин «подкулачник» вообще был лишен какого-либо экономического контекста. Вскоре последовало и официальное разъяснение. Журнал «На аграрном фронте» № 7-8 за 1930 год пояснил: «Под термином «кулак» мы имеем в виду носителя известных политических тенденций, которые весьма часто заметны и у «подкулачников».

А это означало, что под «раскулачивание» можно подвести любого крестьянина и что введение термина «подкулачник» дает возможность резкого увеличения жертв в сравнении с предварительными партийными оценками.

К 1931 году уже начали официально признавать, что те, кого объявили «кулаками», уже не являются таковыми, какое из советских «определений» к ним не применяй. Западно-сибирский Территориальный Комитет Партии, например, в докладе ЦК отметил, что «кулаки», депортированные в марте, «имели весьма ограниченную собственность», то есть были бедняками. 9 мая 1931 года сам Калинин, выступая на конференции секретарей и членов ВЦИК, сказал, что правительство намерено внести изменения в закон об определении кулака, но после состоявшейся дискуссии, этот проект был оставлен. Советская пресса прокомментировала это следующим образом: «Старые отличительные качества кулака уже исчезли, а новые еще не проявились». (!) (Н.Гущин, «Классовая борь-

ба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне», Новосибирск, 1972 г., стр.236).

Газета «Правда» от 21 октября 1930 года также предупреждала, «что даже самые лучшие активисты часто не могут распознать кулака», поскольку не способны понять, что при удачной продаже урожая «средняцкие хозяйства быстро трансформируются в кулацкие».

Таким образом, по подобной странной, мягко говоря, логике середняка, дела которого шли хорошо, быстро превращался в кулака, но кулак, бедняк, в середняка уже превратиться не мог, и из его положения выхода никакого не было. По своей «сущности» он был классовым врагом, то есть не смел даже считаться человеческим существом. Он должен был исчезнуть, связав всех остальных кровавой круговой порукой, чтобы уже никто не мог оказать сопротивления и организовать крестьян против грядущей коллективизации.

Планы партии относительно «кулака», сформулированные в резолюции от 30 января, основывались на докладе подкомиссии Баумана, которая разделила «кулаков» на три категории, предусмотрев тюремное заключение или смертную казнь для первой категории, насчитывающей по оценке подкомиссии не более 63000 человек.

Однако определение количества людей в «первой категории», то есть тех, кого необходимо было либо расстрелять, либо отправить в заключение, было отдано полностью на усмотрение местных органов ОГПУ, а потому во всех районах, по которым мы имеем данные, их количество значительно превысило разрешенную квоту, составив примерно 100000 человек вместо планируемых 63000. Это подтверждается и недавними советскими работами.

«Вторая категория» по плану подкомиссии должна была включать, помимо других, семь лиц «первой категории», которых надлежало выслать на крайний север, за Урал, в Казахстан, а также в отдаленные районы их собственных провинций. «Вторая категория» должна была насчитывать не более 150000 крестьянских хозяйств. В совершенно секретном циркуляре от 12 февраля 1930 года указывалось, что конфискация имущества лиц «второй категории» должна проводиться постепенно, чтобы совпасть по времени с графиком их депортации.

«Третья категория», считавшаяся подкомиссией Баумана «лояльной», должна была быть «частично экспроприрована», исключена из колхоза и поселена на какой-то

земле данного района. Предусматривалось, что эта «третья категория» будет находиться под правительственным контролем и использоваться в «рабочих отрядах на лесоповале, строительстве дорог и тому подобное». Резолюция также допускала расселение кулаков «третьей категории» на бедных землях их собственной провинции с наделом не более одного гектара на душу.

Первый секретарь Сибирского крайкома Роберт Эйхе (член комиссии, на докладе которой основывалось решение Политбюро) писал в то время, что «наиболее враждебные и реакционные» кулаки должны быть направлены в концлагеря Крайнего Севера и районов Нарыма и Туруханска. Остальные, по мнению Эйхе, должны работать в «трудовых колониях», как назывались те же самые лагеря, но с менее строгим режимом. Но никто из них не должен оставаться в родных деревнях. Труд кулака должен быть использован на строительстве новых предприятий и дорог в необитаемой тайге.

Из недавних советских работ можно прийти к выводу, что первоначально планировалось включить во все три категории 1 миллион 65 тысяч семей. В декабре 1929 года в Политбюро фигурировала цифра 5-6 миллионов раскулаченных, что по семьям примерно составляет вышеприведенную цифру. (Средняя «кулацкая» семья по данным 1927 года состояла из семи человек, что должно дать примерно 7-7,5 миллионов раскулаченных). Но и так ясно, что неизбежное увеличение жертв на местном уровне и добавление «подкулачников» должно было значительно увеличить запланированные цифры.

В московской области квота ссыльных на практике удвоилась. То же самое творилось и в Иваново-Вознесенске. Опубликованные документы говорят, что во многих областях цифра раскулаченных, предусматривавшая по плану 4-5% хозяйств, в действительности составила 14-20%. На это указывают и данные по отдельным деревням. В одной деревне из 1180 хозяйств 202 человека были арестованы или сосланы и 140 человек выселены. В другой деревне из 1200 хозяйств, 160 хозяйств были раскулачены. В третьей из 120 — 31, в четвертой из 800 — 90.

Что касается разделения на категории, то имеющиеся цифры (по районам Западных областей) показывают, что из 3551 хозяйства, объявленного кулацкими, 447 были в первой категории, 1307 — во второй и только 1297 — в третьей. Таким образом, даже на этой стадии 63% «кулаков» предназначались для расстрела, заключения в тюрь-

му и депортации. Что касается оставшихся, то местные директивы указывают расселить их на болотистых или эрозированных лесных землях для выполнения лесных и дорожных работ. Причем, говорится, что в случае невыполнения ими установленной нормы, лица «третьей категории» также подлежат депортации в отдаленные районы крайнего Севера. (Если брать эти цифры в грубом приближении как общие, то получается, что из миллиона «кулацких» семей 630 тысяч попадали в первую и вторую категории, а 370 тысяч — в третью).

Первые массовые аресты, начавшиеся в конце 1929 года, проводились только ГПУ. Были схвачены главы семейств, многие из которых ранее были солдатами Белых армий. Все они были расстреляны.

В декабре 1929 года произошла новая волна арестов. Снова были арестованы главы семейств, которых продержали два-три месяца в тюрьмах, затем отправили в концлагеря. Семьи пока не тронули, но имущество было описано.

В начале 1930 года взялись за семьи. Но теперь операция стала слишком масштабной, чтобы с ней могло в одиночку справиться ОГПУ. Поэтому в помощь ОГПУ для проведения массовой депортации были мобилизованы партийные активисты.

Мы уже отмечали, что в нашем распоряжении имеются подробные инструкции по Западным областям СССР, которые дают ясную картину того, как проходили подобные операции. Местный обком принял решение по раскулачиванию 21 января 1930 года (еще до того, как были сформулированы официальные инструкции). Два офицера ОГПУ составили план. Аппарат ОГПУ был усилен, местной милиции было приказано оставить все другие дела. Все задействованные в операции получили оружие. Были созданы, знакомые еще по Гражданской войне, «тройки», куда входили главы местных партийных и советских органов, а также шеф ОГПУ.

В первые недели 1931 года недепортированные до этого украинские кулаки, не выполнившие квоты поставок, были экспроприированы и сосланы. То же самое происходило на Северном Кавказе и Нижней Волге, что получило название «новой волны уничтожения кулака как класса».

В одной деревушке Днепропетровской области, где было всего 19 хозяйств, 10 хозяев были раскулачены в первой волне и 5 — во второй. Другой хутор из 16 неболь-

ших хозяйств и наделом в 950 акров (Рушка, Киевской области) был раскулачен полностью в 1930 году и прекратил свое существование. В одной из Северо-кавказских станиц 16 хозяйств, ранее считавшиеся «некулацкими», были «выявлены» зимой 1930 года. Крестьяне были сосланы, имущество конфисковано. Всего у них было отобрано 22 лошади, 30 коров и 19 овец. Таким образом, эти «богачи-эксплуататоры» владели в среднем 1,4 лошади, 1,8 коровы и 1,2 овцы!

Четкие категории постепенно смешивались «Счастливым» третьей категории уже не оставалось времени радоваться своему статусу. Сами советские историки отмечают, что «поскольку третья категория также была против колхозов, возникла необходимость высылки их в более отдаленные районы». (Данилов В.П., «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках», Москва, 1963 год; Инвицкий Н.А. «Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса», Москва, 1972 год)

Официальное решение о депортации второй волны кулаков было принято в феврале 1931 года. Оно было более тщательно подготовлено, чем первое. Были заранее составлены списки работниками ОГПУ, замаскированными под фининспекторов. Операция была начата 18 марта 1931 года. Однако, видимо, произошла утечка информации, поскольку многим семьям удалось скрыться. (В одной деревне скрылись 32 семьи из 74, предназначенных к аресту и высылке.)

Побег действительно оставался единственной возможностью спасения, и тот факт, что примерно миллион семей именно так и поступили, сам по себе очень показателен. Еще в начале кампании «Правда» жаловалась на кулаков, «которые начали продавать свою собственность, делить ее между родственниками-середняками, отпускать скотину или оставлять ее некормленной, ломать сельскохозяйственные машины»

Иногда кулаки пытались бежать со своим скотом, хотя это никогда не приносило успеха. Например, в документах говорится, что в Ставропольском районе «кулаки из района в район гнали стадо волов, коров, лошадей и овец»

Когда в деревнях начались массовые бунты, то бывшие преуспевающие крестьяне часто, хотя и не всегда, были среди руководителей бунта. Более, однако, ничего в свою защиту они сделать не могли. Бытует правда, много историй, как мужчины нападали на своих гонителей с топорами и палками и расстреливались на месте

Еще одной общей формой протеста было уничтожение имущества, часто путем поджога. В деревне Подхородная Днепропетровской области одна женщина в 1931 году бросила горящий пучок сена на соломенную крышу конфискованного у нее дома, крича агентам ОГПУ: «Мы работали всю жизнь на этот дом. Пусть он лучше сгорит, но вы его не получите!»

Советская пресса с самого начала «раскулачивания» много писала о подобных случаях: о поджогах помещений парткомитетов, советов, милиции и тому подобное

Иногда говорят, что в массовом отрыве крестьян от земли можно найти некоторое рациональное начало — они влились в число городских рабочих, нехватка которых грозила крахом планов индустриализации.

Действительно, «кулаки» использовались на новых шахтах и рудниках в районах их ссылки, а в Сибири значительная часть кулаков третьей категории «из-за нехватки рабочей силы» была направлена на строительство новых промышленных объектов и на лесозаготовки. Но всюду, где «кулаки», сорванные со своей родной земли, вливались в ряды городского пролетариата, это делалось вопреки строжайшим запретам со стороны властей.

Совершенно секретный указ от 12 февраля 1930 года, призывал к особой бдительности для предотвращения проникновения «кулацких элементов» на промышленные предприятия. Введение внутренних паспортов указом от 27 декабря 1932 года было мотивировано необходимостью «вычистить кулаков, преступников и другой антисоциальный элемент из городов»

В самом деле, много попавших в безвыходное положение кулаков пробралось в города, где была такая нехватка рабочей силы, что директора предприятий на свой страх и риск брали их на работу. В феврале 1930 года «Правда» яростно набросилась на таких директоров, приводя пример, что из 1100 вновь принятых на работу в районе Херсона, 50 оказались бывшими «кулаками». И, конечно, все они были лодырями, пьяницами и саботажниками, так что их пришлось уволить и арестовать. В Донецком бассейне кулаки, которые ухитрились устроиться на работу, были выявлены, арестованы и направлены в концлагеря Восточной Сибири.

Типичной мерой на местном уровне был приказ от 31 января 1930 года, отданный председателем Окружного Исполкома города Камьянска, призывавший опознать и немедленно уволить всех бывших кулаков, проникших на

железную дорогу и три местных фабрики. Председатель Исполкома Нелупенко жаловался, что сельские советы выдают крестьянам справки, из которых явствует, что те не являются кулаками. «Такие справки создают ложное впечатление об их социальном статусе и используются для проникновения на предприятия с наемной рабочей силой. Подобная практика должна быть немедленно прекращена»

Некоторые кулаки, как свидетельствует советская пресса, «бежали с мест поселения, пробравшись в советские институты, промышленные предприятия, колхозы, совхозы и МТС, где занялись вредительством и воровством. Но эти дезорганизаторы социалистического производства были быстро разоблачены и понесли заслуженную кару» («История советского крестьянства и колхозного строительства», Москва, 1963 г., стр.227). Таким же образом была перекрыта дорога и в вооруженные силы. Специальная инструкция требовала выяснения у новобранцев их прошлого, чтобы предотвратить «попытки проникновения кулацких элементов в Красную Армию»

Видимо, власти искренне ожидали, что «кулаки» будут оставаться в своих деревнях и ждать там своей судьбы. Газета «Правда» строго требовала недопущения того, чтобы «кулаки распродавали свою собственность, а сами скрывались неизвестно куда».

Советский историк Инвицкий отмечает, что в разгар раскулачивания, в конце 1930 года, 400 тысяч хозяйств было экспроприровано, 353 тысячи 400 — ждали своей участи, а остальные (200-250 тысяч) распродали имущество и бежали в города. Даже по скромным, заниженным советским оценкам в период с 1929 по 1932 года «самораскулачилось» и сбежало 20-25% из миллиона официально признанных ликвидированными кулацких хозяйств. Эта пропорция выглядит достаточно правдоподобно. Если брать официальную цифру Политбюро в 5-6 миллионов раскулаченных лиц, то выходит, что 1-1,2 миллиона сбежали, пусть временно, а 4-4,8 миллиона покорились судьбе. Мы уже видели, что произвольное расширение ярлыка «кулак» и введения нового ярлыка «подкулачник» значительно увеличили официальные цифры, но пропорция сосланных и сбежавших, видимо, осталась неизменной

Инвицкий, писавший свою работу в эпоху Хрущева, считает, что к октябрю 1931 года было депортировано всего 381 тысяча семей. «Статистический Справочник СССР за 1928 год» считает, что в среднем семья «кула-

ка» составляла 6,5 душ (5,4 — у середняка, 3,9 — у бедняка) По этому расчету общая цифра высланных составит 2,5 миллиона человек

Однако, Рой Медведев считает эту цифру «значительно заниженной» по нескольким причинам. Во-первых, массовая депортация не прекратилась в октябре 1931 года, а продолжалась официально до мая 1933 года, когда указ, подписанный Сталиным и Молотовым, предписал, чтобы в будущем высылались только отдельные семьи и не более 12 тысяч в год В указе говорилось, что в 1933 году намечалось к депортации 100 тысяч семей, так что весьма реальной выглядит цифра в 150 тысяч семей, депортированных за 18 месяцев в период с октября 1931 года по май 1933-го Другими словами, речь идет еще о миллионе человек, захваченных «второй волной» Можно вспомнить и о замечании Сталина в разговоре с Черчиллем о «10 миллионах раскулаченных» Но еще раньше, в 1933 году, Сталин говорил о 15% уничтоженных хозяйств из числа существовавших до коллективизации, описывая их «как кулацкие»

На июнь 1929 года насчитывалось 25 миллионов 838 тысяч 80 крестьянских хозяйств 15% от этого числа составляет примерно 3 миллиона 875 тысяч хозяйств или (приняв по 5 человек на семью) 19 миллионов 380 тысяч человек Из этой цифры мы должны вычесть количество людей, тем или иным способом избежавших депортации Мы уже говорили о советских оценках сбежавших в 20-25% Украинские эмигрантские источники дают еще большую цифру — сбежать удалось примерно трети Приняв даже эту цифру за основу, мы получим примерно 13 миллионов депортированных

Кроме того, было официально заявлено, что 15 миллионов гектаров земли было экспроприровано у кулаков в пользу колхозов в период 1929-32 года. Средний «кулацкий» надел в 1928 году составлял 4,5 гектара, то есть количество конфискованных земель составляло 3,3 миллиона хозяйств или в пересчете на людей — 15 миллионов человек Если считать, что треть сбежала, то сосланных остается 10 миллионов, что является абсолютным минимумом

Профессор М.Левин приходит к выводу, что «число депортированных, более-менее признанное на сегодня советскими источниками, уже превысило миллион хозяйств или 5 миллионов душ» и это только по РСФСР и Украине, не считая других союзных республик. (Например, 40 тысяч хозяйств в Узбекистане). Суммируя все цифры, Левин так-

же приходит к 10 миллионам как к минимуму. Другие известные исследователи этого вопроса также называют число сосланных в 10-11 миллионов, считая, что треть из них погибла.

В то же самое время, какие бы цифры между 10 и 15 миллионами мы не брали бы за основу, подсчитывая количество депортированных, не следует забывать и тех глав семейств, что были арестованы и расстреляны или «отправлены на Соловки». Мы уже отмечали 200 тысяч арестованных по «первой категории» в конце 1929-го—начале 1930-х годов. (Эти аресты уже касались не только кулаков. В одном из районов власти объявили об аресте всего за один день 234 кулаков, 200 середняков и 400 бедняков, о чем сообщила «Правда» от 7 декабря 1929 года...)

Журнал «Вопросы истории КПСС» (N 5, 1975 год, стр. 130) рассказывает нам, например, что «в первой половине 1931 года органами советской власти были привлечены к ответственности (то есть арестованы) 96 тысяч человек. Это были кулаки, белогвардейские офицеры, бывшие полицейские и жандармы и другие антисоветские элементы...» В 1931-32 годах в Западной Сибири при заготовке зерна было арестовано 1000 кулаков и 4700 крестьян, «социально и экономически близких к кулакам».

Отправленные в тюрьмы и концлагеря, конечно, не могут быть подсчитаны точно. Но из современных советских документов известно, что в 1931-32 годах в местах заключения только в РСФСР и на Украине находилось почти 2 миллиона (два миллиона) человек. В этот период и до 1937 года подавляющую часть заключенных составляли крестьяне. К 1935 году общее количество заключенных возросло до 5 миллионов человек, из которых по меньшей мере 4 миллиона составляли крестьяне, хотя, конечно, далеко не все они были из числа «раскулаченных».

В 1929 году только в Коми-лагерях, по сообщению одного из бывших охранников, находилось 200 тысяч заключенных — почти все они были крестьянами. В июне 1934 года на строительстве Беломоро-Балтийского канала работало 286 тысяч заключенных, подавляющую часть которых опять же составляли крестьяне.

Летом 1932 года около 12 тысяч заключенных (почти все бывшие крестьяне) было высажено на берег в Магадане, в условиях плохо продуманной и наспех подготовленной программы по эксплуатации золотых россыпей, обнаруженных в этом районе. Когда же в этом, самом холодном месте Северного полушария, наступила зима,

все лагеря вымерли до последнего человека, включая охрану и сторожевых собак. Летом морем завезли новую партию. Зимой удалось выжить только одному заключенному из пятидесяти. Летом снова были доставлены «подкрепления». Зимой снова вымерли почти все. «Они умирали,— вспоминает Варлам Шаламов — один из тех, кто чудом пережил этот кошмар,— демонстрируя снова и снова свое национальное качество, которое прославил Тютчев и ругали все политики — терпение».

Краткий курс «Истории партии» о событиях 1930-31 годов, повторяя чуть ли не буквально слова Сталина, пишет, что «крестьяне сами сгоняли кулаков с земли, раскулачивали их, отбирали у них скот и машины, а затем требовали у Советской власти их ареста и высылки».

Видимо, нет необходимости говорить, насколько все это, мягко говоря, не соответствует действительности.

Советский писатель Василий Гроссман по этому поводу пишет: «Сначала областные власти спускали план по раскулачиванию районным властям. План был составлен в виде списка общего количества «кулаков». В районах делали разбивку по деревням и спускали план в сельские советы, где в списки уже проставлялись конкретные фамилии. А кто составлял эти списки? Тройки...» Последние советские исследования подтвердили ответственность «троек» за разгром деревни. Состояли эти «тройки» всегда из секретаря парторганизации, члена местного совета и ответственного представителя ОГПУ.

Затем группам «активистов» поступал приказ начать акцию, опираясь на поддержку руководства местным советом, в соответствии с разработанным планом. Большие деревни в 1000 дворов разбивались на «сектора», в каждом из которых был «штаб» и «бригады» коммунистов.

Правда, сельские советы часто пытались сопротивляться решениям властей. Собирались общие собрания, где путем голосования принимались решения, берущие под защиту обреченных людей.

Официальная советская газета «Радянська Україна», например, рассказывала о четырех председателях сельских советов, заявивших, что у них нет «кулаков» и что они не знают, как вести классовую борьбу. Один из этих председателей даже отказался помочь прибывшей для раскулачивания бригаде. В итоге, весь сельсовет, комбед и исполком колхоза были разогнаны за саботаж. Газеты периодически отмечали сотни подобных примеров «правого оппортунизма в деревне»

Указ ВЦИКа от 25 января 1930 года открыто говорил о сельских советах, неспособных решить задачу массового раскулачивания, оказавшихся фактически «кулацкими советами». Рано или поздно подобные советы разгонялись

Однако, честно говоря, Сталину удалось разжечь «классовую войну» или, по крайней мере, войну между сторонниками и жертвами режима. Сталин умело сыграл на той ненависти, которую веками испытывали друг к другу русские люди. «Активисты», помогавшие ОГПУ при арестах и депортациях, «были людьми, хорошо знавшие друг друга и своих жертв, но при выполнении задачи они становились какими-то иступленно жестокими. Они угрожали людям револьверами, называли маленьких детей «кулацкими ублюдками», орали «кровососы!» Они как будто находились под гипнозом внушенной им идеи, что эти так называемые «кулаки» были париями, неприкасаемыми, паразитами. Они не могли сидеть с «паразитом» за одним столом. Ребенок «кулака» вызывал только отвращение, молодая девушка из «кулацкой» семьи считалась хуже, чем вошь. Они глядели на так называемых «кулаков» как на скот, как на свиней, как на нечто отвратительно мерзкое. Кулаки не имели души. Они были вонючими, сифилитиками, врагами народа, эксплуататорами. И никакой жалости к ним не было, поскольку они не были человеческими существами, давно превратившись в грязных паразитов и преступников»

Мы привели цитату из книги Василия Гроссмана «Все течет» Будучи евреем, Гроссман много писал о трагедии евреев в гитлеровской холокосте. Он проводит аналогию между отношением нацистов к евреям и отношением «активистов» к кулакам. У Гроссмана одна женщина «активист» вспоминает: «Они — не люди, они — кулаки»... А кто придумал это слово «кулак»? Что он реально означает? Чтобы истребить и перерезать их всех, нужно было объявить, что кулаки — не люди. Так же, как немцы объявили, что евреи — не люди, Ленин и Сталин объявили, что кулаки — не люди.

Вопрос, кого раскулачивать, полностью переходил на усмотрение местных властей, отодвигая экономические факторы далеко на задний план. Советский журнал «Народное просвещение» (№ 6/1930) рассказывает о том, как была раскулачена одна учительница — вдова коммуниста, погибшего в Гражданскую войну. «Все это произошло потому, что она много раз выгоняла местных «активистов» секретаря сельсовета, культорга и председателя кооп-

союза — из школы, где они пьянствовали. Поскольку у вдовы не было «средств производства», которые можно было конфисковать, у нее отняли одежду и посуду, а также разорвали все ее книги. Другая учительница, «раскулачиваемая» по той причине, что она была дочерью священника, представила документы, говорящие о том, что она дочь крестьянина. Однако, ей заявили, что «поскольку ее мать ходила к священнику, она вполне могла быть и его дочерью».

Фанатики, конечно, были, но их было меньшинство. Большинство же составляли люди, которые пытались извлечь из раскулачивания свою выгоду, пусть даже самую ничтожную. Крича о политической сознательности, они, снедаемые обычной завистью, видели в раскулачивании только возможность что-либо украсть. И воровали, что попадет под руку: что-нибудь из одежды, пару сапог. Даже официальные рапорты отмечают, что объявленные «кулаками» рассматривались их врагами как «источник одежды, белья, обуви и так далее». Сама «Правда» не раз возмущалась подобными фактами «разграбления имущества». В секретных докладах ОГПУ (по Западным областям) часто говорится, что «с кулаков сдирали сапоги, раздевали их, оставляя в нижнем белье». «Галоши, женские украшения, чай, какая-нибудь кочерга, умывальники — все просто растаскивалось теми, кто успел схватить». Доклады ОГПУ рассказывают о «членах рабочих бригад и официальных лицах партаппарата нижнего эшелона, ворующих одежду и обувь, даже рваную, поедающих на месте всю обнаруженную пищу и выпивающих все обнаруженное спиртное. Воровались даже очки. Приготовленная для детей каша либо съедалась, либо выплескивалась на иконы».

Одна женщина из кулацкой семьи уцелела, поскольку была искусной портнихой. Ей разрешили остаться в деревне, чтобы она перешивала одежду, награбленную активистами при раскулачивании.

Происходили самые невероятные вещи. В одной из украинских деревень некий крестьянин принимал участие в разграблении дома «кулака», а на другом конце деревни точно так же «экспроприировали» его собственное имущество и дом.

Происходило много случаев, порицавшихся как «перегибные», когда, например, рапортовали о классовой победе в следующих выражениях: «В промежутке с 5 часов утра до 7 часов вечера кулаки были ликвидированы как класс». («Большевик», N 5, 1930). ОГПУ жаловалось, что

активисты вторгаются в соседние районы, где раскулачивание проходит без энтузиазма.

Начиная с весны 1930 года Прокуратура СССР выпустила бесчисленное количество приказов и постановлений, пытаясь внести какую-то законность и регулярность в систему арестов и судов. Однако, все это не давало никаких результатов, явно не имея поддержки на местах. Так обстояли дела до 8 мая 1933 года, когда появилось секретное «письмо Сталина-Молотова», адресованное всем партийным и советским работникам, всем органам ОГПУ, судов и прокуратуры.

В письме говорилось:

«Центральный Комитет и Совнарком информированы, что беспорядочные массовые аресты в сельской местности все еще являются практикой наших работников. Подобные аресты производятся председателями колхозов, членами колхозных правлений, председателями сельсоветов, секретарями партячеек, районными и краевыми работниками. Аресты производятся всеми, кто желает и кто, строго говоря, не имеет на это права. Не удивительно, что в такой вакханалии арестов, органы, имеющие право на арест, включая и органы ОГПУ, а особенно милицию, потеряли всякое чувство меры и часто производят аресты без каких-либо оснований, руководствуясь правилом: «сначала арестовать, а потом разбираться»

Конечно, к этому времени «кулаки», какой смысл ни вкладывать в это слово, давно уже были уничтожены. Но концентрация террора в руках профессионалов в лице страшно разросшейся службы безопасности не сулила никаких поблажек будущим жертвам. Вышинский разъяснил, что революционная законность не исключает, а скорее впитывает в себя «революционное насилие»

Мы имеем сотни примеров подобного революционно-го «насилия» над «кулаками», многие из которых были героями Красной Армии, штурмовавшими Перекоп и совершившими поход на Варшаву. Они вернулись с фронтов Гражданской войны, взялись за хозяйство, обманутые лозунгом: «Обогащайтесь!»

Бывший безземельный крестьянин, служивший ранее в Красной Армии, имел к 1929 году 35 акров земли, двух лошадей, корову, свинью, пять овец и сорок куриц, а также семью из шести человек. В 1928 году ему установили налог: 2 тысячи 500 рублей и 259 килограммов зерна. Он не смог заплатить подобный налог, и его дом (стоимостью в 2 тысячи рублей) был конфискован и «продан» активисту за

250 рублей. Все его добро также было продано активистам, а инвентарь и домашний скот переданы в колхоз. Сам крестьянин был арестован. В тюрьме ему предъявили обвинение в том, что он, будучи «кулаком» (хотя до этого он значился как «подкулачник»), демонстративно отказался платить налоги, агитировал против коллективизации и советского правительства, а также принадлежал к тайной контрреволюционной организации. В его «деле» было записано, что он владел 500 акрами земли, пятью парами волов, пятьюдесятью коровами, эксплуатировал батраков и так далее. В итоге он получил 10 лет лагерей.

Другой «кулак» (владевший 8 акрами земли) был отправлен 5 февраля 1931 года вместе с другими расчищать от снега железнодорожное полотно. Вернувшись, он обнаружил, что вся его собственность конфискована, за исключением котелка, миски и ложки. Вскоре он был арестован и направлен в северные районы на лесоповал.

Украинский «кулак» с 12 акрами земли, коровой, лошастью, 10 овцами, боровом и 20 курицами получил приказ в 1929 году продать государству 22 тонны зерна, что было совершенно невозможно, учитывая площадь земли. Он продал все, что мог, чтобы купить необходимое зерно и уплатить налог. Тем не менее, 25 февраля 1930 года он был арестован и отправлен в Сибирь.

Еще один «кулак» был экспроприирован до нитки, включая одежду детей, не считая того, что было на них одето. Ему было приказано регулярно отмечаться в райотделе ОГПУ в 18 километрах от деревни, предупредив, что если он сбежит, то семье придется «очень плохо». Его дети вынуждены были ходить по людям побираться, но любая пища, которую им удавалось таким образом достать, безжалостно отбиралась активистами. 14 декабря 1929 года все семейство было схвачено прямо на улице и вскоре депортировано. Уцелел только сам хозяин, а его мать, жена и шестеро детей — все умерли в ссылке.

Очень типичную историю поведала одна девушка из середняцкой семьи, имевшей лошадь, корову, теленка, несколько овец и поросят. Семья жила на Украине в деревне Покровное. Отец девушки не хотел вступать в колхоз. Тогда его арестовали под предлогом, что прячет зерно.

«Целую неделю,— рассказывает девушка,— отцу не давали спать, били его палками и рукоятками револьверов, превратив все его тело в сплошной кровоподтек. Но зерна у него не было и отдавать ему было нечего. Наконец, он не выдержал пыток и пообещал достать зерно. Когда его выпу-

стили, он вынужден был забить свинью, продать мясо в городе и купить на эти деньги зерна. Но это не помогло. Вскоре все имущество было описано и конфисковано. Отца, мать, меня, старшего брата, двух младших сестер и маленького братишку заперли на ночь в бывшей деревенской церкви»

Затем их отправили пешком на станцию, посадили в телячий вагон длинного товарного поезда, который очень долго стоял, прежде чем тронуться. Недалеко от Харькова поезд остановился, и добросердечный охранник разрешил девушке пойти попробовать достать немного молока для маленького брата. В ближайших домах, у каких-то добрых крестьян, она достала немного хлеба и молока, но когда вернулась, то поезд уже ушел. Она стала бродягой, и ее рассказ — это все, что осталось от крестьянской семьи.

Все эти примеры показывают, что судьбы «кулаков» варьировались.

«Первая категория кулаков», объявленная непримиримыми «классовыми врагами», была арестована зимой 1929-30 годов. В то время только в Киевской тюрьме расстреливалось по 70-120 человек за ночь. Один из заключенных, арестованный за религиозные убеждения и содержавшийся в тюрьме ГПУ в Днепропетровске, отметил, что в их камере на 25 человек содержалось 120, из которых одного-двух каждую ночь брали на расстрел

Другой арестованный «кулак», находившийся в Полтавской тюрьме, рассказывал, что в камере на семь человек держали 38. Рацион состоял из 100-150 грамм почти невыпеченного хлеба. В тюрьме ежедневно умирало около 30 человек (из примерно 2000). Тюремный врач, оформляя умерших, писал один и тот же диагноз: «Паралич сердца».

Что касается судьбы семей «первой категории», то типичными являются события в украинской деревне Велики Солонцы, где после того, как 52 мужчин арестовали и увезли в тюрьму, их семьи посадили в вагоны, везли какое-то время, а затем выбросили из вагонов на песчаной пустынной косе реки Ворксла, где и оставили.

В другой деревне Полтавской области, после ареста 86 глав семейств, семьи были выселены из домов, и им было предложено идти, куда хотят. Соседи пытались, кого могли, приютить, но вскоре был отдан приказ, запрещающий какую-либо помощь раскулаченным. После этого 300 человек, включая 36 детей и 20 престарелых, под конвоем были отправлены в пещеры, примерно в 5 километрах от деревни. Возвращаться в деревню было

запрещено. Некоторые сбежали. Все это продолжалось с декабря 1929 года по апрель 1930 года, когда всех уцелевших собрали и отправили на Север.

Депортация «кулаков» была событием такого огромного масштаба, что ее часто рассматривают просто как массовое явление, оперируя миллионами и забывая, что эти миллионы состояли из относительно небольших групп, каждая из которых имела свою собственную трагическую судьбу.

Некоторые, получившие ссылку, никогда не прибывали на место назначения. Один кулак с хутора Хрушка Киевской области захватил с собой фотографию своего бывшего дома. Фото обнаружили, он был арестован и в тот же вечер расстрелян.

Престарелых иногда не трогали. В одной деревне активисты объяснили американскому журналисту, что хотя сорок кулацких семейств было депортировано, «очень старых, лет девяносто и старше, мы разрешили оставить, поскольку они не опасны для советской власти».

Гроссман описывает типичную сцену:

«Из нашей деревни кулаков гнали пешком. Они взяли с собой только то, что могли унести. Грязь была такой, что срывала обувь с их ног. На них было страшно смотреть. Они шли колонной, оглядываясь на свои избы, их тела еще хранили тепло родных печей. Какую боль они должны были чувствовать! Они родились сами в этих домах, там родились их дети, там они выдавали замуж своих дочерей. Они оставили горячие печи, недоеденные щи, недопитое молоко. Дым еще поднимался из труб. Женщины тихо плакали, они боялись это делать громко. Но нам до них не было никакого дела, мы гнали их как гусей. Позади всех ехала телега, которая везла слепую старуху Пелагею, столь же старого Дмитрия Ивановича, уже лет десять не выходившего из дома, и Марусю, дочку кулака, парализованную идиотку с тех пор, как ее в детстве лягнула лошадь».

В Сумской области очевидец описывает колонну депортируемых, растянувшуюся от горизонта в оба направления. В эту колонну вливались все новые и новые люди из попутных деревень. Всех погрузили в эшелон, который через восемь дней доставил их «в спецпоселение» на Урале.

26 мая 1931 года эшелон из 61-го товарного вагона, погрузив около 3 тысяч 500 членов кулацких семей, вышел с Янценово — небольшой станции Запорожской области — и прибыл 3 июня к месту их сибирской ссылки.

Другой поезд из 47 вагонов, везя более 2000 депортированных, вышел из Ростиха 18 марта 1931 года. В каждом вагоне было от 40 до 60 человек. Товарные вагоны были заперты, света не было, воздуха не хватало. Буханка хлеба (300 грамм), бачок чая или жидкой похлебки полагался на 10 человек. Но даже и эта скудная пища не выдавалась ежедневно. В некоторых случаях вместо чая и похлебки выдавали просто воду.

Смертность в таких эшелонах, особенно среди детей, была очень высока, достигая порой 15-20%. (Такая же смертность имела место и в конце 40-х годов при массовой депортации национальных меньшинств).

Состояние здоровья депортированных было разное, и случалось всякое. Некоторые женщины были беременными. Одна казачка родила прямо в эшелоне. Ребенок, естественно, очень скоро умер, и солдат охраны выбросил его на ходу поезда.

Иногда депортированных привозили более-менее непосредственно в места, назначенные для ссылки, иногда им приходилось долго сидеть на пересылках, особенно в Вологде и Архангельске.

В Архангельске были закрыты все церкви, используемые как пересыльные тюрьмы. Внутри храмов были сооружены многоярусные нары. Ни в дороге, ни на пересылках вымыться было негде. Крестьяне были покрыты многосуточной грязью. Местным властям было запрещено оказывать им какую-либо помощь. В Вологде также в качестве тюрем использовались 47 церквей. Для кого не хватало места в церквях, тех держали под охраной на открытом воздухе, — в частности в привокзальном парке. Когда крестьян везли дальше, в городах оставалось много трупов.

Но так или иначе депортированные в итоге достигали места ссылки в тайге или тундре. Некоторые из них, местом назначения которых был Крайний Север, сталкивались с новой опасностью на великих сибирских реках. Их сплавляли вниз по течению на плотам, многие из которых гибли или пропадали без следа.

В тайге, если там была деревня, кулаков поселяли кое-как в конюшнях или пустующих строениях. Если нет, то их оставляли прямо на снегу, предоставляя своей участи. Слабые быстро гибли. Оставшиеся в живых сооружали в лесу подобие шалашей, работая много дней без сна и отдыха, чтобы спасти свои семьи от смерти на морозе.

В Сибири партию кулаков, выгруженную из эшелона в Надеждинске, четыре дня гнали пешком по тайге, отогнав примерно на 70 километров от города. Наконец, их пригнали на поляну, со всех сторон окруженную лесом. Представитель ОГПУ, забравшись на какой-то пенек и обведя рукой вокруг, крикнул им: «Ваша Украина теперь здесь. Кто попытается бежать отсюда — будет расстрелян!»

Другую партию кулаков пригнали в поле, вблизи Красноярска. В поле не было ни одного строения, чтобы укрыться от мороза и ледяного ветра, но само поле было уже огорожено колючей проволокой и стояли вышки для охраны. В течение двух месяцев из 4 тысяч пригнанных сюда крестьян, погибла половина. В другом лагере, на Енисее, кулаки жили в землянках. Немецкий коммунист описывает, как целую партию кулаков из Центральной России и Украины погнали зимой в пустыню между Петропавловском и озером Балхаш в Казахстане. «Там, куда их пригнали, в мерзлой земле торчали только колышки с еле заметными надписями «Поселение N 5, N 6» и так далее. Крестьян оставили там, заявив, что теперь они должны сами заботиться о себе. Ссылные начали копать норы в земле. Подавляющая часть из них погибла до наступления весны от морозов и голода»

Лагерь N 205 в сибирской тайге у Копейска сначала состоял из импровизированных шалашей, построенных ссылными. Около половины мужчин были направлены на лесоповал, остальные — на рудник. Бездетные женщины и незамужние девушки также работали на руднике. В ноябре все старики, больные и дети до 14 лет были направлены на строительство зимних бараков из дерева и глины. Рацион их состоял из миски похлебки и 170 грамм хлеба в сутки. Почти все дети умерли.

Места сосредоточения ссылных назывались «спецпоселениями». Они не считались «местами заключения», но находились под прямым контролем ОГПУ. 16 августа 1930 года правительство издало указ о коллективизации кулаков в местах их ссылки, но этот указ не имел какого-либо практического значения, поскольку «спецпоселения» и так были «коллективизированы» охраной ОГПУ. «Спецпоселенцы» не имели никаких, даже теоретических прав, считаясь людьми второго сорта с идеологической и гражданской точек зрения.

Если мужчина или женщина со стороны вступали в брак со «спецпоселенцами», то они также переходили на их бесправный статус рабов.

Один из иностранных коммунистов рассказывает, что, когда ссыльные еще сооружали свои жалкие лачуги, «партработники часто приезжали в поселение верхом. Считалось еще хорошо, когда они просто орали на нас и оскорбляли последними словами. Иногда они приезжали с нагайками, избивая любого, кто им подвернется под руку, разгоняя нагайками даже играющих детей».

В продовольственном отношении ссыльные вначале полностью зависели от ОГПУ. В северных «спецпоселениях» при выработке полной нормы полагалось 600 грамм хлеба в сутки, при неполной выработке — 400 грамм, при наказании — 200 грамм. Эти цифры даже ниже норм, существовавших в концлагерях в худший период их деятельности.

«Спецпоселения», конечно, находились в районах, никем до этого не обжитых, в самых диких и пустынных местах. Большая часть их была в Архангельской, Вологодской и Котласской областях. В четырехсотмильной полосе между Архангельском и Грязовецом, на расстоянии примерно 60 километров от железной дороги, была большая концентрация лагерей, уходящих со временем все глубже и глубже в леса. По некоторым оценкам в этом районе была собрана самая большая группа кулаков — более двух миллионов человек. Доминировали среди них украинцы. Примерно половина была с детьми, хотя эта пропорция постепенно уменьшалась по мере вымирания детей.

Официальные цифры на февраль 1930 года указывают на 70 тысяч кулацких семей, перемещенных на Север. В переводе на души это означает примерно 400 тысяч человек с ежедневно прибывающими новыми эшелонами. По официальным данным «городское» население района с 1926 по 1930 годы увеличилось по северо-восточному району с 325 тысяч до 478 тысяч и по Вятскому району до 536 тысяч человек. Большую часть этого прироста безусловно дали кулаки в рабочих лагерях и спецпоселениях.

В Сибири только Красноярский край получил в 1930-31 годах 24 тысячи 200 кулацких семей. Типичным местом ссылки был также Нарым на крайнем севере Сибири. Большую часть года эта территория представляла из себя ледяную пустыню, превращаясь в короткий период лета в кишасщее мошкаррой болото. Солженицын рассказывает, как в феврале 1931 года «бесконечные колонны телег, окруженные конвоем, проезжали через деревню Коченово Новосибирской области. Набитые до отказа людьми, они появлялись из заснеженных буранами степей, быстро про-

езжали через деревню, чтобы снова исчезнуть в степных снегах. Все они направлялись на нарымские болота, ненасытная тряσιна которых поглотила их навсегда. Правда, многие дети умерли еще во время пути...»

Трапезников, будучи в то время партаппаратчиком высокого ранга, официально сообщал, что начиная с 1932 года в Нарымский край, чье население составляло 119 тысяч человек, было насильно сослано 196 тысяч кулаков. Другой официальный источник (Инвицкий) сообщает, что в Нарым было отправлено 47 тысяч кулацких семей. Даже если мы возьмем среднюю крестьянскую семью, состоящую из пяти человек, то получим, что в Нарым было послано 235 тысяч человек. Так что, сопоставляя данные Трапезникова и Инвицкого, мы получаем, что минимум 40 тысяч человек могут считаться погибшими в дороге. Большую часть из них без сомнения составили дети.

Мы уже говорили, что «кулаки» стали главной рабсилой «вновь создаваемых» промышленных предприятий Крайнего Севера и Дальнего Востока. Весной 1931 года было принято решение направить 10 тысяч кулацких семей на выработку железной руды, а 8 тысяч семей — в угольные районы Печоры. В Магнитогорске, на новом промышленном комплексе, было занято 50 тысяч рабочих. Примерно 18 тысяч из них были раскулаченные крестьяне, а 20-25 тысяч — заключенные, которых официальная литература называет преступниками, ворами, расхитителями и проститутками.

На Северном Урале местный инженер описывает несколько эшелонов с кулаками, прибывшими в 1931 году. Они прибыли специально для работы на шахтах. Позднее этот инженер встречал подобные же партии кулаков на золотых приисках, на медных и цинковых рудниках — повсюду в их крае.

В Бачатском на реке Томь около 5 тысяч кулаков работали на строительстве порта, получая чуть больше 150 грамм хлеба в сутки, но с разрешением добывать дополнительную пищу, где смогут.

Тех, кого держали на работах сельского типа, ждали свои неожиданности. Привыкшие к тяжелой работе, исключительно трудолюбивые, они могли везде служить примером. Рассказывают, что в начальный период раскулачивания в 1928 году, группа депортированных кулаков была послана на лесоповал. В то время режим работы был мягким, и они могли получать столько, сколько заработают по твердым расценкам. Кулаки

настолько преуспели на новой работе, что снова быстро разбогатели, а потому были снова раскулачены и депортированы в другое место. (Можаев, «Старые истории»).

Не имея ни лошадей, ни плугов, с небольшим количеством топоров и лопат, депортированные крестьяне пытались начать сначала на новых местах. Часто им это удавалось и они создавали процветающие «спецпоселения». Однако власти, заметив это, тут же разгоняли это поселение и выселяли их жителей куда-нибудь еще подальше. Есть даже сообщение, что одна группа крестьян-староверов, ухитрилась создать тайное процветающее поселение, прервав все контакты с внешним миром. Властям удалось обнаружить это поселение только в 1950 году. Все были арестованы и обвинены в саботаже.

Однако контроль за таким количеством депортированных был очень труден. Официальная литература говорит о том, что ни много-ни мало, а четверть всех депортированных кулаков сбежала из Сибири к середине 30-х годов. Главным образом, конечно, молодежь. Их называют «наиболее яростными и непримиримыми врагами советской власти».

Бытует много рассказов, как, например, рассказ о двух украинских юношах, которые украв охотничье ружье, имея при себе сковородку и немного провизии, прошли через тайгу, питаясь дичью.

Хотя многим и удалось сбежать, а многие уцелели на местах ссылки, но основной массе уцелеть не удалось.

В Емецке был создан огромный лагерь для семей «первой категории», чьи отцы либо находись в тюрьмах, либо уже были расстреляны. В 97 бараках жили 32 тысячи человек, главным образом дети. Медицинской помощи не было никакой, несмотря на частые эпидемии кори и скарлатины. Ежедневный рацион состоял из 150-ти грамм черного хлеба, 50 грамм проса и 50 грамм рыбы. Детская смертность была такой, что их хоронили целыми днями. Бывший житель этого лагеря, проезжавший через эти места вновь в 1935 году, заметил, что кладбище, где бесконечными рядами стояли кресты, снесено по приказу властей.

В одной из деревень 50 человек было арестовано и выслано в Сибирь. В 1942 году 5 вернулись с поддельными документами и сообщили, что остальные погибли от голода и непосильной работы.

Один украинский крестьянин с женой, девятью детьми и старыми родителями был отправлен на Соловки.

Его девятилетний сын сбежал по дороге, хотя и с простреленной ногой. Все остальные погибли.

Под Томском в лагере-изоляторе содержалось 13 тысяч кулаков на диете 100 грамм хлеба и ложка баланды в сутки. Ежедневно умирало по 18-20 человек. В октябре 1931 года в лесной лагерь в Сибири прибыло 4 тысячи 800 человек. К апрелю 1932 года умерло 2 500.

Солженицын рассказывает, как 60 тысяч человек гнали по льду реки Васюган, пригнали на какие-то замерзшие болота и бросили там без еды и инструментов. Позднее продовольствие было послано им, но караван уже не смог до них добраться. Все 60 тысяч человек погибли. Этот случай был даже предметом официального расследования властей и один из ответственных за него был расстрелян.

По скромным оценкам получается, что примерно треть из всех депортированных погибла, и в большинстве своем, как мы уже говорили, это были дети. Маленькие дети заплатили своими жизнями за «преступления» родителей.

Официальное объяснение подобного отношения к «кулакам» было с исключительной откровенностью опубликовано в 1934 году в Москве: «Никто из них (кулаков) не был виноват ни в чем, но они принадлежали к классу, который был виноват во всем». (И.Эренбург, «День второй»).

Крестьянам, избежавшим раскулачивания, была заготовлена другая судьба. Была восстановлена вся атмосфера Военного коммунизма: военный жаргон, утопические посулы, грубое принуждение. Накалялась политическая истерия.

Согнанные на государственную землю, лишённые всех прав, крестьяне отказывались работать, памятуя о страшной судьбе своих односельчан, угрюмо отмалчивались на собраниях. Воскресла давно забытая атмосфера худших периодов крепостного права.

Вербицкий в своей книге «Самое крупное преступление Кремля» цитирует высказывание одного крестьянина-бедняка на Полтавщине: «Мой дед был крепостным, но я, его внук, никогда не буду крепостным». За это высказывание он получил десять лет лагерей и был выслан со всей семьей.

Действительно, аббревиатура ВКП (Всесоюзная Коммунистическая Партия) уже иначе не расшифровывалась крестьянами, как «Второе Крепостное Право». В секретных рапортах также отмечалось, что бедняки часто высказываются: «Вы превратили нас в крепостных, даже хуже, чем в крепостных». Сама «Правда» сообщала, что в одной украинской деревне женщины на собрании кричали:

«Советское правительство воскрешает крепостничество!» Трифонов в своей книге «Ликвидация» цитирует крестьян, говоривших местным работникам: «Вы сгоняете нас в коллективы, чтобы превратить нас в своих рабов, а самим стать помещиками». Подобные настроения доминировали среди крестьян, подавляющее большинство которых не желало вступать в колхозы. Наиболее горластых одного за другим арестовывали по разным обвинениям, постепенно смиря остальных.

Первый секретарь ЦК Украины Станислав Коссиор вынужден был признать: «Административные меры и использование силы не только против середняков, но также и против бедняков, стали систематическим компонентом работы не только райкомов, но также и обкомов».

А.Яковецкий — сам бывший активист, насаждавший коллективизацию, в своей книге «Аграрные отношения в СССР» отмечает, что самое сильное сопротивление колхозам исходило не от наиболее богатых крестьян, а от вчерашних бедняков, которые совсем недавно получили землю и собственным трудом выбились в середняки». Но давление на крестьян все больше и больше усиливалось. «Использовались все виды давления, — пишет Токаев в своей книге «Сталин — это война», — угрозы, клевета, провокации. Хулиганы бесчинствовали под окнами домов «единоличников», угрожая поджечь дом и убить всех. В районной поликлинике им говорили, что врачи обслуживают только колхозников. Детей часто выгоняли из школы или с позором публично изгоняли из пионеров. Мельницы не принимали их зерно, кузницы не принимали заказов. Само слово «единоличник» рассматривалось почти синонимом слова «преступник».

Для большинства середняков альтернативой вступления в колхоз было раскулачивание и депортация. Поэтому они шли в колхоз, отдавая все зерно, явно предпочитая, по словам Кравченко, смерть от голода в родном доме, чем депортацию в неизвестность.

Все ремесла на деревне были также уничтожены. В частности была запрещена традиционная выделка кож Указом от 18 октября 1930 года было запрещено крестьянам, имевшим ручные прессы, изготавливать подсолнечное масло из семечек подсолнуха. Под страхом уголовного наказания все мельницы было предписано сдать.

Подобная политика привела к необходимости иметь в каждой деревне, независимо от размера, свою тюрьму. До революции тюрьмы были только в уездных центрах. Тюре-

мы стали необходимыми не только для тех крестьян, которые возражали на сходках против колхозов или голосовали «против» на общих собраниях. Сопrotивление коллективизации часто принимало формы открытых восстаний.

В 1929-30 годах была проведена огромная работа по изъятию у крестьян любого оружия. Указами 1926, 1928 и 1929 годов была введена обязательная регистрация охотничьего оружия и приняты меры, чтобы такое оружие «не продавалось преступным и социально опасным элементам». Желающие приобрести охотничье оружие должны были получить разрешение ОГПУ.

В августе 1930 года, когда различные мелкие бунты и акты индивидуального сопротивления дали понять властям, что не только не выполнены вышеупомянутые указы, но на руках у крестьян за две войны скопилось немало боевого оружия, то по деревням начались повальные обыски в поисках оружия. Однако обыски не дали желаемых результатов. Среди сотен протоколов мы можем обнаружить упоминание о «небольшом, короткоствольном пистолете» или о том, что «оружия не обнаружено, но обнаружено и изъято в пользу государства: серебряной монеты на сумму 30 рублей 75 копеек, бумажные деньги на сумму 105 рублей, два обручальных кольца» и тому подобное. В одной из деревень Харьковской области представитель ОГПУ указывал активистам, что «есть люди, вернувшиеся по амнистии 1927 года из заключения, которые прячут оружие».

Но независимо от наличия у них оружия, крестьяне часто оказывали открытое сопротивление. Было много индивидуальных убийств активистов и партработников, которых официально предупреждали «не подходить у себя дома близко к окнам и не появляться на улице после наступления темноты». Газета «Советская Украина» указывает, что «в первой половине 1930 года кулаки совершили более 150 убийств и поджогов». Дальнейшей статистики нет, видимо, потому, что цифры стали совершенно неприемлемыми для властей. Только в деревне Бирки Полтавской области в январе 1930 года был тяжело ранен начальник местного ГПУ, в марте сожжены все административные здания колхоза, а также жилые дома, отобранные у кулаков и переданные коммунистам.

Более серьезными были массовые антиколхозные демонстрации, некоторые из них советские источники называют «вооруженными демонстрациями», в которых

участвовали «тысячи людей», совершивших большое число «террористических актов». Признается, что в Сальском районе Северного Кавказа одна из подобных «демонстраций» была подавлена через шесть дней с помощью «кавалерии и броневиков». Шарова, выпустившая в хрущевские времена книгу «Коллективизация сельского хозяйства в ЦЧО», рассказывает нам о демонстрациях «полуповстанческого характера... люди были вооружены вилами, косами, топорами и охотничьими ружьями, возглавляемые в большинстве случаев бывшими антоновскими бандитами» (случайно уцелевшими после крупного крестьянского восстания в 20-х годах).

Подобные демонстрации, разогнать которые удавалось только с помощью регулярных воинских частей, вряд ли можно назвать «полуповстанческими». Но имели место и в самом деле крупные вооруженные мятежи, напоминавшие первую крестьянскую войну 1918-22 годов. Но на этот раз вооруженный потенциал крестьянства был гораздо меньше: потери в крестьянской войне 20-х годов и при раскулачивании были слишком тяжелыми.

Мелкие бунты, ограниченные той или иной деревней, случались часто. Так в деревне Парбинское ГПУ подавило такой бунт, а затем публично расстреляло местного священника и его семью из четырех человек.

В сентябре 1930 года бунт в селе Рудковцы привел к бегству местной милиции, но через три дня был подавлен отрядом ГПУ. Двое крестьян были расстреляны на месте, а двадцать шесть — депортированы. В июне 1931 года кавалерийский полк был направлен в село Михайловское, для подавления восстания. При подавлении восстания была применена артиллерия, а затем все мужчины старше 15 лет арестованы. 300 мужчин и 50 женщин были депортированы.

В долине Днестра в деревнях Граденицы и Троицкое были настоящие восстания, подавленные после ожесточенных боев вооруженными отрядами ГПУ и милиции.

Было также восстание в Черниговской области, которое весной 1930 года распространилось на пять районов и было подавлено воинскими частями.

В Днепропетровской области восстание также распространилось на пять районов. Пехотная дивизия, расквартированная в Павлограде, отказалась выступить на подавление и вступила с повстанцами в переговоры. Командир дивизии был арестован, но дивизию не решились

использовать против повстанцев, а перебросили в этот район отряды ГПУ из соседних областей.

При подавлении восстания только в одной деревне, Димитровке, было арестовано 100 человек, а вообще счет шел на многие тысячи. Все были избиты, некоторых расстреляли, остальных отправили в лагерь.

В Молдавии восстала целая волость из нескольких деревень. Им удалось уничтожить отряд конной милиции и разгромить подразделение ГПУ. Некоторые деревни даже объявили «советскую власть без коммунистов».

Целая серия мятежей вспыхнула в Херсонской, Каменец-Подольской и Винницкой областях, а также снова в трех районах Черниговской области. В последней территориальные войска примкнули к повстанцам и потребовалась крупная концентрация войск ГПУ и регулярной армии, чтобы справиться с восставшими. В одном из районов Днепропетровской области восстание возглавил находившийся в отпуске командир Красной Армии, который повел плохо вооруженных крестьян против частей ГПУ и погиб в бою.

При подавлении восстаний имели место массовые казни, сопровождаемые массовыми высылками женщин и детей. Имеется большое количество рапортов о повстанческих отрядах того времени, где объединились и бывшие «белые», и бывшие «красные» бойцы, создав очень эффективные боевые формирования. По некоторым оценкам в 1930 году только на Украине было 40 тысяч повстанцев.

В Сибири Гражданская война вообще никогда не заканчивалась. Советские источники рассказывают о бесконечных случаях «политического бандитизма» после официального окончания Гражданской войны. Однако с начала 1927 года и до 1929 года количество партизанских формирований, боровшихся с коммунистами, увеличилось почти вчетверо.

Типичным было восстание в марте 1930-го года в Усть-Пристанске, которое возглавил начальник местной милиции Добытин, вооруживший повстанцев милицейским оружием. Для подавления восстания были использованы части ГПУ, официальный отчет которых показывает, что среди повстанцев 38% составляли «кулаки», 38% — середняки, и 24% — бедняки. Политическая программа восстания предусматривала созыв Учредительного собрания, которое «должно избрать царя или президента». Учредительное собрание было очень популярным среди сибирс-

ких повстанцев, всегда объявлявших о «низложении советского правительства».

В недавней работе о помощи Сибирского Военного округа в проведении коллективизации, дается интересная информация о получении солдатами истинной информации от своих семей о положении в деревне. Только в одном батальоне в октябре 1931 года среди полученных солдатами писем 16% были «антисоветского характера», в ноябре — 18,7%, в первые 17 дней декабря — 21,5%. Разговоры между солдатами, по сообщениям информаторов, заполнены такими выражениями, что, дескать, власти «грабят всех без различия, а нам говорят, что они ликвидируют кулаков».

Среди солдат были разоблачены «контрреволюционные группы», которые, как показало следствие, имели связь с многими деревнями через находившихся в отпуске однополчан и даже выпускали листовки.

В некоторых районах Украины и Северного Кавказа против повстанцев использовалась даже военная авиация. На Северном Кавказе одна эскадрилья отказалась обстрелять с воздуха казачью станицу. Эскадрилья была расформирована и половина ее личного состава расстреляна. Затем в этом районе был полностью уничтожен полк ОГПУ. Небезызвестный палач Фриновский, командовавший тогда пограничными частями ОГПУ и возглавлявший в этом районе карательные акции, докладывал в Политбюро, что по имеющимся данным, десятки тысяч крестьян были расстреляны, а сотни тысяч — отправлены в ссылку и лагеря.

В Крыму, где было раскулачено 40 тысяч татар, вспыхнуло в декабре 1930 года восстание в Алакате, окончившееся тысячами смертных приговоров и высылкой в лагеря. Президент Крыма Мехмет Кубай в 1931 году пожаловался на разграбление республики и свирепствовавший голод, после чего исчез навсегда.

Среди горных народов Северного Кавказа имели место крупные восстания, потребовавшие для подавления переброски крупных соединений регулярной армии и многих месяцев ожесточенных боев.

В Армении крестьянские восстания охватили огромные районы, многие округа в течение нескольких недель находились в руках повстанцев в марте-апреле 1930 года.

То же самое происходило в Азербайджане. Богатые и бедные турецкие крестьяне Азербайджана восстали вместе, когда секретарь Компартии Азербайджана

Кариев призвал их к классовой борьбе, объяснив, что клановые отношения притупили у них классовое чутье. После тяжелых боев 15 тысяч крестьян бежали в Иран. («Геноцид в СССР» и «Заря Востока» от 6 июня 1930 года).

Даже сравнительно мирное сопротивление часто сокрушалось самым беспощадным образом. Исаак Дойчер, путешествовавший в то время по России, встречался с одним из руководящих работников ОГПУ, который со слезами на глазах поведал ему: «Я — старый большевик. Я работал в подполье против Царя и сражался в Гражданской войне. А сейчас я должен окружать пулеметами деревни и приказывать своим людям расстреливать толпы крестьян».

Аресты и казни при подавлении восстаний, конечно, сопровождались массовым террором против просто подозреваемых. В одном из советских источников рассказывается об арестованном крестьянине, ложно обвиненном в попытке организовать вооруженное восстание. В тюрьме другой крестьянин советует ему сознаться во всем, как это делали все остальные. Ложно обвиненный ответил: «Но тогда меня расстреляют». «Да, но по крайней мере не будут пытать». (И. Стаднюк, «Люди не Ангелы»). Интересным методом сопротивления были и так называемые «бабьи бунты», особенно на Украине.

Одна из причин, по которой женщины были особенно враждебны к колхозам, видимо, заключалась в той традиционной нежности, с которой они всегда относились к своей домашней скотине, особенно к коровам, считая их «кормилицами» всей семьи, и главным образом детей. Конфискация домашнего скота вызвала у женщин особую ярость. Сама советская центральная пресса часто сообщала о «бабьих бунтах». Официальные сообщения рассказывают, как то в одной, то в другой деревне «огромные толпы женщин, вооруженных палками, собирались у сельсоветов, требуя возвращения лошадей и коров. Они пытались избить представителей районных комитетов партии и исполкома». Возглавляла их некая Настя Каняшина, описываемая в прессе как «жена середняка». («Правда», 9 января 1930 года). В некоторых случаях женщинам удавалось добиться временного возвращения коров и лошадей, а также перераспределения зерна.

В феврале 1930 года в трех деревнях Одесской области произошли «бабьи бунты». Разогнав представителей власти, женщины разобрали по домам

конфискованный скот и другое имущество. Отряд ГПУ подавил бунт, арестовав многих участниц. В деревне Плешки Полтавской области весной 1933 года женщинам удалось захватить склад с зерном. Прибывшая милицейская часть открыла огонь, убив многих женщин. Остальные были депортированы.

Однако наиболее катастрофической и широко распространенной реакцией крестьянства на новый порядок был забой скота. В начале, пока это еще не было запрещено, крестьяне просто продавали своих коров и лошадей. В январе 1930 года «Правда» жаловалась, что в Таганроге «под влиянием кулаков имела место массовая продажа скота середняка и бедняка перед вступлением в колхозы. В течение последних трех месяцев было продано более 26 тысяч голов крупного рогатого скота, 12 тысяч молочных коров и 16 тысяч овец. Покупатели, переезжая от станции к станции, покупают скот по завышенным ценам, оголяя государственный рынок, который в настоящее время практически парализован. Преступная продажа скота происходит повсюду, но особенно в районах, охваченных всеобщей коллективизацией...»

В то же самое время «Правда» уже отмечала, что «под влиянием кулацкой агитации крестьяне начали резать не только телят и овец, но даже молочных коров».

Выпущенная в недавнее время в Новосибирске книга с амбициозным названием «Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму» сообщает о массовом забое скота, который «было гораздо труднее предотвратить, нежели продажу». Чернов, который был ответственным за сбор урожая на Украине, а позднее стал Наркомом Сельского хозяйства, отметил, что при столь массовом забое скота, мясо нигде не продавалось — его ели сами владельцы скота. «Впервые за всю свою нищенскую историю, — отмечает Чернов, — русский крестьянин, наконец, наелся мяса до отвала».

Это привело к небывалой экономической катастрофе. На XVII съезде партии было объявлено о потере 26,6 миллионов голов крупного рогатого скота (42,6% от общего количества в стране) и 63,4 миллионов овец (65,1%). На Украине было забито 48% крупного рогатого скота, 63% свиней, 73% овец и коз. Но даже столь впечатляющие официальные цифры представляются весьма заниженными.

Таким образом, в период с января по март 1930 года сельское хозяйство страны было практически уничтожено. И этого не могли скрыть истерические крики о победе партии в деревне, где 1 марта 1930 года было уже создано 14 миллионов 264 тысячи коллективных хозяйств, которых в январе 1930 года было всего 4 миллиона 393 тысячи 100, а в июне 1929 года — 1 миллион 3 тысячи

Однако борьба была еще не окончена — она только начиналась.

НАРОД И ЦЕРКОВЬ

Огромным влиянием в деревне пользовалась церковь, предлагавшая альтернативные взгляды на образ жизни, насаждаемый режимом.

Коммунистическая партия рассматривала религию в качестве врага и совершенно не скрывала своего отношения к церкви

Ленин в своем знаменитом пассаже о религии в письме Максиму Горькому от 13-14 ноября 1913 года открыто сформулировал партийную позицию по этому вопросу:

«Любая религиозная идея, любая идея Бога, даже флирт из идей Бога является невыразимой подлостью. очень опасного сорта, «заразой» самого отвратительного рода. Миллионы грехов, грязных дел, актов насилия и даже эпидемии являются гораздо менее опасными, чем утонченная духовная идея Бога, завернутая в самые прекрасные «идеологические» одежды. Любая защита или оправдание Бога, даже наиболее искренняя и с наилучшими намерениями — есть оправдание реакции»

Ленинская идея, как обычно, заложила основу, предоставив исполнителям широкий спектр тактических методов борьбы, которые в различные периоды варьировались по размаху и своей природе

До революции Православная церковь номинально имела 100 миллионов верующих, владея 67 епархиями и 54 ты-

сячами 457 церквями со штатом 57 тысяч 105 священников и дьяконов, а также 1 тысячей 498 монастырями с 94 тысячами 629 монахами, монахинями и послушниками.

Первая советская конституция от 10 июля 1918 года гарантировала «свободу религий и антирелигиозной пропаганды». Хотя теоретически «пропаганда» находилась в равных условиях с религией, всем было очевидно, что «пропаганда» имеет неоспоримые преимущества, так как может пользоваться прессой и опираться на поддержку государственной машины.

На церковь сразу же были наложены ограничения. Собственность церкви была национализирована без компенсации. Местным властям было предоставлено право позволить церкви иметь «здания и объекты, необходимые для отправления религиозной службы», однако, с правом использования этих же зданий другими группами для своих целей. Церковь была подчинена общим правилам, созданных для всех ассоциаций, и ей было запрещено «собирать какие-либо сборы или взносы», а также «принуждать или наказывать своих членов». Правила, открытые для очень широкой интерпретации.

Статьей 65-ой конституции 1918 года священнослужители были объявлены «слугами буржуазии» и лишены избирательных прав. Это означало, что священники либо вообще не получали продовольственных карточек, либо получали их по самому минимальному статусу. Их дети лишались права на образование выше начального и так далее.

Декрет от 28 января 1918 года запретил преподавание в школах «Закона Божьего», хотя и разрешал «изучение вопросов религиозной тематики в частном порядке». Это разрешение было в свою очередь ограничено указом от 13 июня 1921 года, запрещавшим религиозное обучение в частном порядке лиц, не достигших 18 лет.

Церковные земли были конфискованы вместе с помещичьими, что было в целом приветствовано крестьянами, поскольку эти земли были основой процветания церковной верхушки, весьма далекой от простого народа. Однако подавляющая часть «церковных земель» принадлежала индивидуальным священникам, которые либо ее сами обрабатывали, либо нанимали кого-нибудь для обработки, либо сдавали эту землю в аренду односельчанам.

Почти все монастыри были закрыты, а их собственность конфискована. Конечно, вся эта борьба не ограничивалась легальными или конституционными мерами: к

1923 году 28 епископов и более тысячи священников были убиты, а многие церкви были либо закрыты, либо уничтожены. В феврале 1922 года был издан указ о передаче всех церковных предметов из золота, серебра и драгоценных камней в фонд государства для борьбы с голодом. Позднее Сталин хвалил находчивость Ленина, использовавшего голод для конфискации церковных ценностей от имени голодающих масс, подчеркнув, что другим путем это было бы сделать весьма сложно. («Правда», 18 апреля 1928 года).

Однако, этому ленинскому указу активно оказали сопротивление сами крестьяне. «Правда» отметила 1 тысячу 400 случаев, когда вокруг церквей разгорались настоящие сражения.

В апреле 1922 года были арестованы и предстали перед судом по обвинению в контрреволюционной деятельности в связи с крестьянскими восстаниями 54 православных священника, 5 из которых были расстреляны. Через три месяца по тем же обвинениям были расстреляны митрополит Петроградский и три его ближайших сотрудника.

Вскоре был арестован патриарх Тихон, и основана так называемая «Живая церковь», которая от имени властей должна была взять контроль над религиозной деятельностью в стране. 84 епископа и более тысячи священников были изгнаны из своих приходов и заменены. Однако «Живая церковь» не пользовалась почти никакой поддержкой, и власти вынуждены были пойти на соглашение с патриархом Тихоном. Обвинив старого патриарха «в связях с иностранными державами и контрреволюционной деятельности» и пригрозив ему расстрелом, властям удалось достигнуть с ним, а равно и с церковью, временного соглашения.

С наступлением НЭПа давление на религию несколько ослабло. Здесь, как и во многих других сферах, наступило относительное затишье, продолжавшееся до 1928 года. Перепись 1926 года показывает, что в стране еще было более 60 тысяч священников и других церковных служащих разного рода. В среднем по одному на каждую деревню. К концу 1929 года только в РСФСР еще существовало 65 тысяч церквей разных вероисповеданий.

Период НЭПа стал временем подготовки будущего наступления на церковь. В этот период применялись более-менее мирные методы давления. В 1925 году была основана Лига Безбожников, «чтобы помочь партии объединить всю антирелигиозную пропагандистскую работу под

руководством партии». Возникло несколько атеистических журналов, было создано 40 антирелигиозных музеев, начали действовать 68 антирелигиозных семинаров и тому подобное. В профсоюзах и в армии открыто велась з приказном порядке атеистическая пропаганда.

После смерти патриарха Тихона, в апреле 1925 года, временный глава Православной церкви митрополит Петр был арестован и выслан в Сибирь. Его преемник, митрополит Сергей, был также арестован, вскоре выпущен и снова арестован. Из 11 иерархов церкви, временно исполняющих роль коллективного руководства Церковью, 10 вскоре оказались в тюрьме. Но упорное сопротивление, оказываемое высшими представителями духовенства, оказало некоторое впечатление на правительство, склоняя его к компромиссу. В 1927 году было достигнуто временное соглашение. Митрополит и иерархи были освобождены.

С началом новой войны против крестьянства, было принято решение о возобновлении атаки на церковь, особенно в сельской местности. Летом 1928 года антирелигиозная кампания стала вестись все более энергично, а на следующий год все еще оставшиеся монастыри были закрыты, а монахи сосланы.

Указ от 8 апреля 1929 года запрещал религиозным организациям иметь фонды взаимопомощи, оказывать какую-либо материальную помощь своим членам, а также «организовывать специальные молебны или иные религиозные сборища для детей, молодежи или женщин, или организовывать сборища по изучению библии, религиозной литературы, религиозного искусства и религиозных ремесел и иных работ; или организовывать сборища, группы, кружки или филиалы для организации экскурсий или детских игровых площадок, открывать библиотеки или читальни, создавать больницы или оказывать медицинскую помощь». В результате этого указа деятельность церкви, как разъяснил официальный комментарий, была ограничена только отправлением религиозных служб

22 мая 1929 года была изменена 18-ая статья конституции. Вместо прежней формулировки «свобода религии и антирелигиозной пропаганды», статья в новой редакции читалась «свобода религиозного культа и антирелигиозной пропаганды». В то же самое время Наркомат Просвещения вместо ликвидированного «Закона Божьего» ввел обязательные «атеистические занятия».

Но религия продолжала жить. Секретные доклады ОГПУ за 1929 год показывают усиление религиозных чувств даже среди промышленных рабочих. «Даже те рабочие, которые не ходили в церковь в прошлом году, стали ходить в этом»

Летом 1929 года ЦК собрал пленум по религиозным вопросам. В июне 1929 года был созван Всесоюзный Съезд Воинствующих Атеистов. По всей территории СССР атака на религию велась все большими и большими силами, постепенно, в лучших традициях, принимая формы истерии. Концентрированная атака, начавшаяся в конце 1929 года, быстро достигла наивысшего накала к марту 1930 года.

Раскулачивание явилось прекрасным поводом для нападков, как на всю церковь вообще, так и на отдельных священников. Партия открыто объявила свое мнение: «Церковь — это кулацкий агитпроп».

Священники в большинстве своем были депортированы еще в первой волне раскулаченных. Партийно-правительственное определение «кулацкого хозяйства» в мае 1929 года включало любое хозяйство и отдельных лиц, получавших доход не от собственного труда. Священники попадали под это определение. (В то же время агитаторы атеизма считались «трудящимися»!)

Особые опасения вызывали предполагаемые связи священников с «кулацкими» организациями: «Это может иметь особо опасные последствия, поскольку наряду с явными врагами советской власти имеется значительная часть религиозных людей — середняков и бедняков, обманутых священниками и вовлеченных в подобные организации». В 1929 году было официально сообщено об одном случае, когда священник и группа кулаков, поддержанная середняками, пытались помешать конфискации хлеба. Священник за это был расстрелян на месте, а кулаки только арестованы.

Один из арестованных священников, которого вели пешком 40 миль из его деревни Пидвойска в Умань, рассказывал, что конвоиры, один из которых убил его жену, а второй — украл корову, издевались над ним, заявляя, что священники гораздо худшие преступники, чем убийцы и воры.

Типичной можно считать историю в Запорожье, где семидесятитрехлетний священник был арестован и умер в тюрьме Мелитополя. Церковь была переоборудована в клуб. Сын этого священника, сельский учитель, был также арестован и пропал без следа.

В 1931 году Духовная Семинария в Мариуполе была превращена в рабочую казарму, вокруг которой был построен забор из колючей проволоки. Внутри содержалось более 4 тысяч арестованных священников, используемых на тяжелых работах при мизерном рационе. Каждый день умирало несколько заключенных.

В опасности находились не только священники, но и все, связанные с церковной деятельностью. В Михайловке (Полтавская область) произошел также типичный случай, когда в 1929 году, после расстрела священника и сноса церкви, были арестованы и приговорены к десяти годам лагерей глава церковного совета и шесть его активных помощников.

Любой крестьянин, если его отец когда-то был, скажем, церковным старостой, мог быть на этом основании лишен избирательных прав и раскулачен. Дети одного церковного старосты, получившего в 1929 году десять лет лагерей, подверглись травле. Им не дали документов, чтобы покинуть деревню, в деревне не давали никакой работы, в колхоз не приняли и в конце концов посадили.

В одном из секретных докладов ОГПУ жаловалось, что в некоей деревне Смоленской области «местный священник открыто выступал против закрытия церкви» (?!). Но не только священники были теми, кто пытался спасти церкви «Многие крестьяне пытались предотвратить разрушение церквей, за что также арестовывались и высылались. Несчастья сотен тысяч людей в период коллективизации были не результатом их социального статуса, а религиозной веры». (Р.Медведев, «Сталин и сталинизм», стр.70).

Крестьяне сопротивлялись всеми средствами, какие только были в их распоряжении. Советская пресса сообщала о случаях, когда со священника был потребован под угрозой высылки налог в 3 тонны зерна. Крестьяне собирали требуемое зерно в течение получаса, чтобы спасти священника.

Церковная жизнь подтачивалась и подрывалась возрастающими налогами. Журнал «Антирелигиозник» (N 1 30) с радостью оповещал своих читателей, что «налоговая политика советской власти особенно больно ударила по карману прислужников религиозного культа»

В деревне Пески Старобельской области для начала церковь обложили огромным налогом. Крестьяне сообщали платили его. Затем из района последовал приказ ликвидировать церковь. На священника был наложен тяжелый налог по поставке мяса. Снова выручили односельчане. Но

тогда налог священника был поднят настолько, что даже крестьяне сообща не могли оплатить его, и священника обвинили в саботаже и сопротивлении налоговым мероприятиям советской власти. Священник получил пять лет лагерей, которые он отбывал на шахте в Кузбассе, а церковь была закрыта.

В некоторых случаях церкви, закрытые еще во времена первой атаки на религию в 1918-21 годах, так и не были открыты. В одном из таких случаев крестьяне любовно оберегали закрытую церковь, успешно противясь попыткам ее снести. Однако, в феврале 1930 года прибывшая из ближайшего города пожарная команда разрушила церковь, которая позднее была полностью снесена.

Наряду с закрытием церквей конфисковывались иконы и вместе с другими предметами церковной утвари, как правило, сжигались на месте. Секретный доклад ОГПУ Смоленской области, датированный 20 февраля 1930 года, рассказывает о пьяных солдатах и комсомольцах, которые, «не подготовив массы», по собственному усмотрению закрывали церкви, разбивали иконы и угрожали крестьянам.

Закрывались церкви всех вероисповеданий. Официальная периодика сообщала:

«В Харькове принято решение закрыть церковь св.Дмитрия и отдать ее рабочим-мотористам в качестве клуба.

В Запорожье решено закрыть синагогу на Московской улице и отдать лютеранскую церковь под клуб немецким рабочим.

В Винницком районе решено закрыть Немиров монастырь и соседние церкви.

В районе Сталино решено закрыть Римско-католическую церковь, а в самом городе Сталино — отдать Армяно-грегорианскую церковь под рабочий клуб.

В Луганске закрыли собор св.Михаила, а также церкви Петра и Павла и Спасителя. Все здания бывших церквей будут использованы в культурно-просветительных целях».

Деревня Вилшана Сумской области имела две церкви. Одна была каменной. Ее разрушили, а материал использовали для мощения дороги. Вторая была деревянной. Ее просто разобрали и сожгли.

Иногда церкви закрывались в результате якобы «решения» сельского совета, на который оказывали сильное давление сверху. Но это часто не срабатывало, несмотря на аресты и другие жесткие меры. Кроме того, в разгаре

коллективизации решения советов зачастую были «липовыми», поскольку эти решения, никем не обсуждаемые, просто поступали сверху. В типичном рапорте по этому поводу показана последовательность событий. Сначала арестовали священника и членов церковного совета. Затем активисты сбросили крест и колокола. И, наконец, в «веселье антирелигиозного праздника» церковь была разрушена, а ее иконы, книги и архивы — сожжены. Церковные фонды и обручальные кольца были украдены, а остатки церковного здания превращены в зернохранилище.

В другой деревне местные партийные вожаки получили просто приказ превратить церковь в склад в течение 48 часов:

«Новость распространилась, как степной пожар. Толпы крестьян, бросив работу в поле, кинулись в деревню. Они умоляли, плакали, ругались, видя, как выносят из церкви священные для них предметы. Святотатство было не единственной вещью, которая тревожила их. Крестьяне понимали, что все происходившее является прямым оскорблением их человеческого достоинства.

«Они отнимают у нас все,— услышал я слова одного старика.— Они ничего не оставляют нам. Где мы будем крестить наших детей и хоронить стариков?»

На следующий день в воскресенье:

«Секретарь местной комсомольской организации, прыщавый молодец по имени Чиж, внезапно появился на улицах села, играя на балалайке. Его девица шла рядом с ним, распевая антирелигиозные песенки. Подобная сцена, повторявшаяся уже до этого достаточно часто, никого сама по себе не удивила. Удивила и потрясла всех одежда этой парочки. Чиж и его девица были одеты в ярко красные рубахи, подпоясанные золотыми шнурами с шелковыми кистями. Крестьяне немедленно узнали в их рубахах и поясах церковную драпировку и пришли в ярость, решив разделаться со святотатцами на месте. Чижа и его девицу спасло только то, что им удалось убежать от стариков и укрыться от разъяренной толпы в кооперативной лавке». (А.Кравченко, «Я выбрал свободу»).

Сопrotивление часто было гораздо более яростным и использовалось властями для ужесточения борьбы с кулаками.

Газета «Висти» от 1 января 1930 года рассказывает нам:

«Однако, вокруг этого дела разгорелась упрямая и жестокая классовая борьба. Кулаки и их приспешники использовали все возможные средства чтобы сорвать анти-

религиозную пропаганду и остановить массовое движение за закрытие церквей и сброс колоколов...

Попы и их защитнички кулаки используют любое средство, чтобы остановить антирелигиозный энтузиазм масс. Они агитируют отсталую часть крестьянства, особенно женщин, пытаясь разжечь борьбу против антирелигиозного движения трудящихся масс. В деревне Бериха, например, когда комсомольцы, бедняки и местные активисты начали сбрасывать церковные колокола, подготовившиеся заранее кулаки избили активистов, а затем с криками понеслись по деревне к зданию сельского совета и подожгли его. В настоящее время в Берихе заседает суд в связи с этими событиями...»

«Бабы бунты» также были непосредственно связаны с религиозной борьбой. «Правда» рассказывает о «незаконных митингах и демонстрациях крестьянок, проводимых под религиозными лозунгами», включая одну такую демонстрацию в Татарской республике, когда «с помощью открытого насилия повесили на место колокола, сброшенные по приказу властей»

Газета «Вести» от 5 января 1930 года жалуется на «вспышки религиозной истерии среди колхозниц на основе каких-то «чудесных» манифестаций». В деревне Синюшин Брод «утром 6 ноября — в день, на который был назначен сброс колоколов, толпа из нескольких сот женщин, науськанная кулаками и их прислужниками, собралась у церкви, не дав провести запланированную работу. Тридцать женщин заперлись внутри звонницы и в течение полутора суток били набатом тревогу, наводя ужас на всю деревню. Женщины не позволяли никому приблизиться к церкви, угрожая камнями с колокольни. Когда председатель сельского совета и начальник милиции, подойдя к церкви, приказали женщинам прекратить бить тревогу и разойтись по домам, в них полетели камни. На помощь хулиганкам вскоре пришли пьяные мужья.

Позднее выяснилось, что местный поп с несколькими кулаками ходил из дома в дом, агитируя людей собраться у церкви и не допустить сброса колоколов. Подобная агитация оказала влияние на некоторых отсталых крестьянок»

Процедура сброса колоколов, так часто обнаруживаемая в архивных документах, являлась интересным тактическим приемом. Партия иногда требовала колокола,

якобы, в фонд индустриализации, не высказывая при этом своих дальнейших намерений.

Но иногда захват колоколов и закрытие церквей происходили одновременно. Местные газеты цитируют массу решений сельских советов о закрытии всех церквей и передаче колоколов в фонд индустриализации. «Правда» от 27 ноября 1929 года пишет, что «рабочие и крестьяне одного из районов Одесской области отправили два вагона церковных колоколов на завод». Действительно, кампания (или, по словам «Правды», «движение») за «передачу церковных колоколов для нужд индустриализации» проводилась очень широко. Так поступили 76 деревень, а всего, как уверяла «Правда», число «атеистических деревень» уже исчисляется сотнями. К 1 января 1930 года только в одном Первомайском районе колокола были сняты со 148 церквей.

Рапорт от 11 января 1930 года из огромного колхоза «Гигант» на Урале с гордостью сообщал, что все церковные колокола в районе уже сняты и отправлены в качестве металлолома на промышленные предприятия, а церковные иконы сожжены.

Уничтоженные церкви часто являлись уникальнейшими культурными памятниками.

Монастырь Святой Троицы в деревне Демидовка (Полтавская область) был построен в 1755 году. В 1928 году его превратили в библиотеку, а в 1930 году разобрали, используя материал для строительства амбаров и табачных складов местного колхоза «Петровский». В процессе разрушения колокола, иконы и другие ценности были разворованы активистами. Крестьяне, протестовавшие против этого акта вандализма, были арестованы и высланы в гигантский концлагерь Яйва на Урале. В деревне Товкачивка, Черниговской области, был уничтожен вместе с церковью и церковный архив, собиравшийся с XVI века.

Академия Наук в Москве была вынуждена снять защитный статус почти со всех исторических памятников страны, имевших хоть какое-то культовое значение. Древние церкви и монастыри безжалостно сносились даже на территории самого Кремля. Когда было решено уничтожить Иверские ворота и часовню Иверской Богородицы на Красной площади, все архитекторы стали возражать. Однако Каганович, будучи главой Московского Горкома, заявил: «Моя атеистическая концепция требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно входили на Красную площадь».

До революции в Москве имелось 460 православных церквей. На 1 января 1930 года их оставалось 224, а к 1 января 1933 года — 100.

Казанский собор в Ленинграде был превращен в антирелигиозный музей. В Киеве были уничтожены: церковь Десятины, построенная в X веке, а также Михайловский и Братский монастыри, чьи комплексы создавались в период XII-XVIII веков. И так творилось повсюду. Древние соборы, которым позволено было стать музеями, также были изуродованы: кресты и колокола сброшены, драгоценные росписи замазаны известью.

Всемирно известный собор св.Софии в Киеве был превращен в антирелигиозный центр и изуродован. (Кто хочет представить себе, как это было, пусть посмотрит фотоальбом Тита Геврика «Погибшая архитектура Киева», НИ, 1982 год). В Харькове величественный собор св.Андрея был превращен в кинотеатр, другой собор — в радиостанцию, еще один — в склад запасных частей. В Полтаве два собора были превращены в склады, другие — в мехмастерские. Чтобы нарушить связь между живыми и мертвыми, столь же безжалостно сносились старые кладбища.

Новая Конституция 1936 года уже не давала никаких гарантий. Особенно это касалось староверов и евангелистов. В одной из деревень староверы пытались зарегистрироваться в местном совете. Им сказали, что на заявлении должно быть не менее 50 подписей. Когда такое заявление было представлено, все 50 были арестованы как члены тайной контрреволюционной организации.

Эти меры касались всех религий. «Церкви и синагоги» — эта фраза всегда открывала текст указов на европейской части СССР. Атака на ислам и буддизм в Бурятии совпала по времени с коллективизацией. Протестанты, о которых, казалось, временно забыли, считая их противниками всех остальных церквей, также вскоре почувствовали себя в опасности.

В 1928 году евангелисты имели 3 тысячи 219 конгрегаций и около 4 миллионов членов. В 1929 году начался и их разгром. Теологический колледж был закрыт в январе, а в феврале была вскрыта «банда из 25 шпионов-баптистов» в Минске. Их обвинили в шпионаже в пользу Польши. Вскоре подобная группа была схвачена на Украине. В деревнях почти все евангелисты были объявлены кулаками и депортированы. В 1931 году Евангелистическая церковь как таковая, была объявлена «замаскированной контрреволюционной, кулацкой организацией, получающей

финансовую поддержку из-за границы». (БСЭ, 1-ое изд., т.23, стр.811).

И хотя сокрушались все религии и секты, ни одна из них не была уничтожена настолько тотально с объявлением вне закона, как Украинская Автокефальная Православная церковь и Украинская Католическая (Униатская) церковь.

Украинская Православная церковь, возглавляемая «Митрополитом Киевским и Всея Руси», традиционно связанная с Патриархом Константинопольским, была без всяких консультаций или согласия переподчинена в 1685 году Московскому Патриарху, хотя и сохранила некоторую автономию, в частности, право выбора собственного Митрополита. В 1721 году ранг главы Украинской церкви был понижен с Митрополита до Архиепископа. Затем в течение целого века церковь усиленно руссофицировалась во всем, начиная от обязательных молитв на русский манер и кончая введением русских риз и облачений для священнослужителей. В последующий период усиление украинского национализма привело к тому, что еще задолго до революции духовные семинарии Киева и Полтавы были названы рассадниками воинствующего украинского национализма.

В 1917-18 годах большая часть Украинского Православия, поддержанная правительством Центральной Рады, отделилась от Московского Патриархата, восстановив Украинскую Автокефальную церковь, и снова начала вести службы на украинском языке.

В октябре 1921 года в Киеве был созван первый «Всеукраинский Собор», делегатами которого были не только клерикалы, но и представители светской интеллигенции: академики, профессора, писатели и композиторы.

В начале украинская церковь преследовалась не больше, чем все другие религии, и украинцы были даже в какой-то степени обрадованы возможным ослаблением Русского Православия. Однако все вскоре переменялось.

Секретные инструкции ОГПУ в октябре 1924 года привлекали внимание к «постоянно растущему влиянию Украинской Автокефальной Православной церкви» и указывали, что Митрополит Липкевский «давно известен» как «тайный проповедник украинского сепаратизма». Местные органы ОГПУ предупреждались, что «это особо опасно для советского режима» и инструктировались о необходимости принятия мер по увеличению числа тай-

ных информаторов среди верующих и по вербовке самих священников на секретную оперработу в ОГПУ».

Были предприняты полностью провалившиеся попытки расколоть украинскую церковь, и к 1926 году Автокефальная церковь имела 32 епископа, около 3 тысяч священников и примерно 6 миллионов верующих.

В это время и был нанесен первый удар. В начале августа 1926 года Митрополит Липкевский был арестован. Под охраной его привезли на созванный специально Собор, который должен был вотировать отставку Митрополита. Однако сам Липкевский отказался сложить с себя сан, а делегаты Собора отказались заставить его сделать это. Многие делегаты были тут же арестованы. Голосование провести не удалось, но был составлен фальшивый протокол, что Липкевский должен быть освобожден от «бремени» его поста «из-за своего преклонного возраста».

Новый Митрополит — Микола Борецкий — на специальной конференции, созванной ОГПУ 28-29 января 1930 года, был вынужден подписать документ о роспуске церкви. Однако протесты из-за границы, казалось, оказали некоторое влияние на власти, заставив отсрочить выполнение приказа о роспуске. На следующем Соборе 9-12 декабря 1930 года новым Митрополитом стал Иван Павловский, который уже мало что мог сделать. Остаткам 300 приходов было позволено организоваться в «Украинскую Православную церковь», но к 1936 году последний приход этой церкви был уничтожен.

В 1930 году на процессе «Союза Освобождения Украины» особенно подчеркивалось, что заговорщики свили свои гнезда в Украинской Автокефальной Православной церкви, втянув в «заговор» все ее руководство. Более 20 человек, названных на процессе (из 45) были либо священниками, либо сыновьями священников. Наиболее знаменитым из них был Володимир Чаховский, бывший член ЦК Украинской Социал-демократической партии, бывший глава правительства Украинской республики, бросивший политику ради теологии и ставший знаменитостью Автокефальной церкви, отказавшись от сана епископа.

«Церковная группа» обвинялась в заговоре с целью поднятия вооруженного восстания, многие священники были объявлены бывшими офицерами армии Петлюры.

Один из многих рапортов того времени передает общую направленность кампании: «В деревне Кисломут Ржищевского района органами ГПУ была вскрыта

контрреволюционная организация попов и кулаков. Действиями организации руководили представители Украинской Автокефальной церкви. Все члены организации арестованы».

В период с октября 1929 по февраль 1930 года были арестованы 2 тысячи 400 священников приходов. 28 священников содержались в Полтавской тюрьме: 5 были расстреляны, один сошел с ума, остальные — отправлены в лагерь.

В период 1934-36 годов последние остатки Украинской церкви были уничтожены. Все, последовательно сменявшиеся, Митрополиты Автокефальной церкви погибли в НКВД. Митрополит Липкевский был снова арестован в 1938 году в возрасте 74 лет и исчез без следа. Митрополит Борецкий, арестованный в 1930 году, был направлен в тюремный «изолятор» в Ярославле, оттуда в знаменитый Соловецкий лагерь на Белом море, а затем переведен в 1935 году в психиатрическую больницу в Ленинграде, где и умер в 1936 или в 1937 году. Митрополит Павловский был арестован в мае 1936 года и пропал без вести.

Кроме того, в период с 1928 по 1938 года в советский тюрьмах умерли 13 архиепископов и епископов, а 1 тысяча 150 священников и около 20 тысяч членов приходских и уездных церковных советов погибли в разное время в лагерях. Из Автокефальных епископов уцелели всего двое, выбравшиеся за границу. Один из них позднее стал Митрополитом Автокефальной церкви в США, а второй — епископом в Чикаго.

Пусть ни у кого не сложится впечатление, что преследования Автокефальной церкви проводились во имя торжества русского православия. В украинских селах одинаково уничтожались и автокефальные, и русские православные церкви.

В 1918 году Русская православная церковь, идя на встречу национальным чувствам украинцев, дала большую автономию своему епископату на Украине, которым стал управлять Экзарх. Это была крупная религиозная община, охватывающая все русское меньшинство на Украине, а также многие традиционные приходы в сельской местности, имея на начало 1928 года 4 тысячи 900 приходов. Судьба русской православной церкви была столь же трагична. В 1937 году экзарх Константин был арестован, и к 1941 году уцелело всего 4 прихода.

К концу 1932 года на Украине были закрыты более тысячи церквей. Впереди еще была крупная кампания по

закрытию и уничтожению церковей 1933-34 годов, а в 1934-36 годах около 80% еще уцелевших на Украине церковей, были уничтожены. В Киеве, с его сотнями соборов и церковей, к 1935 году действовали две маленькие церковушки в пригороде.

Что касается украинских католиков, то история их гонения уходит далеко в дореволюционное время, несмотря на различные договорные гарантии. К 1839 году католическая церковь на Украине была практически сокрушена серией приказов из Петербурга. Закон о веротерпимости 1905 года разрешил восстановить «неуниатскую» католическую церковь. Еще на первой фазе советского режима к католикам относились с большим подозрением, а в 1926 году прошла целая серия судебных процессов над католическими священниками, объявленными «польскими шпионами».

Между тем, униаты процветали на той части Украины, которая сначала входила в Австро-Венгрию, а затем перешла к Польше. Установление советского режима над этими территориями в ходе второй мировой войны привело к насильственному «возвращению» украинских униатов в лоно православия.

В апреле 1945 года были арестованы архиепископ, епископы и 400 священников униатов. В марте 1946 года несколько епископов были судимы закрытым судом как «пособники нацистов» и отправлены в лагеря. Профессора трех униатских семинарий и члены Ордена, включая монахинь, были арестованы поголовно. Семинарии были закрыты вместе с 9 тысячами 900 начальными и 380 средними школами. Все публикации были изъяты, уничтожены и впредь запрещены. Был созван «липовый» съезд, где собрали кучку продажных священников с тем, чтобы объявить о разрыве с Римом и о присоединении к Московскому Патриархату. Униаты ушли в подполье и до сих пор продолжают свое существование «в катакомбах».

В советской прессе промелькнуло немало сообщений о деятельности униатского подполья с его тайными приходами и даже (в ноябре 1963) о подпольном женском монастыре под Львовом. («Огонек», N 46, 1963 год). Протесты, нелегальные публикации и аресты продолжаются до настоящего времени, даже увеличиваясь в объеме.

На Украине многочисленные русско-польские войны всегда приводили к резне католиков православными и наоборот. Одним из замечательных событий конца XIX-начала XX веков было установление терпимости между двумя украинскими церквями — Автокефальной Православной

церковью Восточной Украины и Католической Униатской церковью Западной Украины. Обе эти церкви были уничтожены коммунистическим режимом, не оставив ни той, ни другой не только возможности, но даже вероятности постепенного возрождения.

В то же самое время, когда Сталин в 1929-30 годах начал уничтожение крестьянства, он возобновил прерванную в начале 20-х годов атаку на Украину и ее национальную культуру.

Академик Сахаров пишет, что «украинофобия» была одной из характерных черт Сталина. Но она не была иррациональной с коммунистической точки зрения. Огромная нация находилась под контролем коммунистов. Однако, не только украинский народ еще не примирился с навязанной ему системой, но и представители национальной культуры и даже многие коммунисты принимали режим Москвы далеко небезоговорочно. С точки же зрения Москвы это было нетерпимо само по себе, не говоря уже о таившейся опасности в будущем.

Сокрушив в 1929-30 годах Правых и начав политику коллективизации и раскулачивания, которая с особой тяжестью ударила именно по Украине, и встретив при этом сильное сопротивление, Сталин решил заодно сокрушить и все, надоевшие ему, центробежные тенденции в республике.

Уже в апреле 1929 года ОГПУ объявило о раскрытии нескольких небольших групп украинских националистов. В течение года велись публичные нападки на наиболее известных украинских академиков. В июле были проведены массовые аресты, в ходе которых было схвачено около 5 тысяч членов, якобы существовавшего в подполье «Союза Освобождения Украины». С 9 марта по 30 апреля 1930 года в помещении харьковского оперного театра начался процесс над 45-ю подсудимыми, якобы являющимися членами этой подпольной организации. Подсудимые в большинстве своем были в прошлом известными деятелями ныне несуществующих политических партий, главным образом ученые, писатели, критики, лингвисты, юристы и, конечно, священники. Ведущей фигурой на процессе был академик Сергей Ефремов — ученый-лингвист и лексикограф, который еще в последние предреволюционные годы создал теорию украинской национальной индивидуальности. В 1917 году он стал вице-президентом Рады и главой социал-федералистов.

Вторым бывшим социал-федералистом был Зиновий Маргулис, еврей, юрист, член Академии Наук Украины. Остальные подсудимые были также бывшими членами со-

циал-федералистской, социал-демократической и социал-революционной партий, а также беспартийные сторонники независимой Украинской республики: историк Юсуп Гермайзе, писатели Михайло Ивченко и Людмила Старицкая-Черняховская, лингвист Григорий Холоскевич и другие. По обычной методике были получены признания, и все подсудимые получили долгие сроки тюремного заключения. Пока шел этот процесс, были закрыты институты лингвистики Украинской Академии Наук и многие их сотрудники арестованы. Обвинения на процессе СОУ включали заговор с целью возможно большего отдаления Украины от России и в дальнейшем захвата власти. Скрыпник и другие украинские коммунисты видели в этом чуть ли не главную цель работы лингвистов.

Чистки шли широким фронтом. Студенты из Киева и со всех городов Украины в массовом порядке ссылались на Соловки по обвинению в участии в раскрытом заговоре их профессоров. Интересно и то, что многие «ячейки» заговора лингвистов были обнаружены и в деревнях. Более того, в марте 1930 года все украинцы, служившие в Первом Сибирском кавалерийском корпусе были неожиданно арестованы по обвинению в измене и антисоветской пропаганде.

В феврале 1931 года началась вторая волна арестов среди украинской интеллигенции. На этот раз были схвачены все, вернувшиеся из ссылок в 1924-25 годах. Их обвинили в организации «Украинского Национального Центра» во главе с наиболее знаменитым на Украине историком Грушевским, заместителем которого в заговоре был Голубович — бывший премьер-министр независимой Украины. На Грушевского нападали уже более года, а держали на заметке очень давно, еще с середины 20-х годов, когда не удалось запретить его книгу «История Украины» и когда ОГПУ секретно инструктировала «брать на учет всех, кто проявляет интерес к этой книге».

Большинство членов липового «Украинского Национального Центра» оказались бывшими социалистами-революционерами, которые в свою очередь имели целые полки сторонников. На этот раз суда вообще не было. Большинство обвиняемых были направлены в лагеря, хотя сам Грушевский был пока просто депортирован с Украины в РСФСР, где содержался под домашним арестом.

Первый удар по украинской интеллигенции предшествовал широкому наступлению на крестьянство. Ста-

лин уже хорошо понимал, что содержащаяся в интеллигенции сущность украинской национальности, еще более свойственна крестьянской массе, пронесшей эту сущность через века.

Конечно, обезглавливание нации путем уничтожения ее лучшей, мыслящей части было очень важным мероприятием. Позднее именно эта предпосылка послужила главным мотивом в Катыни и в Прибалтике. Но Сталин понимал, что только массовым террором, прошедшим, подобно топору, через само тело нации, то есть через крестьянство, можно реально привести страну к повиновению. Идеи Сталина о связи между национальностью и крестьянством были совершенно ясно выражены:

«Национальная проблема в своей сущности является проблемой крестьянства» (Сталин, т.7, стр.71).

Действительно, одной из официально заявленных целей коллективизации на Украине было «уничтожение социальной базы украинского национализма — индивидуального землевладения».

Как мы уже видели, «заговор» Союза Освобождения Украины быстро потянулся своими нитями в деревню. Многие сельские учителя были расстреляны именно в связи с этим «заговором». В одном из районов в связи с этим заговором расстреляли главу Исполкома, главврача района и примерно сотню крестьян. Подобных сообщений были сотни. («Пролетарская Правда», 22 января 1931 года).

Коссиор, суммируя прошедшую волну арестов и судов, заявил, что «националистические отклонения в компартии Украины... сыграли исключительную роль в возникновении и обострении кризиса в сельском хозяйстве». Шеф украинского ОГПУ Балицкий высказался еще яснее: «В 1933 году ОГПУ нанесло сокрушительный удар в двух направлениях. Первое — по кулацким и петлюровским элементам, второе — по главным центрам национализма».

Таким образом, кулак обвинялся в том, что он является носителем националистических идей, а городской националист — в том, что он спонсор кулацких настроений. Чтобы не происходило в действительности, украинский крестьянин представлял очень большую проблему для режима, ибо его сопротивление коллективизации всегда было более сильным и даже воинственным, чем в России. Первая волна коллективизации была сорвана именно сопротивлением Украины и Северного Кавказа.

Вот тогда-то у Сталина и появилась мысль сокрушить эти непокорные и не желавшие покориться районы. Ста-

лин несколько раз предупреждал «не идеализировать колхозы». Само существование колхозов, утверждал он, не означает, что враждебный класс исчез или испарился. Напротив, классовая борьба достигла еще большего накала, но на этот раз внутри самих колхозов.

К этому времени уже не осталось в деревнях никого, кого бы, как не крути, можно было бы назвать «кулаком». Оставались только согнанные в колхозы бедняки и ничтожное количество единоличников, которые были еще беднее. Невероятно, но термин еще оставался на вооружении властей, приобретая новые качества. «Сегодняшние антисоветские элементы, — указывал Сталин, — это в большинстве своем люди «тихие», «приветливые», почти «святые». «Кулак, — заключил Сталин, — разгромлен, но еще полностью не уничтожен». («Правда», 17 января 1933 года).

Но мешали не только крестьяне. Сталину мешали и украинские коммунисты. Еще в 1929 году партийные и советские организации Украины осмеливались яростно возражать против нереальных планов заготовок зерна и особенно против кампании по раскулачиванию. В Кахарликовском районе Киевской области, как писала газета «Правда», «все руководство, вплоть до секретаря райкома, проводит кулацкую линию. Дескать, у нас нет кулаков, у нас только крестьяне». «Правда» нападала не только на секретарей райкомов, но и на всю компартию Украины в целом за возражения против плана заготовок в сентябре 1929 года, а также за публикацию в украинской прессе многочисленных протестов по поводу того, что планируемые заготовки ничего не оставят для потребления. Партийное бюро Запорожья, например, жаловалось, что «70-75% квоты зерна уже не оставят в распоряжении крестьян ни одного килограмма хлеба для продажи местному населению». После появления этой статьи, секретарь обкома был снят с должности.

Истерическая кампания, проводимая центральной прессой, доказывала, что крестьяне прячут зерно, чтобы заставить города голодать. Позднее нежелание крестьян убирать урожай и сеять новый также объяснялось тем, что крестьяне надеются на тайные резервы накопленного зерна. Поэтому единственно правильной классовой реакцией должен стать захват и реквизиция хлеба, как это делалось в героические 1918-20 годы. Крестьяне готовят голод нам — так пусть поголодают сами.

Летом 1930 года на пленуме ЦК компартии Украины Коссиор заявил:

«Ныне крестьяне применяют новую тактику. Они отказываются убирать урожай: Они хотят, чтобы хлеб сгнил на корню, чтобы удушить советскую власть костлявой рукой голода. Но враги просчитаются! Мы им самим покажем, что такое голод. Ваша задача пресечь кулацкий саботаж жатвы. Вы должны обеспечить уборку урожая до последнего зернышка и немедленно направить все отобранное зерно на ссыпные пункты. Крестьяне не работают. Они надеются на зерно предыдущего урожая, спрятанное ими в тайниках. Но мы заставим их открыть эти тайники».

Активисты, перед которыми выступал Коссиор, очень хорошо знали, что «тайники, полные зерна,» являются мифом. Они еще существовали в начале 20-х годов, но уже давно исчезли. Но речь Коссиора и его угроза уже отражали сталинский анализ обстановки и его программу будущих действий.

При обычных обстоятельствах Украина и Северный Кавказ обеспечивали примерно половину общего урожая в стране. В 1926 году в лучшем доколхозном урожае с Украины было получено 3,3 миллиона тонн хлеба (или 21% всего урожая страны). Хороший урожай 1930 года дал 7,7 миллионов тонн (или 33% от общего урожая) и, хотя по плану Украина должна была сдать 27% от общего урожая, ее заставили сдать 33%.

В 1931 году от Украины потребовали те же самые 7,7 миллионов тонн из общего урожая, всего в 18,3 миллиона тонн, что уже составляло 42%. (Около 30% зерна было потеряно при сборе урожая). Украинское руководство пыталось убедить Москву уменьшить квоту, но успеха не достигло.

В итоге, было собрано всего 7 миллионов тонн зерна, что уже означало голод, так как оставляло на душу сельского населения всего около 130 килограмм зерна до будущего урожая. Нет необходимости говорить, что эти события, то есть нехватка 700 тысяч тонн хлеба, породили и безжалостные партийные чистки на уровне райкомов, где коммунистов безжалостно гнали из партии или за плохую организацию сельскохозяйственных работ, или за правый оппортунизм, или за то и другое. Московская пресса обрушилась на Украину за ее «позорное отставание в сдаче государству зерна». Только одна «Правда» с января по июнь 1932 года посвятила этому вопросу пятнадцать своих передовиц.

В июле были приняты важные решения, которые в течение следующих восьми месяцев должны были привести к голоду. Сталин снова приказал сдать 7,7 миллионов тонн зерна из урожая, который благодаря коллективизации уменьшился на две трети по сравнению с урожаем 1930 года (14,7 миллионов тонн). Украинским лидерам было ясно, что предложенный им уровень реквизиции был не просто огромным, а вообще невозможным. После ожесточенных дебатов руководству Украины удалось все-таки уменьшить плановую цифру до 6,6 миллионов тонн, но и эта цифра была очень и очень далекой от реальности.

Это произошло 6-9 июля 1932 года на Третьем Всеукраинском съезде ВКПУ, на котором в качестве представителей Москвы присутствовали Молотов и Каганович. Съезд открыл Коссиор. По его словам, в некоторых районах ощущается уже «серьезная нехватка продовольствия». Коссиор отметил, что «некоторые товарищи склонны объяснять трудности кампании весеннего сева обширностью плана хлебозаготовок, который они считают нереальным... Многие говорят, что наши темпы и наши планы слишком напряжены». Коссиор добавил, что подобная критика исходит не только из районов, но и из самого Центрального Комитета. Он осмелился также намекнуть на то, что Украина не в силах одна прокормить всю страну. Необходимо более равномерно распределить нагрузку по сдаче зерна между различными регионами страны.

Скрыпник в своей речи честно рассказал, как крестьяне, обращавшиеся к нему, говорили: «Мы уже отдали вам все». И он, и Коссиор, и Чубарь, а также и другие, выступая на съезде, доказывали, что план хлебопоставок слишком завышен.

Однако Молотов назвал попытки свалить собственные ошибки на нереальные планы «антибольшевистскими» и закончил свое выступление словами: «Не должно быть никаких уступок или колебаний при выполнении задачи, поставленной партией и советским правительством».

Результатом съезда было то, что из Москвы на Украину были посланы «для усиления партии» два крупных аппаратчика: А.Акулов, занимавший пост заместителя начальника ОГПУ, и М.Катаевич, обративший на себя внимание Сталина своими жесткими методами коллективизации на Волге.

В то же самое время началась, разделенная на две фазы, реквизиция зерна, хотя реквизировать уже было нечего. К 1 ноября план заготовок был выполнен лишь на 41%.

Люди уже умирали, но Москва, даже не помышляя об ослаблении своих требований, готовила новую волну еще небывалого доселе террора — террора голодом.

ТЕРРОР ГОЛОДОМ

Украинские крестьяне были свидетелями массовой депортации кулаков, и, как сказал один из них, «были такими дураками, что и представить себе не могли более худшей судьбы, чем та, что постигла кулаков».

Но не прошло и двух лет, как на них обрушился еще более смертельный удар режима.

Июльский указ о плане хлебозаготовок для Украины и Северного Кавказа был усилен новым указом от 7 августа 1932 года, снова давшим легальные санкции на конфискацию крестьянского зерна.

Как мы уже говорили, этот указ объявлял всю колхозную собственность — такую, как скот и зерно, — «священной и нерушимой» государственной собственностью. Виновные в покушении на эту собственность объявлялись «врагами народа» и в случае отсутствия смягчающих обстоятельств могли приговариваться к расстрелу или к тюремному заключению на срок не менее десяти лет с конфискацией имущества. Указ, кроме того, постановил, что кулаки, пытающиеся «вынудить» крестьян выйти из колхоза, должны направляться в концлагеря на срок от пяти до десяти лет. Сталин, который сам составил проект указа, объявил его «основой революционной законности в настоящий момент».

Еще до опубликования августовского указа, в украинских газетах часто мелькали такие сообщения: «Бдительное око ГПУ обнаружило и отдало под суд фашистского саботажника, прячущего хлеб в яме под стогом скошенного клевера». Теперь же, после публикации указа от 7 августа, резко увеличилась массовость и жестокость репрессий.

Только за месяц, после публикации указа, один Харьковский суд вынес 1 тысячу 500 смертных приговоров.

Украинская пресса начала публиковать одно сообщение за другим о казнях «кулаков», систематически «воровавших зерно». В Харьковской области пять судов в течение двух недель разобрали 50 подобных дел.

То же самое происходило и в Одесской области, где три подобных дела были описаны прессой во всех подробностях. В подавляющем большинстве речь на этих судах шла о воровстве пшеницы прямо с поля, хотя одна супружеская пара была расстреляна за воровство, характер которого суду так и не удалось установить.

В деревне Копани Днепропетровской области было объявлено, что «банда кулаков и подкулачников» проделала дыру в полу амбара и похитила много зерна. Двое были расстреляны, остальные — на разные сроки отправлены в лагеря. В той же самой области, в деревне Вербка под суд вместе с группой из восьми «кулаков» попали председатель сельского совета, его заместитель и два председателя колхозов. Трое были расстреляны.

В деревне Новоселица Житомирской области один крестьянин был расстрелян при обнаружении у него 10 килограммов пшена, стащенных с колхозного поля его десятилетней дочерью.

Десять лет давалось за «воровство» картошки. Одна женщина получила десять лет за то, что срезала около 100 колосков созревшей пшеницы. Создать бандитскую группу на этом деле не удалось, так как муж этой женщины за две недели до «преступления» умер от голода. Другая женщина получила десять лет за то, что подобрала десять луковиц на колхозном поле. Советский исследователь Немаков описывает случай приговора к десяти годам исправительных работ без права на амнистию, с конфискацией имущества, за сбор пшеничных стеблей, которыми один крестьянин пытался спасти свою семью от голода.

Виновные в мелких хищениях иногда посылались на принудительные работы в совхозы, формируя своего рода «корпус сельскохозяйственных заключенных». На этих работах они получали очень мало хлеба, но могли легко украсть для пропитания другие виды продукции, например, помидоры, и потому очень редко пытались сбежать с этих работ.

Правда, в разных районах, как обычно случается, указ от 7 августа трактовался по-разному. Например, в одном из районов Черниговской области аресты производились

только за воровство более пяти килограммов зерна. А один из крестьян колхоза «Третий Решающий Год» получил пять лет, когда в его доме при обыске нашли бутылку с его собственным зерном.

Одна женщина была арестована вместе со своим ребенком за попытку срезать несколько колосков ее собственной ржи. Ей удалось бежать из тюрьмы, после чего она, вернувшись в деревню, взяла еще одного своего сына, кое-что из домашних вещей и почти месяц скрывалась в соседнем лесу, воруя ночью с полей картошку и пшено. Когда, наконец, она вернулась в деревню, то обнаружила, что в горячке сбора урожая, о ее «преступлении» просто забыли.

Были и более зловещие случаи, подведенные под указ от 7 августа. В деревне Малая Лепетиха, недалеко от Запорожья, группа крестьян была расстреляна за то, что они выкопали и съели захороненную лошадь, у которой предполагался сап. ГПУ опасалось эпидемий. Секретные отчеты содержат много подобных случаев.

Для выполнения указов снова были мобилизованы сельские активисты, поддержанные партийно-комсомольскими добровольцами из городов. Надежда на местное руководство была подорвана, ибо даже те сельские руководители, которые с энтузиазмом выявляли кулаков, ссылая их самих и конфискуя их собственность, сейчас отлично понимали намерения властей и то, что вопрос уже стоит об их собственной жизни и смерти.

В августе 1932 года, когда всем стало совершенно ясно, что план хлебозаготовок выполнить невозможно, многие председатели колхозов и местные партийные работники отказывались принимать участие в планируемых мероприятиях правительства. Так в деревне Михайловка Сумской области председатель колхоза Чаенко — член партии и бывший красный партизан — объявил колхозникам план, но заявил, что не намерен отнимать у них зерно без их согласия. В ту же ночь он пытался бежать из деревни, но был схвачен ГПУ и посажен в тюрьму вместе с председателем местного сельсовета. На следующий день в деревне произошел «бабий бунт». Женщины требовали освобождения Чаенко, уменьшения налогов, оплаты трудодней и уменьшения плана заготовок. 67 человек были арестованы и судимы, некоторые, включая Чаенко, были расстреляны.

Всю вторую половину года не прекращалась кампания резких нападков на председателей колхозов и местных партработников, которые, «объединившись с кулаками и петлюровцами, превратились из бойцов за урожай в аген-

тов классового врага». На свой страх и риск эти сельские руководители пытались вывести свои деревни из-под удара, выплачивали трудодни и распределяли зерно между крестьянами. Их действия Хатаевич назвал «направленными против государства».

Украинские партийные газеты писали о многих случаях невыполнения приказов со стороны председателей колхозов. Центральные газеты неистовствовали, говоря о «пассивно-гипокритических отношениях между некоторыми партийными организациями и кулацкими оппортунистами» на Украине.

На самом верху закончилась провалом последняя попытка заблокировать планы Сталина. Была вскрыта «контрреволюционная группа Рютина, члены которой как агенты кулачества были арестованы и изгнаны из партии».

Украинские документы рассказывают о «группе сельских коммунистов, которые фактически стали руководителями саботажа». Комсомольская пресса писала о «коммунистах и комсомольцах», которые «организовали банду, воруящую и скрывающую зерно».

За пять месяцев 1932 года было арестовано 25-30% всех сельскохозяйственных руководителей среднего звена.

Несмотря на это, кампания продолжалась с неослабевающей энергией. Сопrotивляющиеся руководители быстро ликвидировались и заменялись более надежными.

К этому времени бригады активистов или, как их называли на Украине, «Буксирные бригады» уже превратились в нечто, мало отличавшееся от обычной бригады разбойников-головорезов. Их методы были просты: крестьян избивали до тех пор, пока те не показывали где спрятано зерно, пусть даже этого зерна было меньше килограмма. Бригады использовали специальную технику — стальные стержни длиной от одного до 3 метров и толщиной около 15 миллиметров. Заостренный с одной стороны стержень имел с другого конца рукоятку и использовался для поиска подземных хранилищ зерна.

Очевидец описывает типичный случай:

«Эти бригады состояли из следующих лиц: один из президиума сельского совета или просто член сельсовета, два-три комсомольца, один коммунист, а также местный школьный учитель. Иногда включался кто-нибудь из руководства кооперации, а в течение летних каникул бывали и студенты.

Каждая бригада имела так называемого «специалиста» по поиску зерна. Он был вооружен длинным стальным стержнем для поиска ям, куда могли бы ссыпать зерно.

Бригада ходила от дома к дому. Входя в дом, они обычно спрашивали: «Сколько зерна вы утаили от советской власти?» Обычно следовал лаконичный ответ: «У меня вообще нет зерна. Если не верите, ищите сами».

Тогда начинался «поиск». Они обыскивали дом от погреба до чердака, искали в амбарах, в хлеву, в соломе, в стогах сена. Измеряли печь и вычисляли достаточно ли она большая, чтобы спрятать зерно за кирпичной кладкой. Они ломали чердачные балки, вскрывали пол в избах, обшаривали весь двор и огороды. Если они обнаруживали подозрительное место во дворе, то протыкали его стержнем.

В 1931 году еще иногда находили спрятанное зерно. Обычно килограмм 50, ну, иногда — 100. Однако, в 1932 году уже не было ничего. Самое большое, что удавалось обнаружить это 5-10 килограмм, которые держали для цыплят. Эти «излишки» также изымались».

Но даже и тут не было никакого общего правила: где-то было лучше, где-то было хуже. Очевидцы говорят, что в некоторых случаях активисты милостиво оставляли немного картофеля, гороха и зерна на пропитание семьи. Но было и немало случаев, когда выметалось решительно все, причем не только скот и зерно, но также и все другие ценности: теплые вещи, иконы, самовары, ковры и дорожки, даже металлическая кухонная утварь, которую, возможно, ошибочно считали серебряной. И уж, конечно, все деньги, которые удавалось обнаружить.

Сами активисты, конечно, не страдали от голода. Их держали на хорошем рационе. Лучшие из них иногда делились пищей с крестьянами, что крайне не поощрялось и строжайше пресекалось. При инструктаже активистов всегда произносилась фраза: «Самое страшное, если вы вдруг почувствуете жалость и потеряете твердость. Вы должны научиться есть, даже когда кругом все будут умирать от голода. Иначе некому будет вернуть урожай стране. Так что не поддавайтесь чувствам и думайте только о себе».

Результат подобной политики описала одна крестьянка в письме к своему мужу в армию: «Почти все люди в нашей деревне распухли от голода, кроме председателя и активистов».

Сельские учителя могли получать в месяц 18 килограмм муки, 2 килограмма крупы и килограмм жиров. От

них требовалась после занятий работа в качестве «активистов». Так что дети, придя из школы, видели, как их учителя врывались по вечерам в их дома вместе с остальными грабителями-активистами.

А на районном уровне вообще царила роскошь. Костюк в своей работе «Сталинское правление на Украине», дает такое описание столовой для партийных работников:

«Вход в столовую круглосуточно охранялся милицией, отгонявшей голодных крестьян и их детей от чарующих запахов ресторана...

В этой столовой по исключительно низким ценам продавался белый хлеб, мясо, птица, консервированные фрукты, разные сладости и деликатесы. Все это предназначалось для районного начальства. Обслуживающему персоналу столовой полагался так называемый «Микояновский паек», содержащий двадцать наименований различных продуктов. А вокруг этих оазисов свирепствовали голод и смерть».

То же самое происходило и в городах. В мае 1933 года в Запорожье местные партийные секретари и прочие руководящие деятели города закатывали роскошные оргии, о которых стало известно позднее, когда они все были арестованы в эпоху Ежовского террора и эти оргии были включены в их обвинение.

И в городах, и в деревнях, поощряемая официально и обоснованная идеологически, процветала бесчеловечность. Один из свидетелей наблюдал такую сцену на Харьковском Тракторном заводе, когда умирающий от голода старик пришел туда в поисках работы. Его выгнали, сказав: «Пошел прочь, старик. Иди куда-нибудь в поле и там тихо помри».

В деревне Харсино Полтавской области при краже колосков была схвачена женщина на седьмом месяце беременности и забита до смерти палками. В Бильске (Полтавская область) была застрелена охранником Настя Слипенко — мать троих детей, чей муж был арестован. После этого все трое детей умерли с голоду. В другой деревне той же области сын раскулаченного крестьянина за кражу нескольких колосков ячменя был забит до смерти «активистами».

В деревне Малая Березянка Киевской области председатель сельсовета лично пристрелил за кражу зерна семь человек, включая трех детей пятнадцати и четырнадцати лет (двух мальчиков и одну девочку). Правда, он был за это арестован и получил пять лет.

Теперь бригады активистов официально проводили повальные обыски каждые две недели. Отбиралось уже все, даже картошка, свекла и горох. Если кого-нибудь заставляли не в голодном состоянии, то обыскивали более тщательно, считая, что он где-то припрятал продукты. Один из активистов, делая обыск в доме, чей хозяин уже лежал опухшим и без сил, обнаружил небольшой мешок муки, смешанной с листьями и корой. Он отобрал этот мешок и высыпал его в пруд.

Имеются по меньшей мере три рапорта, свидетельствующие о том, что активисты, чтобы избежать лишней работы, отвозили на кладбище вместе с мертвыми и умиравших, но еще живых. Старики, дети лежали в братских могилах живыми иногда в течение нескольких дней. А некоторых, наоборот, по несколько дней не давали хоронить, выставив их трупы для устрашения.

Насколько были общими эти методы террора и унижения, явствует из письма Михаила Шолохова Сталину от 16 апреля 1933 года:

«Подобные примеры можно перечислять бесконечно. Было бы, наверное, слишком смело назвать все это законным, но как «метод» при заготовке зерна он стал совершенно законным, по крайней мере на районном уровне. Я слышал о подобных фактах и от самих колхозников, которые просили напечатать в газетах, какими методами у них добывают зерно, и от коммунистов, которые эти методы применяли.

Должно быть расследовано поведение не только тех, кто позволял акты насилия и надругательства над колхозниками и советской властью, но и тех, кто направлял их и приказал работать указанными методами. Если все, что я описал, заслужит внимание Центрального Комитета, то направьте в Вешенский район настоящих коммунистов, которые были бы достаточно мужественными, чтобы разоблачить этих безответственных лиц, нанесших смертельный удар колхозной экономике района. Разоблачить не только тех, кто применял методы избиения, пыток и унижения колхозников, но и тех, по чьему приказу они действовали». («Правда», 10 марта 1963 года).

Сталин ответил Шолохову, что его письмо создает какое-то «одностороннее» впечатление, но тем не менее пояснил:

«Вы указали на больное место в нашей партийно-советской работе, когда наши работники, желая поскорее сокрушить врага, бьют по своим, проявляя, порой, случаи садизма. Но это не значит, что я согласен с вами по всем

пунктам... Вы видите только одну сторону дела, хотя и видите ее очень хорошо. Но это только одна сторона вопроса. Другой же стороной является то, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только одного вашего района) проводят «итальянскую забастовку» (саботаж!), нисколько не заботясь о том, что оставляют без хлеба рабочих и Красную Армию. Саботаж этот тихий и внешне безвредный (бескровный), но это не изменяет того факта, что уважаемые хлеборобы ведут «тихую» войну против советской власти. Войну голодом, дорогой товарищ Шолохов. Это, конечно, ни в коей мере не оправдывает те случаи насилия, которые, как вы уверяете меня, совершались нашими работниками... Виновные будут сурово наказаны. Тем не менее ясно, как день, что уважаемые хлеборобы являются совсем не такими безвредными, как это может показаться издалека».

Лев Копелев в своей книге «Образование истинно верующего» вспоминает:

«Я слышал кашель и задыхавшиеся стоны детей. Я видел взгляды людей: испуганные, просившие, ненавидевшие, полностью безразличные, измученные отчаянием или горевшие полубезумной яростью.

«Берите! Берите все! Еще есть горшок борща в печи. Мяса в нем нет, но есть свекла и капустные листья. Берите все, товарищи-граждане! Возьмите мои сапоги. Они латаные-перелатаные, но, может быть, и они пригодятся пролетариату или нашей дорогой советской власти!»

Пыткой было все это видеть и слышать и еще хуже принимать в этом участие. Но я пересиливал себя. Я убеждал себя, что здесь не место расслабляющей жалости. Мы реализуем историческую необходимость. Мы выполняем свой революционный долг. Мы добываем зерно для социалистического отечества. Для пятилетнего плана...

Вместе со всем своим поколением я твердо верил, что цель оправдывает все средства. Нашей великой целью был повсеместный триумф коммунизма, и ради достижения этой цели дозволено было все: лгать, воровать, уничтожать сотни тысяч и даже миллионы людей, всех, кто мешал нашей работе или мог ей помешать — всех, кто стоял на нашем пути. Всем же колеблющимся или сомневающимся навешивали ярлыки «интеллектуальных развращенцев» и «тупых либералов», не видящих «за деревьями леса».

Кравченко рассказывает, как он также вначале отводил все «эксцессы» на счет «плохих» коммунистов, искажавших волю партии и Сталина. Но постепенно он стал приходить к выводу, что «весь этот ужас был не случай-

ным, а запланированным и санкционированным на самом верхнем уровне власти...»

Такие люди, как цитируемые выше, либо заставляли молчать свою совесть, либо вместе с другими отправлялись в лагерь. Бухарин предвидел, что это неизбежно приведет к «дегуманизации» партии, для членов которой «террор станет отныне обычным методом администрирования, а подчинение любому приказу сверху — высшей добродетелью».

Точка зрения Ленина на более ранние вспышки голода, которые имели место в 1891-92 годах на Волге, где он жил, может служить показателем всего отношения партии к массовым смертям и страданиям, если таковые способствуют осуществлению партийных задач. В то время, как все классы общества, включая либеральную интеллигенцию, пытались, как могли, помочь голодающим, Ленин отказался от какой-либо помощи, указав, что голод радикализирует массы, заявив при этом: «Психологически все разговоры о том, что следует накормить голодных, есть ничто иное, как выражение сладко-сахарной сентиментальности, столь характерной для нашей интеллигенции».

Когда банды громил и обманутых идеалистов обшаривали дома и дворы крестьян, те пытались как-то спастись, ища способ сохранить хоть немного продовольствия. Зерно прятали в стогах сена, иногда в обмазанной смолой бутылки на дне колодца или какого-нибудь водоема. Если крестьянин отвозил свое зерно на «национализированную» мельницу, то его зерно автоматически переходило в собственность государства. Тогда местные умельцы стали делать «ручные мельницы». При обнаружении их и производители, и владельцы таких мельниц арестовывались. Их обнаруживали сотнями: 200 — в одном районе, 755 за месяц — в другом.

С мельницами или без мельниц хлеб пекли из чего угодно: из семечек подсолнуха, грядной мякины и небольшого количества ржаной муки, чтобы связать все это вместе.

В деревнях совершенно отмерла игра в «бабки», которой деревенские дети забавлялись с незапамятных времен. Используемые в игре телячьи кости все были выварены в котлах, измельчены и съедены.

Люди ели крапиву, сорную траву, все, что угодно. Ели даже конское дерьмо, поскольку в нем часто оставались непереваренные зерна овса и пшеницы. К началу зимы были съедены все оставшиеся цыплята и другие животные. Затем наступила очередь собак, а позднее — кошек.

Поймать их было нелегко. Домашние животные стали бояться людей, на глазах становясь дикими. Им самим было нечего есть и сколько бы их не варили, нечего было есть в переплетении вен и сухожилий.

В одной из деревень собирали из-под снега желуди и пекли из них хлеб, иногда добавляя в него отрубей или картофельной шелухи. Наблюдая эту картину, местный парторг сказал председателю сельсовета:

«Погляди на этих паразитов! Они готовы выкапывать желуди из-под снега голыми руками. Они готовы на что угодно лишь бы не работать!»

Уже к концу ноября 1932 года на Украине произошло несколько крестьянских восстаний, приведших к временному роспуску колхозов. Дед Леонида Плюща как-то увидел в одной деревне целую гору трупов. Его начальник пояснил, что здесь была «кулацкая демонстрация». Голодные крестьяне поднимались на восстания, зная, что вблизи их, умиравших от голода, деревень имеются склады с зерном. В царские времена, при гораздо меньшем по масштабу голоде, правительство и вся страна делали все возможное, чтобы этот голод ликвидировать. Собирались фонды, открывались благотворительные столовые, можно было, в конце концов, ходить и просить милостыню именем Христа. А ныне правительство рабочих и крестьян не желало им дать ни зернышка.

Далеко не все зерно направлялось в города и на армейские склады. Склады сельской местности также ломались от зерновых запасов так называемого «государственного резерва». «Госрезерв» предназначался для чрезвычайных обстоятельств, — таких, как война или стихийные бедствия. Голод, косящий крестьян, чрезвычайным обстоятельством не считался. Недалеко от деревень работали маслозаводы, выпуская масло на экспорт. На упаковках было напечатано по-английски: «СССР. МАСЛО НА ЭКСПОРТ».

И люди, умирая с голода, знали, что еда есть совсем близко, ее просто им не дают, и это способствовало самым диким выступлениям голодных, порой, уже потерявших человеческий облик крестьян.

Особенно часто это случалось тогда, когда зерно хранилось открытым способом. Его просто ссыпали на каком-нибудь огороженном участке и оставляли гнить. Огромные горы гниющего зерна возвышались у станции Решитилвка Полтавской области, охраняемые вооруженными часовыми ОГПУ. Один американский корреспондент видел из

окна железнодорожного вагона эти гигантские, похожие на вулканические сопки, пирамиды зерна. Сходство с вулканическими сопками усиливалось еще и потому, что горы зерна дымились от внутреннего самовозгорания.

Картошка также часто собиралась в огромные кучи и оставлялась гнить. Несколько тысяч тонн картофеля гнило под открытым небом в районе Луботино на участке, огороженном колючей проволокой и охраняемом часовыми ОГПУ. Гниющую картошку передали для перегонки в спирт, но никто не вывез ее, и в итоге она сгнила полностью.

Имеется большое количество рапортов о бунтах, единственной целью которых был захват зерна или картофеля на складах. В деревне Пустоваровка был убит секретарь парткома и захвачен склад картофеля. Около 100 крестьян были за это расстреляны. В Хмелеве, в процессе «бабьего бунта» были взяты штурмом амбары, после чего три женщины пошли под суд. Как отметил один из очевидцев: «Это происходило в то время, когда люди были голодны, но еще имели силы».

Имели место и другие акты отчаяния. В некоторых районах крестьяне поджигали поля. Однако, в отличие от 1930 года, эти акты теперь всегда были спонтанными и некоординированными, что частично объясняется физической слабостью людей. Кроме того, ОГПУ уже успело создать мощную сеть «сексотов» (тайных информаторов), применяя при этом все, хорошо известные им методы шантажа и угроз.

Однако бунты происходили даже в самый разгар голода в 1933 году. В конце апреля крестьяне деревни Нововознесенское Николаевской области напали на зернохранилище, где зерно хранилось под открытым небом и уже начало гнить, но были расстреляны из пулемета охраной ОГПУ. В селе Сагайдак Полтавской области крестьяне, обезумев от голода, разграбили склад с зерном, но они уже были настолько слабы, что не смогли донести зерно до дома и умирали по пути. На следующий день оставшиеся в живых были арестованы, многие расстреляны, прочие получили от пяти до десяти лет лагерей. Вскоре крестьяне из нескольких соседних деревень напали на зернохранилище на станции Гоголево и набили свои мешки кукурузой, которая там хранилась. К удивлению, за это были арестованы позднее лишь пять человек.

Но это уже были акты отчаяния. Еще до того, как голод осенью и зимой 1933 года достиг своего апогея, мно-

гие крестьяне, как и «кулаки» за два года до этого, стали покидать свои деревни.

Выставленная пограничная охрана не давала возможности украинским крестьянам проникнуть легально на территорию России. Если им все-таки удавалось проникнуть на территорию русских областей и добыть там хлеба, то хлеб отбирался на границе, а крестьянина часто арестовывали. ОГПУ также принимал меры для предотвращения попыток проникновения голодных крестьян в зону, прилегающую к границам с Польшей и Румынией. В то же самое время сотни крестьян, проживающих в приграничных районах, были, согласно рапортам ОГПУ, убиты при попытке переправиться через Днестр в Румынию. Однако, сравнительно открытым был путь на юг, и многие украинские крестьяне пробирались на Северный Кавказ, где еще можно было достать пищу, а также и в такие отдаленные районы, как Дагестан и Азербайджан.

К середине 1932 года почти три миллиона человек находилось в движении, забивая толпами железнодорожные станции, пытаясь прорваться из сельской местности в города и в другие провинции.

Английский коммунист Виктор Сердж в своих «Воспоминаниях революционера» пишет:

«Грязная, оборванная толпа заполняла станцию. Мужчины, женщины и дети, одетые в лохмотья, представляя из себя какую-то единую, грязную массу, ожидали Бог знает какого поезда. У них не было ни денег, ни билетов. Они пытались сесть на любой поезд, на какой могли, их гнали, они лезли снова. Все это делалось молча, но упорно и с какой-то уже неживой пассивностью. Куда они стремились? Куда угодно, лишь бы найти хлеб, картошку или работу на заводе, где рабочих еще кое-как кормили... Хлеб был великим двигателем этих толп. Что я могу сказать о ворах? Эти люди воровали все, все, все...»

До того, как голод нанес свой окончательный удар весной 1933 года, многие еще пытались как-то пополнить запасы съестного в надежде протянуть до следующего урожая и в надежде на правительственную помощь, которая так и не пришла.

Естественно, что все это привело просто к эпидемии воровства. Воровалось все, что могло бы потенциально добыть хлеб. Хотя и было запрещено допускать крестьян в города, но поначалу этот запрет не очень соблюдался и многим крестьянам удалось добраться до Киева и прочих крупных

городов. На городских базарах они меняли еще сохранившиеся ценные вещи на хлеб и картофель. Их главными клиентами были жены партийных чиновников, имеющих спецрационы. Богато расшитая скатерть менялась на буханку хлеба, хороший ковер — на несколько таких буханок. Прекрасно вышитые шерстяные юбки и платья менялись на одну-две буханки хлеба. Но государство, предвидя это, решило изымать принадлежащие крестьянам ценности более систематическим путем. Везде, даже в маленьких городках и больших селах появились так называемые магазины «Торгсина» (Торговля с иностранцами). Эти магазины принимали плату только в иностранной валюте или золотом и драгоценными камнями, продавая за них дефицитные товары, включая и продовольственные.

Многие крестьяне имели старые золотые украшения и монеты, которые теперь могли обеспечить им немного хлеба и других продуктов, хотя визиты в такие магазины были, порой, сопряжены с большой опасностью. ОГПУ, постоянно наблюдая за покупателями, мог просто отобрать ценности, ссылаясь на то, что они были утаены владельцами на многочисленных предыдущих обысках. Цены в торгсинах были немыслимо высокими. За золотые кресты или серьги можно было получить пару кило муки или жиров. Один учитель за серебряный доллар получил 50 грамм сахара и 200 грамм риса.

В одной из деревень Житомирской области, населенной католиками, в старые времена существовал обычай хоронить крестьян с золотыми кольцами и другими драгоценностями. В 1932-33 годах крестьяне тайно вскрывали могилы, снимали с мертвецов драгоценности и несли их в «Торгсин», покупая продукты. Смертность в этой деревне была значительно ниже, чем в округе.

Когда грянула зима, дела пошли еще хуже. 20 ноября 1932 года правительство Украины издало указ о прекращении какой-либо платы по трудовым дням, пока не будет выполнен план заготовок.

6 декабря 1932 года был обнародован еще один указ Советского правительства и ЦК Компартии Украины, в котором были названы шесть деревень (по две от Днепропетровской, Харьковской и Одесской областей), обвинявшихся в саботаже хлебозаготовок. Указ объявил о следующих санкциях к саботажникам:

«Немедленно прекратить снабжение товарами, при остановах местную государственную и кооперативную торгов-

лю, а также изъять все виды продовольствия с государственных и кооперативных складов.

Полностью запретить всю колхозную торговлю в равной степени для колхозников и единоличников.

Запретить какие-либо выплаты по кредитам и другим финансовым обязательствам».

«Органам Рабоче-крестьянской Инспекции выявить и вычистить кооперативный и государственный аппарат от всех чуждых и враждебных элементов...

Выявить и вычистить вышеперечисленные деревни от всех контрреволюционных элементов...»

Затем подобные указы все с новыми и новыми деревнями посыпались один за другим. Украинские деревни, невыполнившие план хлебозаготовок, были в буквальном смысле слова блокированы, чтобы предотвратить попадание в них извне каких-либо продуктов.

15 декабря 1932 года был даже опубликован список целых р а й о н о в, «куда было приостановлено снабжение продуктов, пока они не достигнут коренного улучшения в выполнении планов хлебозаготовок». В список вошли 88 районов (из 358 на Украине) в Днепропетровской, Донецкой, Черниговской и Харьковской областях. Жители «блокированных» районов в массовом порядке депортировались на Север.

Однако, несмотря на все усилия Партии, к концу 1932 года удалось собрать только 4,7 миллионов тонн зерна, то есть всего 71,8% плана. И тогда развернулось новое наступление, чтобы добыть недостающие проценты, хотя на Украине уже ничего не оставалось. Однако Сталин и его сотрудники-подручные ничего не желали знать.

27 ноября 1932 года в Москве открылось совместное заседание Политбюро и Центрального Исполнительного комитета. Открывая заседание, Сталин сказал, что трудности при хлебозаготовках прошлого года произошли: во-первых, потому, «что в колхозы и совхозы проникло много антисоветских элементов, которые организовали саботаж и вредительство»; во-вторых, «из-за неправильного, немарксистского подхода значительной части наших сельских коммунистов к колхозам и совхозам...» Сталин пояснил, что «Районные и колхозные коммунисты слишком идеализировали колхозы, считая, что раз уж они созданы, то в них ничего не может вырасти антисоветского и саботажного по своей природе... И если они даже имели сведения об явлениях антисоветского саботажа, то предпочитали закрывать на эти факты глаза... Нечего и гово-

ритель, что подобный взгляд на колхозы не имеет ничего общего с ленинизмом!»

4 и 8 декабря 1932 года «Правда» призвала к решительной борьбе с кулаками, особенно на Украине. 7 января редакционная статья «Правды» объявила, что срыв хлебозаготовок произошел потому, что Компартия Украины создала ситуацию, позволившую «организоваться на Украине классовому врагу».

В январе 1933 года на Всесоюзном пленуме ЦК и ЦИК Сталин заявил, что «причины трудностей, связанных со сбором зерна, нужно искать в самой партии». Первый секретарь Харьковского обкома Терехов сказал Сталину открыто о голоде на Украине. В ответ Сталин обозвал его распространителем небылиц, пресекая любую попытку обсуждения этого вопроса. Основным докладом на пленуме сделал Каганович, снова утверждая, что «в деревнях на Украине все еще очень сильно представительство кулаков... Кулаки, избежавшие депортации, сомкнулись с массой середняков, образовав кулачество снова... Много кулаков бежало из ссылки и скрываются родственниками, а иногда и «слабосердечными» членами партии, ставшими в силу этого предателями интересов трудящихся».

«Кроме того, — подчеркнул Каганович, — еще имеется много представителей буржуазно-белогвардейской, петлюровской, казачьей, эсеровской интеллигенции». Сельская «интеллигенция» в указанное время состояла из учителей, агрономов, докторов и тому подобное, так что весьма интересно, что именно они были намечены в качестве целей для очередной чистки антисоветских элементов.

Каганович снова и снова призывал к борьбе с «классовым врагом».

«Что, — вопрошал он, — является основным проявлением классовой борьбы в деревне? Главным образом это организующая роль кулака в саботаже посевной и сбора зерна для заготовок».

Каганович обвинял в саботаже всех, включая и некоторые «центральные сельскохозяйственные органы». Он подверг нападкам случаи нарушения трудовой дисциплины. Он заявил, что кулак использует мелко-буржуазные тенденции вчерашнего крестьянина-единоличника, создавая элементы, «терроризирующие» честных колхозников.

24 января 1933 года ЦК выпустил специальную резолюцию по партийной организации Украины (позднее названной «поворотным пунктом в истории КПУ, открывшем

новую главу в победоносной битве большевиков на Украине»). В резолюции открыто обвинялась КПУ в срыве хлебозаготовок. Назывались «ключевые» области, виновные в срыве: Харьковская (Терехов), Днепропетровская и Одесская, где, как особо подчеркивалось, «недоставало классовой бдительности».

Пленум назначил секретаря ЦК Павла Постышева вторым секретарем ЦК КПУ и первым секретарем Харьковского обкома. Хатаевич, остававшийся секретарем ЦК КПУ, был назначен первым секретарем Днепропетровского обкома, а Вегер — первым секретарем Одесского обкома. Лица, ранее занимавшие эти посты, были сняты с должности.

Позднее Постышев объявил, что во всем было виновато «отсутствие настоящей большевистской бдительности». Постышев получил неограниченные полномочия в выполнении поставленной Сталиным задачи по «большевизации» Украины и ее компартии, а также в деле добычи дополнительного зерна в вымирающих от голода украинских деревнях.

Сразу же по прибытии на Украину, Постышев начал говорить об «остатках кулаков и националистов», которые «профильтровались» в партию и колхозы, чтобы саботировать производство. Он категорически запретил направлять какую-либо помощь голодающим деревням, объявив даже, что государство не намерено давать семена для будущего сева, поскольку «семена можно обнаружить в любой деревне». (В действительности же, 25 февраля 1933 года Москва была вынуждена издать постановление «О помощи в посевной колхозам Украины и Северного Кавказа», направляя 325 тысяч тонн зерна на Украину и 230 тысяч тонн — на Северный Кавказ. Уже и Москва, и Постышев отлично понимали, что без этого шага, ни о каком будущем урожае не может быть и речи).

Однако на февральском пленуме ЦК КПУ была выработана и сформулирована новая, еще более жесткая, линия. Из речи Коссиора, все еще занимающего пост первого секретаря ЦК КПУ, становятся ясными те противоречия, которые существовали между партийными требованиями и реальностью:

«В деле хлебозаготовок мы сейчас выработали новые формы борьбы с классовым врагом... Когда вы приезжаете в район, чтобы поговорить о поставках зерна, местные руководители начинают вам показывать разные таблицы

и статистику низкого урожая и прочие данные, составленные всюду враждебными элементами, проникшими в колхозы, на МТС и в сельскохозяйственные управления. Но эта статистика ничего не говорит о зерне, оставленном на полях, о зерне, спрятанном и разворованном. А наши товарищи, включая многих уполномоченных, дают себя обмануть этими ложными цифрами, часто становясь из-за этого сторонниками кулаков и саботажников. В бесчисленных случаях уже было доказано, что эта арифметика является чисто кулацкой арифметикой. Ложные цифры и страстные речи, произносимые вражескими элементами, служат только прикрытием для воров, для повсеместного разграбления хлеба».

Коссиор подверг нападкам многие районы Днепропетровской и Одесской областей, где любят заниматься «отписками и оговорками», чтобы объяснить причины невыполнения плана. «Все эти непрекращающиеся разговоры о пересмотре плана,— заявил он,— являются организованным саботажем, к которому почему-то очень терпимо относятся местные парторганизации».

Постышев, который привез с собой в Киев нового начальника ОГПУ В.А.Балицкого, вскоре сместил со своих постов 237 секретарей райкомов и 249 председателей райисполкомов. Козлами отпущения стали Одесский и Днепропетровский районы, руководство которых, как было обнаружено, «состояло из предателей дела рабочего класса и трудового крестьянства».

Пока Коссиор и Постышев громили партийно-советский аппарат, ОГПУ тоже не сидело без дела, обрушив удар на ветеринаров, обвиненных во вредительстве, связанным с падежом скота. Мор был вполне естественным, поскольку скот нечем было кормить. Однако только в Винницкой области по этим обвинениям с 1932 по 1937 года были расстреляны более 100 ветеринаров. Кроме того, были арестованы все сотрудники Метеорологического Управления по обвинению в фальсификации прогнозов погоды с целью нанести ущерб урожаю.

В марте 1933 года были расстреляны 35 сотрудников Наркомата Сельского Хозяйства Украины за различные виды диверсионной деятельности, вроде порчи тракторов, отравления семян и поджоги. Сорок сотрудников Наркомата были приговорены к различным срокам заключения, якобы, за то, что они «использовали» свою власть и полномочия для организации голода в сельской местности». Редкое признание, что такая вещь

может случиться! Одновременно в деревню было послано 10000 новых активистов для замещения вакантных постов секретарей райкомов, председателей исполкомов и колхозов. Истерическая жестокость, с которой начал действовать Постышев, дала мизерную добавку зерна к плану, но есть в деревнях было уже совершенно нечего.

Всю зиму люди умирали, однако все рапорты ясно говорят о том, что массовая смертность началась в начале марта 1933 года.

И именно в начале марта стали очень строго выполняться постановления, запрещающие передвижение людей из одного района в другой без специального разрешения. Сохранился приказ N 15 по Северодонецкой железной дороге, предписывающий всем железнодорожным служащим не допускать в поезда крестьян без разрешающей справки от председателя колхоза.

Такой же приказ запрещал принимать крестьян на работу в промышленные предприятия городов. Но работу, особенно тяжелую, все-таки можно было найти. Можно было устроиться на прокладку железнодорожных путей или на стройку. Там люди, которые уже несколько месяцев не видели хлеба, могли получать в день 500 грамм хлеба и 30 грамм сахара. Но норма выработки составляла на человека в день 8 кубометров вырытой земли. Это было выше сил истощенных людей, которые умирали прямо на работе или в течение ночи...

Когда в апреле были отменены карточки на хлеб и в городах открылись магазины, в которых любой, пусть по достаточно высокой цене, мог купить килограмм хлеба на человека в день, крестьяне этого сделать не могли. К этому времени многие, побуждаемые отчаянием, уже оставили родные деревни. Если они не могли добраться до городов, то оставались умирать на железнодорожных станциях. Маленькие украинские станции обычно были окружены небольшими фруктовыми садами. Туда железнодорожники, сами еле ходящие от голода, складывали трупы умерших. Вблизи Полтавы, у железнодорожного полотна, были специально вырыты ямы, куда сбрасывали трупы, найденные на рельсах. Те крестьяне, которых отгоняли со станций, шли вдоль железнодорожных путей, прося хлеба у пассажиров проезжающих поездов. Иногда им бросали небольшие куски, но у многих уже не было сил даже на это.

Более трудные проблемы возникали с теми, кто прорывался к крупным городам. В Киеве для тех, кто имел работу и продовольственные карточки, проблемы голода не существовало. Правда, снабжение было очень плохим, но каждый мог купить себе в день кило хлеба. «Снабжение, как отметил Эдвард Амменде в монографии «Человеческая жизнь в СССР», было едва достаточным для обеспечения нужд привилегированного класса». Уже тогда существовала целая сеть «закрытых распределителей», обслуживавших крупных партийных и государственных работников, верхушку ОГПУ и армии, директоров предприятий и тому подобное. Номинально в городах заработок был чисто эгалитарным, но система привилегий превращала его в абсурд. Например, учитель получал всего в два раза меньше какого-нибудь руководящего работника ОГПУ. Однако система привилегий, позволявшая последнему отovarиваться в спецраспределителе по заниженным ценам, делала его доход в 12 раз больше, чем у учителя.

Даже квалифицированные рабочие в городах Украины зарабатывали не более 250-300 рублей в месяц, живя на черном хлебе, картошке и селедке, не имея ни одежды, ни обуви. К лету 1932 года рацион для служащих в Киеве был уменьшен с полутора фунтов хлеба до одного, а для рабочих — с двух до полутора фунтов. Студенты Киевского института животноводства получали в день 200 грамм хлеба, тарелку рыбного супа, кислую капусту, две столовые ложки каши или овощей, а также 50 грамм конины. В магазинах образовывались километровые очереди за хлебом. Чтобы не упасть, стоящие в очередях держались за пояс впереди стоявшего. Счастливы получали по 200-300 грамм хлеба. Остальным оставался только номер, написанный чернильным карандашом на ладони — номер очереди на следующий день.

И вот в подобных условиях в городах появились умирающие от голода крестьяне, пережившие столько трудностей, чтобы пробиться через блокадные отряды и контрольные посты. Но пробившись в города, они видели, что помощи и тут ждать неоткуда. Днепропетровск был переполнен голодными крестьянами. То же самое было и на Донбассе. Потерявшие все силы крестьяне, пробившись в города, жили уже последние дни, а иногда и часы. Чтобы пробиться в Киев через заградотряды, они должны были пробираться болотами, продираться через леса. Пробивался обычно один из 10 тысяч только для того, чтобы понять, что и здесь нет спасения, кроме как умереть на городских улицах.

Страшные сцены наблюдались в то время в городах. Горожане, спешившие, как обычно, по своим делам, порой даже не замечали лежащих на улицах стариков, женщин и детей, у которых уже не было сил даже просить подаяния.

Но были и исключения. Имеется много сообщений, как жители Киева подкармливали крестьян, помогали им избежать милицейских облав. То же самое происходило и в Харькове, и в Днепропетровске, и в Одессе. Один из очевидцев описывает женщину, лежащую на базарной площади Харькова. Мухи и прочие паразиты буквально заедали ее живьем. Прохожие клали рядом с ней маленькие кусочки хлеба, но она уже была слишком слаба, чтобы есть. Она плакала и просила позвать доктора, но доктора имели специальный приказ, запрещающий оказывать медицинскую помощь крестьянам, незаконно проникшим в города.

Во всех крупных городах Украины стало обычным делом для местных властей с раннего утра посылать команды для уборки с городских улиц трупов людей, умерших в течение ночи. В 1933 году с улиц Полтавы ежедневно убиралось около 150 трупов.

В Киеве «каждое утро на улицах появлялись открытые повозки, на которых складывались трупы умерших за ночь. Я видел такую повозку, груженую мертвыми детьми. Они были с такими исхудалыми лицами, что напоминали мертвых птиц с острыми клювами. Эти крошечные птички прилетели в Киев и что же хорошего они тут нашли? Некоторые из них еще стонали и их головки дергались. Я спросил об этом возницу. Тот махнул рукой и сказал: «К тому времени, когда мы доедем до кладбища, они уже замолкнут». (Гроссман, «Все течет»).

Те, кто оставался в живых, рано или поздно попадали в руки милиции и высылались из города. Крупные полицейские облавы прочесывали города. Тысячи схваченных крестьян загружали в товарные вагоны и вывозили из городов, сгружали где-нибудь в диких переездах и оставляли умирать в чистом поле.

Но большая часть крестьян все-таки предпочитала умирать дома. Сельское население Украины насчитывало 20 миллионов человек, примерно пять миллионов погибла — то есть четверть всего населения. Количество жертв сильно варьируется от района к району — от 19 до 100%.

Наивысший уровень смертности имел место в традиционных «хлеборобных» областях Полтавы, Днепропетровска, Кировограда и Одессы, в среднем составляя

20-25%, хотя во многих деревнях этот уровень был значительно выше. В Каменец-Подольской, Винницкой, Житомирской, Донецкой, Харьковской и Киевской областях процент смертности был несколько ниже — 15-20%. На крайнем севере Украины уровень смертности был самым низким. Лесные массивы, многочисленные реки и озера давали достаточно пищи даже зимой.

Врачи, имея специальную инструкцию, оформляли справки о смерти, записывая в них какие угодно болезни, включая такие странные, как «стремительно прогрессирующая слабость», но никогда не писали слова «голод». Однако к зиме 1932 года уже никаких справок о смерти просто не выдавалось. В деревне Роменково, находившейся в очень благоприятных условиях, всего в шести километрах от крупного металлургического комплекса в Каменске, где работала и кормилась большая часть населения деревни, за пять месяцев 1933 года умерло 588 человек при общем населении 4 тысячи. В справках о смерти у всех значится либо «слабость», либо «дизентерия».

На подъездах к деревням и даже к городам лежали сложенные штабелями трупы. В штабелях иногда было до нескольких тысяч трупов. Ни у кого не было сил выкопать им могилы в промерзлой земле.

Деревня Маткивицы Винницкой области имела 312 хозяйств и 1 тысячу 293 жителя. Трое мужчин и две женщины были расстреляны за срезание колосков пшеницы на собственных участках, 24 семьи были депортированы в Сибирь. К весне 1933 года многие умерли. Остальные разбежались. Вокруг пустой деревни был выставлен кордон и вывешены черные флаги, свидетельствующие, что в деревне свирепствует эпидемия. В официальных документах записано, что эту деревню выкосил тиф.

В таких деревнях, как Орловка, Смолянка, Храбовка, насчитывавших от 3 тысяч до 4 тысяч жителей, уцелело не более 40-80 человек.

В деревне Макухи Полтавской области (2 тысячи 200 дворов) погибла половина населения. Что касается хуторов, то на Полтавщине они были уничтожены почти полностью. Так, например, полностью вымер хутор Сороки из пятидесяти семейств, хутор Лебеди из пяти семейств, хутор Твердохлебы из пяти семейств, хутор Малолитка из семи семейств. Всего по Украине вымерло около 75% хуторов.

Воспоминания уцелевших поражают четкостью. Ужасные картины массового вымирания их односельчан навеч-

но врезались в их память. В деревне Федеевка Полтавской области в начале 1932 года жило 550 человек.

«Первыми умерли Рафалики — отец, мать и ребенок. Затем от голода вымерла вся семья Федеев из пяти человек. Потом умерла семья Прохора Литвина (четыре человека), Федора Гонтова (четыре человека), Самсона Федея (три человека). Один из детей последней семьи был забит до смерти кем-то на луковом поле. Умерли Микола и Ларион Федеи, потом Андрей Федей и его жена, затем Стефан Федей, Антон Федей, его жена и четыре ребенка (две девочки выжили). Потом наступила очередь Бориса Федея, его жены и трех детей, Оланвия Федея и его жены, Тараса Федея и его жены, Федора Фесенко, Константина Фесенко, Меланьи Федея, Лаврентия Федея, Петра Федея, Улисиса Федея и его брата Фреда, его жены и двух детей, Ивана Гонтова, его жены и двух детей, Василия Перца, его жены и ребенка, Макара Федея, Прокопия Фесенко, Абрама Федея, Ивана Сказки, его жены и восьми детей.

Некоторых из этих людей еще хоронили, но большинство оставалось лежать, где умерли. Например, Елизавета Лукашенко умерла на лугу, ее останки были разорваны воронами. Многих сбрасывали в любые попавшиеся ямы. Останки Лаврентия Федея лежали прямо в доме, пока не были съедены крысами».

В небольшой деревушке Горохово, вблизи Житомира, из тридцати дворов в 1933 году были населены только десять. Семьи вымирали полностью. Типичным примером является семья Витовичей: «Младший сын, 16 лет, умер, возвращаясь домой из школы. Его труп остался лежать на обочине... Старшая дочь Палаша умерла, работая на колхозном поле. Мать умерла на улице, идя на работу... Тело отца было обнаружено в соседнем лесу, наполовину съеденное зверями. Уцелел только старший сын, служивший пограничником на Дальнем Востоке».

В деревне Викнино, находившейся на границе Киевской, Одесской и Винницкой областей, один из уцелевших описывает страшную картину, навсегда запечатлевшуюся в его памяти:

«Первой жертвой голода в конце 1932 года стала семья Таранюк: отец, мать и трое сыновей. Двое старших сыновей были комсомольцами, активно помогавшими в поисках «спрятанного зерна». Отец и мать умерли в своем доме, трупы сыновей нашли под заборами соседней.

В это же время умерли шестеро из семьи Зверхановских. Каким-то чудом выжили только один из их сыновей, Владимир и дочь Татьяна.

Распухший от голода кузнец Иларион Шевчук, который в январе 1933 года просил помощи в сельсовете, был найден в кузнице убитым ударом лопаты.

Убийцами были председатель сельсовета Коновальский, его помощник Антонюк и секретарь сельсовета Любомский.

Очень трагический конец ждал бедную вдову Данилюк и ее двух сыновей. Труп вдовы был съеден червями и мухами, а двое ее сыновей, Павло и Олеско, умерли, прося подаяния.

Порфирий Нетербчек, некогда один из наиболее трудолюбивых и преуспевающих крестьян, был обнаружен мертвым под церковной оградой.

Старик Иван Антонюк умер после того, как его дочь накормила его «хлебом», выпеченным из зеленых колосков ячменя, украденных на колхозном поле.

Олеско Войтруховский спас себя и свою семью (жену и двух маленьких детей), снабжая их мясом лошадей, павших от сапа и других болезней. По ночам он вырывал их из земли, отрубал куски и таскал в мешке домой. Его старший брат Яков с женой умерли ранее от голода».

Один из городских рабочих, побывав в родном селе, вспоминает:

«Мой тесть Павло Гусар, распухший от голода, направился было в Россию на поиски хлеба, но умер в соседней деревне, в четырех километрах от дома. Местные жители помогли похоронить его. Они рассказали мне, как одна из сестер моей жены умерла на следующий день после смерти тестя. Я узнал также, что вдова моего старшего брата раз пять перехватывалась патрулями, пытаясь проникнуть в Россию в поисках хлеба, чтобы накормить своих трех детей и мою старую мать. В итоге она умерла сама от голода, а затем умерли ее дети: Яков шести лет и Петро восьми лет».

Два американца, родившиеся на Украине, сумели в конце 1934 года добраться до родной деревни. Они обнаружили, что их родители умерли от голода. Истощенное и измученное лицо их сестры изменилось до неузнаваемости. Деревня вымирала. Где-то еще теплилась жизнь, но ее уже нельзя было назвать человеческой. «В соседнем доме дочь крестьянина, которую я хорошо знал, лежала на полу, видимо, в припадке какого-то безумия и грызла ножку стула. Когда мы вошли, она даже не повернулась в нашу сто-

рону, но зарычала. Так рычит собака, грызущая кость, когда вы подходите к ней».

В. Резвик, корреспондент Ассошайтед Пресс в Москве, в 1933 году пишет, как один из работников «Правды», еврей, специализирующийся на статьях об империалистической клевете на СССР, передал ему письмо от своего отца, живущего на Украине:

«Мой любимый сын.

Хочу сообщить тебе, что твоя мать умерла. Она умерла от голода после многомесячных мучений. Я тоже, как и многие в нашем городке, уже близок к смерти. Последним желанием мамы было, чтобы ты, наш единственный сын, прочел в честь нее «Кадеш». Как и мама, я тоже надеюсь и молюсь, чтобы ты забыл о своем атеизме сейчас, когда безбожники обрушили гнев Небес на Россию. Можно ли надеяться, что ты пришлешь мне письмо с сообщением, что ты прочел «Кадеш» по маме (хотя бы раз) и с обещанием, что прочтешь «Кадеш» и по мне, когда придет час. С сознанием этого будет гораздо легче умирать».

Голод сводил людей с ума. Процветали преступления. «В деревне Белка Денис Ищенко убил свою сестру, зятя и их шестнадцатилетнюю дочь, чтобы захватить 10 килограмм муки. Затем он же убил своего друга, Петра Коробейника, когда тот нес четыре буханки хлеба, добытых где-то в городе. Это типичный пример. Люди спокойно шли на убийства, чтобы достать несколько фунтов муки или буханку хлеба».

Имеется бесчисленное количество рапортов о самоубийцах, главным образом о повесившихся. Некоторые матери часто вешали своих детей, чтобы спасти их от страданий. Но самым ужасным было другое:

«Некоторые сходили с ума... Были люди, которые разрубали и ели трупы. Некоторые убивали своих детей и съедали их. Я сам видел одну такую женщину. Она была доставлена в райцентр под конвоем. Лицо ее было человеческим, но глаза уже были волчьими. Женщину заперли в сарай с другими. Это людоеды, объяснили мне, и они будут расстреляны. Но те, кто довел эту женщину до состояния людоедства, не считали себя виновными. Они действовали ведь «для всеобщего блага!»»

В СССР не существовало закона против каннибализма (как, впрочем, и во многих странах Запада). На Украине существовала секретная инструкция органам ОГПУ и прокуратуры, подписанная К.М. Карлсоном, заместителем начальника ОГПУ Украины. Эта инструкция,

датированная 22 мая 1933 года, указывает, что поскольку преступление каннибализма не предусмотрено Уголовным кодексом, «все случаи обвинения в людоедстве должны немедленно передаваться для расследования в местные отделы ОГПУ». Инструкция разъясняет, что даже если случаям людоедства предшествовало убийство, предусмотренное статьей 142 Уголовного кодекса, тем не менее эти дела должны изыматься из ведения судов и передаваться тайной полиции (ОГПУ). Не все людоеды расстреливались. 325 людоедов с Украины — 75 мужчин и 250 женщин — еще в конце тридцатых годов находились в лагерях Беломоро-Балтийского канала.

Имеются сотни историй о случаях каннибализма. Некоторые съедали собственные семьи, другие — ловили чужих детей или устраивали засады на дорогах, убивая прохожих. В деревне Кальмазовка Одесской области, при краже колхозной свиньи были обысканы все дома деревни и было обнаружено несколько сваренных детских трупов.

Даже более ужасным и, конечно, более важным было то, что о голоде не было сказано ни слова ни прессой, ни какими-либо официальными лицами: Это главный аспект психопатии сталинизма. Люди, осмеливавшиеся говорить на тему голода, арестовывались за ведение антисоветской пропаганды, получая пять и более лет лагерей.

Одна из преподавательниц сельскохозяйственной школы в Молочанске (вблизи Мелитополя) вспоминает, как ей официально было запрещено использовать слово «голод» в любом контексте, хотя люди голодали и в городе, а все соседние деревни просто вымерли.

В Нижнем Лицее (Черниговской области), где некогда учился Гоголь, голодные студенты на вопрос о голоде отвечали: «Вы распространяете гитлеровскую пропаганду!» Когда же от голода умерли старик-библиотекарь и несколько девушек из обслуживающего персонала и кто-то использовал слово «голод», парторг заорал: «Контрреволюция!»

Красноармеец, служивший в 1933 году в Феодосии, получил письмо от жены, где та описывала смерть соседей и свое голодное существование с маленьким ребенком. Политрук перехватил письмо и на следующий день красноармеец сам объявил его фальшивкой. Его жена и ребенок погибли. Доктор, осмелившийся сказать, что его сестра умерла от голода, получил «десять лет без права переписки» (общеизвестный эфеизм расстрела). Скрыть

правду о царящем в стране ужасе было частью общего стратегического плана Сталина.

КУБАНЬ, ДОН и ВОЛГА

На Кубани и Дону коммунисты чувствовали себя еще более слабыми, чем на Украине. Более того, казаки представляли грозную проблему, поскольку в отличие от украинского крестьянства, их традиции и даже их организация были военными. Некоторые казачьи станицы имели более 40 тысяч человек населения.

Казачьи восстания имели место в 1921-22 годах и в 1928 году. Подавлялись эти восстания с большим трудом в ходе ожесточенных сражений с применением всех видов оружия, включая авиацию. Накануне всеобщей коллективизации правительство приняло необходимые шаги, разместив в дополнение к местным силам на Кубани и нижнем Дону дополнительные воинские контингенты, включая 14-ую московскую стрелковую дивизию особого назначения и две кавалерийских дивизии полного состава. Все части Северо-Кавказского военного округа находились в полной боевой готовности.

Мы не будем касаться истории раскулачивания и коллективизации в этих районах, а только отметим, что нигде не было столь упорного сопротивления, как здесь, и что вплоть до 1933 года в районе еще сохранилось огромное количество индивидуальных хозяйств, несмотря на самые жестокие меры со стороны властей. Многие казачьи семьи были депортированы, многие мобилизованы на так называемые «дорожные работы» и погибли там, но борьба против коллективизации там не прекращалась ни на миг. Для завершения этой борьбы коммунисты обрушили на непокорные станицы террор голодом. Однако сопротивление казаков голоду продолжалось эффективнее и дольше, чем где-либо. Местный первый секретарь крайкома Шеболдаев говорил, что «опять кулаки в 1932 году пытались начать борьбу с нами, используя как оружие хлеб... Мы не поняли их, поскольку они действовали уже внутри колхозов. Тогда ЦК направил к

нам комиссию Центрального комитета во главе с товарищем Кагановичем, чтобы помочь нам выправить положение».

Особая комиссия Центрального Комитета прибыла в Ростов в начале ноября 1932 года. 2 ноября было проведено совместное совещание Комиссии с членами Северо-Кавказского Территориального комитета партии, на котором были назначены в каждый район уполномоченные, наделенные неограниченной властью.

4 ноября Сталин назначил одного из своих наиболее кровавых подручных, Шкирятова, председателем комиссии по чистке партийных кадров Северного Кавказа, чье «население, враждебное коммунизму, проводит кулацкую политику». Через два дня подобную же чистку было приказано провести и в комсомольских организациях, чтобы выявить там «организаторов кулацкого сопротивления».

12 ноября Шеболдаев выступил с речью, где говорил о «кулацких бандах, управляющих колхозами». Он привел пример: председатель крупного колхоза, бывший красный партизан, награжденный орденом Красного Знамени, скрыл от партии половину собранного хлеба. Далее он заявил, что имеются «десятки и сотни колхозов, возглавляемых коммунистами», которые «расхищают» зерно. Шеболдаев добавил, что подобные преступления являются повсеместными, особенно на Кубани, где, по его словам, сохранились «огромные» кадры белогвардейцев. Первый секретарь обрушился на ряд станиц, особенно на знаменитую станицу Полтавскую, где две трети казаков были еще единоличниками, бывшими активными белогвардейцами.

На Дону и Кубани было объявлено военное положение, якобы для предотвращения эпидемии холеры (традиционный метод, примененный также во время восстания в Новочеркасске в 1962 году). В январе 1933 года Комиссия ЦК объявила, что имеет полномочия «прибегнуть к принудительному труду, выселяя, депортируя и наказывая вплоть до расстрела всех сопротивляющихся».

Угрозы Шеболдаева в речи от 12 ноября в адрес станицы Полтавской не были пустыми словами. 17 декабря, указом Президиума Исполнительного Комитета Северо-Кавказского края, было приказано депортировать все двадцатисемитысячное население этой станицы.

Мощное партизанское движение существовало в районе станицы Полтавской вплоть до 1925 года, а разрозненные отряды повстанцев оперировали вплоть до описываемого времени. В 1929-30 годах 5600 дворов были депортированы на Крайний Север. 250 человек были аре-

стованы за «расхищение» зерна, из них 40 были расстреляны. «Бабы бунты» в этом районе возглавлялись, как правило, вдовами красных партизан. В 1930-31 годах многие казаки были арестованы, якобы за принадлежность к «Союзу Освобождения Украины».

Теперь же, в декабре 1932 года, тут снова вспыхнуло настоящее восстание. Сотрудники НКВД и активисты были перебиты, и станица оказалась в руках повстанцев. Повстанцы послали кавалерийские отряды, чтобы поднять соседние станицы. Но соседи колебались, и это позволило властям сконцентрировать мощные силы против Полтавской и захватить станицу после ожесточенного сражения.

Командующий войсками НКВД Кубаев издал перед боем приказ, где говорилось, что станица Полтавская попала в руки кулаков и что все ее население будет выслаано, исключая нескольких лояльных граждан. После захвата станицы было объявлено «военное положение». Все жители предупреждались, что любое нарушение военного положения будет караться «высшей мерой социальной защиты — РАССТРЕЛОМ». Об этом предупреждали развешанные на всех углах плакаты. Расстрел был обещан каждому, кто «ведет агитацию, распространяет провокационные слухи, сеет панику или расхищает государственную собственность» После депортации всех казаков, станица была заселена русскими и переименована в Красноармейскую.

Восстания вспыхнули не только в Полтавской, но и во многих других крупных станицах. В результате было полностью депортировано население станиц Уманской (30 тысяч человек), Урюпской, Медведицкой, Мишативской и многих других. Повстанцев крупной станицы Лабинская судили в Армавире и приговорили к расстрелу, но население станицы не тронули. Рой Медведев считает, что в это время было депортировано на Север и Дальний Восток население 16 станиц, примерно около 200 тысяч человек. Но многие станицы, например, Иваницкая, были опустошены только наполовину и неизвестно, входят ли они в общий счет

Один из солдат НКВД рассказывает о прибытии их части в казачью станицу Брюховецкую, в районе Армавира, где некогда жило 20 тысяч человек. Как и во многих других станицах, здесь несколько месяцев назад произошло восстание, беспощадно подавленное. Все уцелевшие жители, включая женщин, детей, инвалидов и стариков,

были депортированы. Разрешили остаться только одной престарелой паре. Вдоль улиц стояли пустые, разрушенные в уличных боях дома, едва видимые от разросшихся до самых крыш сорняков. Солдат вошел в один из домов:

«В те полминуты, которые я там провел, я увидел два человеческих трупа. Старуха сидела на полу, прислонившись к кровати. Ее седые, нечесанные волосы свисали со склоненной на грудь головы. Руки ее были сложены на груди. Видимо, в этой позе она и отдала душу Богу. Старая, желтая рука, протянутая с кровати, лежала на седой голове старушки. На кровати я увидел лежащего старика в домотканой рубахе и подштанниках. Его босые ступни свисали с конца кровати, и я видел, что эти старые ноги хорошо походили по земле. Я не мог видеть его лица, повернутого к стене. К своему стыду я должен признаться, что испугался. Меня особенно напугала эта рука, как бы ласкающая мертвую голову старухи. Видимо, последним усилием старик положил свою руку на голову мертвой жены, чтобы умереть вместе. Когда они умерли? Неделю назад или две?»

Но в станице был обнаружен и один живой обитатель Голый мужчина, заросший длинными волосами и бородой, дрался под акациями с кошками из-за убитого голубя. Человек сошел с ума, но красноармейцам удалось по кусочкам восстановить его историю. Он был коммунистом и занимал пост председателя местного совета. В разгар коллективизации он разорвал свой партбилет и присоединился к повстанцам. Большая часть его товарищей погибла, но ему удалось спрятаться в малярийном болоте, где тучами летают страшные кубанские комары. Жена и дети этого человека оказались среди депортированных, а он как-то пережил зиму, а затем вернулся в свой старый дом, став последним жителем некогда большой и процветающей станицы.

Кому удалось избежать гибели и депортации, того ждал голод. Один из очевидцев писал: «Здесь, на Кубани, такой голод, что мертвых уже некому хоронить». Мертвых телегами свозили в карьеры и хоронили в братских могилах. Однажды привезли две телеги еще живых детей и побросали в братскую могилу. Правда, врач, виновный в этом, был позднее расстрелян.

Один инженер, работавший на северо-кавказской железной дороге, вспоминает: «В начале 1933 года со станции Кавказ каждое утро в одно и то же время перед рассветом отходили два таинственных эшелона в направ-

лении на Минеральные Воды и Ростов. Эшелоны, состоявшие примерно из десяти товарных вагонов каждый, уходили порожняком. Примерно часа через четыре эшелоны возвращались, стояли какое-то время на запасном пути станции, а затем уходили по тупиковой ветке в направлении бывшей каменоломни. Пока эшелоны стояли на станции, все вагоны были закрыты, выглядели нагруженными и тщательно охранялись солдатами НКВД. В начале никто не обращал внимания на эти эшелоны. Я тоже не обращал на них внимания. Я тогда был еще студентом Московского транспортного института и работал на станции временно.

Но однажды кондуктор К., который был коммунистом, подошел ко мне и шепнул: «Хочешь посмотреть, что в вагонах? Идем, покажу». От приоткрыл дверь одного из вагонов, я взглянул и чуть не умер от ужаса. Вагон был полон трупов, набросанных как попало. Позднее кондуктор рассказал мне, что начальник станции получил секретный приказ от своего начальства «в соответствии с требованием местного железнодорожного НКВД каждое утро отдавать в их распоряжение два товарных состава. Поездная бригада переходила полностью в подчинение НКВД. Поезда направлялись собирать трупы крестьян, умерших от голода, которых затем хоронили в заброшенной каменоломне. Все подходы к каменоломне охранялись солдатами НКВД, и никому не разрешалось даже приближаться к этому месту».

В крупных станицах, чье население было не полностью депортировано, жертвы от голода были огромными. В станице Лабинской, например, из оставшихся 24 тысяч населения умерло от голода 14 тысяч. Некоторые станицы вообще оказывались пустыми, если не считать нескольких престарелых, непонятно как выживших, обитателей. Около станицы Старокорсунской постоянно в боевой готовности находился кавалерийский отряд ГПУ, время от времени совершавший налеты на станицу и производя массовые аресты по 50-100 человек, которых, как правило, расстреливали в ближайших оврагах. Так что после голода в этой станице осталось не более 1 тысячи человек. То же самое происходило в соседних станицах Воронежская и Динская.

В 1933 году английское посольство, основываясь на своих собственных источниках, сообщало в Лондон: «Казачьи элементы юга России можно считать фактически

полностью уничтоженными посредством расстрелов, депортаций и голода».

Не менее сильно пострадали и казацкие поселения края. Например, украинская деревня Пашковское Краснодарского края потеряла от голода 3 тысячи 500 человек из 7 тысяч.

В отличие от Украины, на Кубани голод ударил и по городам с неменьшей яростью, чем по селам. 50 тысяч человек погибло от голода в Ставрополе (население 140 тысяч), 40 тысяч — в Краснодаре (население 140 тысяч).

Американский корреспондент Чемберлен, посетивший этот район, вспоминает в своей книге «Россия железного века»:

«Я был ошеломлен видом казачьих хуторов и станиц вблизи города Кропоткина. Некогда процветающий район был совершенно погублен. Разруха, опустошение и запущенность царили повсюду. Огромные сорняки, чей размер даже трудно себе представить, поднимались выше крыш полуразрушенных домов. Сорняками заросли и поля, на которых не было ни души. Никто уже не предлагал огромных караваев чудесного белого хлеба и сочные куски молодых барашков, которые продавались буквально на каждом шагу, когда я приезжал на Кубань в 1924 году».

Партийный работник, который не был на своей родине, Кубани, со времен революции, приехав туда в 1934 году, вспоминает:

«Я оставил эти места, когда они были цветущими и богатыми... Теперь здесь царили полная разруха и опустошение. Улицы заросли сорняками и папоротниками, дома разваливались прямо на глазах... Даже некогда пышущие энтузиазмом партийные активисты не верили ни во что...»

Английское посольство в донесении от 27 октября 1934 года цитирует слова своего сотрудника, посетившего этот район, напоминающий, по его словам, «армейский лагерь в пустыне — никто не сеет и не жнет, нет ни скота, ни лошадей. Одни солдаты, да несколько престарелых, больных крестьян... Район опустошен до такой степени, что трудно себе представить возрождение здесь какой-либо жизни».

Севернее голод ударил по Поволжью и создается впечатление, что главной целью удара были немецкие колонии, основанные еще в XVIII веке. К 1934 году от голода погибло 140 тысяч немцев-колонистов. К этому времени 60 тысяч находились в лагерях и в тюрьмах. Оставшиеся в живых и

на свободе были в 1941 году депортированы в Сибирь и Среднюю Азию, где и находятся до сих пор.

ДЕТИ

Целое поколение советских детей, в первую очередь сельских детей, особенно на Украине, было уничтожено или искалечено. Значение этого события и его влияние на будущее СССР огромно. Без преувеличения можно сказать, что судьба детей в столь страшной катастрофе, поразившей страну, оказала свое влияние на весь образ мыслей советского общества, которое чувствуется и до сих пор. Дети всегда, в отличие от взрослых, воспринимают ужас окружающей их жизни, как нечто само собой разумеющееся. Несчастные советские дети видели столько смертей и столько страдали, что восприняли все это как часть жизни, считая, что по-другому и не может быть.

Война против детей была оправдана исторической необходимостью и отсутствием «буржуазного» сентиментализма в проведении в жизнь решений партии. Именно на детях испытывалась решимость «настоящего» коммуниста.

Еще в 1929 году газета «Просвещение Сибири» отмечала как «некоторые товарищи, занимающиеся сбором зерна, рекомендуют для убыстрения работы натравливать в школах коллектив класса на детей кулаков, используя это как средство давления на кулаков-родителей, умышленно скрывающих зерно. Один из товарищей, последовавших этому совету, имел возможность наблюдать быстрое обострение классовой борьбы в школе среди малышей, которые начали сперва дразнить кулацких детей, а затем начали их избивать».

Когда секретарь райкома заметил, что кулакам следует оставить некоторое количество зерна, чтобы их дети не голодали, приехавшие активисты набросились на него: «Вы еще будете думать о голодных кулацких детях! В классовой борьбе филантропия — величайшее зло!»

Солженицын пишет, что в Архангельской области в 1932 году нищие дети депортированных кулаков не получали бесплатных обедов и одежды, положенных всем другим ученикам.

В подобной политике была своя логика. Экономический класс, каковым объявили «кулаков» и который режим имел намерение уничтожить, состоял в равной степени, как из взрослых, так и из детей. Более того, идея Маркса о том, что экономика определяет сознание, была проведена в жизнь самым непосредственным образом — уцелевшие дети кулаков, даже если они и были разлучены со своими семьями, пожизненно в своих документах имели отметку о своем социальном происхождении, что не давало им возможности получить образование и работу, а также делало их первыми кандидатами на арест в случае необходимости.

Коммунисты уже сделали традицией полную ответственность детей за дела их родителей, из чего уже само по себе вытекало, что дети обязаны разделить судьбу взрослых. Простая логика и последовательность наблюдаются от расстрела четырнадцатилетнего царевича в 1918 году до расстрела четырнадцатилетнего сына старого большевика Лакобы в 1937 году. В тридцатых годах дети, равно как и их матери, бросались в лагерь с ярлыком ЧСИР (Члены Семьи Изменника Родины).

Как мы уже отмечали, именно дети дали столь высокий процент смертности (15-20%) при депортации 1930-32 годов. Еще больше детей погибло в ссылке. В марте, апреле и мае 1930 года почти 25 тысяч детей умерло в различных пересылках Вологды.

Те дети, которых просто выгоняли из дома после ареста родителей или которым удавалось бежать из ссылки, вели нищенское, голодное и бездомное существование, как правило, быстро кончавшееся гибелью.

Когда в 1932 году режим использовал голод для удара по крестьянам, конечно, больше и страшнее всего пострадали дети. Дети не только увеличивали голод в семьях, но и становились причиной диких ссор, которых никогда ранее в их семьях не было. Родители начинали ненавидеть своих детей, били их, отказывались делиться с ними пищей, выгоняли их из дома, иногда даже убивали. В некоторых случаях, а рапорты ОГПУ говорят, что подобных случаев было очень много, безумие голода приводило к тому, что дети убивались и съедались собственными родителями.

Голод часто ставил людей перед страшным выбором. Одна женщина весной 1934 года призналась своим троим детям, что она имела шесть детей, но решила спасти «трех, самых сильных и умных», а троим позволила умереть, похоронив их за домом.

Агроном Воропай вспоминает, как он и несколько других представителей сельской администрации шли из одной деревни в другую и обнаружили на обочине труп женщины с живым ребенком на груди. Из найденных на трупе документов явствовало, что женщине 22 года и она шла из деревни, находящейся примерно в 20 километрах от этого места. Они передали ребенка — девочку — в приют, отлично понимая, что если даже ребенок выживет, он уже никогда ничего не узнает о своей матери.

Артур Костлер видел из окна своего поезда голодных детей, которые «выглядели как заспиртованные эмбрионы». «На всех станциях,— пишет он,— я видел толпы просящих милостыню крестьян с распухшими руками и ногами. Женщины поднимали к окнам вагонов ужасного вида младенцев с огромными, дрожащими головами, с невысказанно тоненькими конечностями и вздутыми животами...» А ведь это были люди, у которых еще хватило сил добраться до станции.

Имеется много описаний, до какого физического состояния голод довел детей.

Гроссман пишет:

«Крестьянские дети! Приходилось ли вам видеть в газетах фотографии детей в немецких концлагерях смерти? Так дети наших крестьян выглядели также, если не хуже: их головы подобно огромным, тяжелым шарам уже не держались на маленьких, тонких шейках. Можно было видеть каждую косточку на их ручках и ножках, каждый суставчик, весь скелетик, выпирающий из-под тонкой кожи, похожей на желтую марлю. Лица этих детей были настолько измучены, с такими глазами, как будто им было лет по семьдесят. А к весне у них уже вообще не стало лиц. Головки их стали птичьими, будто с клювиками, или лягушачьими с широко расплывшимися губами, некоторые из них напоминали рыб с открытыми ртами. Это уже были нечеловеческие лица».

Гроссман сравнивает этих детей с еврейскими детьми в газовых камерах гитлеровских лагерей уничтожения, но отмечает, что «это были советские дети, и те, кто довел их до подобного состояния, также были советскими людьми».

Чаще всего дети просто умирали дома вместе со всей семьей. Дети могли пережить родителей, но что делать дальше они, разумеется, не имели никакого понятия. Корреспондент «Лос-Анджелес Таймс» описывает посещение деревушки вблизи Харькова, где в одной из изб обнаружили живыми только 14-летнюю девочку и ее двухлетнего брата. «Маленький ребенок передвигался по полу как лягушонок, его крошечное тельце было настолько деформировано, что уже не напоминало человеческое... Он не знал вообще вкуса молока или масла и только однажды в жизни пробовал мясо. Черный хлеб и картошка в очень малых количествах были единственной пищей, позволившей ему избежать смерти в течение зимы». Но многие не имели и этого. «По дороге на Круживку,— пишет Воропай,— в роще около пруда, в конце июня были обнаружены тела двух детей: одного — лет семи, второго — лет десяти. Кто были эти дети? Откуда они взялись? Никто не спрашивал о них, никто не искал их, они погибли как котят...»

В столь отчаянной обстановке родители иногда пытались отправить куда-нибудь детей, чтобы те могли выжить, прося где-нибудь милостыню или воруя. Выбора, перед лицом неизбежной смерти дома, не было.

В деревне Чорунка Полтавской области бывший красный партизан и активист добровольно в 1930 году вступил в колхоз вместе с женой и пятью детьми. Он был очень добросовестным колхозником. Когда смерть от голода стала неминуемой, он собрал оставшихся четырех детей (один из его сыновей был забит до смерти при попытке украсть какие-то овощи на колхозном поле) и пошел к секретарю райкома, которого знал по Гражданской войне. Он просил помочь своим детям, но секретарь райкома отказался ему помочь. Тогда крестьянин просто оставил детей в райкоме и ушел. Из райкома детей отправили в детский дом, где двое из них вскоре умерли. Через несколько дней их отца обнаружили повесившимся на дереве напротив райкома.

Предоставленные сами себе, дети гибли как мухи. Имеется много сообщений, как матери вместе с детьми лежали мертвыми на городских улицах, как за матерей цеплялись еще живые дети. Оставшимся дома было не лучше. Одному семилетнему мальчику, после смерти отца, распухшая от голода, умирающая мать сказала: «Иди и сам ищи себе еду». Другой мальчик, восьми лет, пошел скитаться, когда умерли и отец, и мать. Таких историй с незначительными вариациями тысячи и тысячи.

Иногда матери отчаянно боролись за жизнь своего последнего ребенка. Некоторые женщины, понимая, что ничем уже сами помочь не в силах, оставляли своих детей у чьих-нибудь дверей или просто на улице в надежде, что кто-нибудь, может быть, им поможет.

Один из американских корреспондентов пишет: «Крестьянка, одетая в какую-то грязную рвань, появилась перед нами, таща за собой, как мешок, ребенка лет трех-четыре за воротник рваной рубахи. Она дотащила ребенка до центральной улицы города и бросила его в грязь... Маленькое личико ребенка было распухшим и синим. Вокруг его губок пузырилась пена. Ручки и крошечное тельце было раздутым. Это была просто груда деформированных человеческих членов, непонятно как еще соединенных вместе дыханием жизни. Мать оставила ребенка на дороге в надежде, что кто-нибудь спасет его. Мой сопровождающий попытался успокоить меня. Тысячи и тысячи таких детей, сказал он, можно встретить на Украине в этом году».

Эвальд Амменде в своей книге «Человеческая жизнь в России» описывает похожий эпизод: «В Харькове я увидел мальчика, истощенного как скелет, лежащего посреди улицы. Второй мальчик сидел неподалеку у кучи отбросов, вытаскивая оттуда яичную скорлупу... Когда голод ударил по селу, родители стали приводить детей в города и оставлять их там в надежде, что их вид вызовет у кого-нибудь жалость и их спасут. Однако дети уже были в таком состоянии, что, как правило, умирали в тот же день или на завтра прямо на улицах города...»

Для брошенных в городах детей существовали и другие опасности. В Полтаве преступники уводили детей в заброшенный дом и убивали их там. Это была настоящая бойня, в итоге раскрытая органами ГПУ. (Это был не уникальный случай. По меньшей мере еще о двух подобных случаях сохранились сообщения в рапортах ГПУ).

Инстинкт выживания заставлял детей объединяться в группы. В районе Харьковского Тракторного завода все пустующие и строящиеся здания были забиты бездомными детьми. Они ловили птиц, копались в отбросах в поисках выброшенных рыбьих голов и картофельной шелухи, ловили и жарили на кострах оставшихся в живых кошек, попрошайничали.

Дети объединялись и в преступные шайки. Охрана железнодорожных станций обычно отмечала, что основу этих шайек составляют дети 12-14 лет, а иногда даже 5-6

лет. Главным образом эти шайки занимались мелким воровством. В спецприемнике для хулиганов в Ленинграде зарегистрированы типичные ответы 75 задержанных мальчишек в возрасте от 12 до 15 лет:

«Хулиган — это бездомный мальчик, которого голод сделал хулиганом.

Хулиган — это вор, который сбежал из приюта.

Была семья, имевшая сына. Когда мать и отец умерли, мальчик стал бездомным и превратился в хулигана.

Хулиганом становятся, когда умирают родители и дети остаются одни.

Мать и отец умирают, сын остается. Его направляют в детский дом, он бежит оттуда и становится хулиганом»

Для многих объединение в банду было единственным способом выжить. Были и другие судьбы: некоторым детям удавалось обнаружить дальних родственников, более взрослые дети находили какую-нибудь работу

Но подавляющая часть детей растворилась в старом преступном мире, существующем с начала XVII столетия, цветущем в рамках собственной культуры, со своими законами и даже диалектом. Эти люди называют сами себя «урками». «Дети голода» стали мощным подкреплением армии «урок», которых к 1940 году, по самым скромным оценкам, насчитывалось около миллиона. Пройдет всего несколько лет и из «беспризорников», как официально называли бездомных детей в СССР, вырастут самые страшные преступники, без колебаний и зазрения совести идущие на убийство по самому ничтожному поводу. В формулярах бесчисленных тюрем и лагерей появится специальная отметка «из беспризорников», характеризующая самых отпетых негодяев уголовного мира.

Но пока еще, в описываемое время, большинство детей держится своими собственными группами, хотя и эти группы уже представляют большую проблему для властей.

Огромный поток беспризорников уже однажды затопил страну после окончания Гражданской войны и голода 1920-21 годов. Тогдашние организации по оказанию помощи беспризорникам сообщали о «бандах беспризорников, численностью обычно десятка полтора человек, возглавляемых, как правило, каким-нибудь парнем 10-12 лет, включающих в себя иногда почти грудных детей» Тогда проблема была открыто признана властями. Даже советские писатели брали эту проблему, как тему для своих произведений. Например, Шишков в своем романе «Дети тьмы», описал колонию детей, живущую на берегу реки

в большой брошенной барке. В колонии процветали воровство, секс, наркотики и даже убийства.

«Большая Советская Энциклопедия» последнего, 3-го, издания говорит, что в 1921 году количество детей, нуждающихся в непосредственной помощи со стороны государства, составляло от 4 до 6 миллионов человек, а в 1923 году — от 2,5 до 4 миллионов человек. В 1921-22 годах только в Поволжье эта помощь была оказана 5 миллионам детей, а в 1923 году — еще более чем миллиону детей. В 1921 году 940 тысяч детей находилось в детских домах, в 1924 году — 280 тысяч, в 1926 — 250 тысяч, в 1927-28 годах — 159 тысяч. Далее не дается никаких цифр или информации, исключая короткого заявления, что к середине 30-х годов проблема была полностью решена.

Несмотря на то, что «энциклопедия» объявляет беспризорников феноменом 20-х годов, ничего не говоря о 30-х годах, имеется масса других официальных источников, приоткрывающих тайну этой трагедии.

Как не цинично, но и судьба миллионов гибнущих детей была использована пропагандой для новой волны обвинений в адрес «кулаков».

«Некоторые трудности со снабжением продовольствием отдельных районов страны,— пишет журнал «Коммунистическое просвещение» в № 1 за 1934 год,— были использованы для поднятия уровня беспризорных детей в городах. «Отправляйте детей в города. Пусть о них заботится государство!» Местные руководители не всегда могли своевременно распознать и понять, что это очередной кулацкий трюк. И вместо того, чтобы бороться с ним, пошли у него на поводу. Им было легче решить свои проблемы, отправляя детей из своей местности в города. И кулаки воспользовались этим. Районные исполкомы и особенно сельские советы часто сами выдавали детям необходимые документы и направляли их в городские учреждения, ответственные за воспитание детей. И городу приходилось принимать этих детей. В результате, существующие ныне детские учреждения переполнены, что вынуждает создавать новые. Однако, уличные беспризорники не только не исчезли, но их число постоянно продолжает расти, особенно на Северном Кавказе».

В 1935 году было объявлено о «возложении прямой и непосредственной ответственности за заботу о детях на сельсоветы и колхозы... по созданию условий окончательного прекращения появления бездомных и беспризорных детей из сельской местности в городах». В этом же году

было официально объявлено, что 75% бездомных детей составляют дети из сельской местности.

Советская пропаганда без зазрения совести объявляет, что проблема беспризорников была полностью решена благодаря успеху индустриализации и коллективизации. Журнал «Вопросы истории КПСС» № 8 за 1966 год, в частности, пишет: «Одним из наиболее замечательных свидетельств является тот факт, что только социалистический режим был способен спасти подрастающее поколение от голода, нищеты и бездомности — неизбежных спутников детства в буржуазном обществе».

Это сказано через 30 лет после событий, но и в 30-х годах заявления официальных деятелей были потрясающими по своей лживости и цинизму.

Журнал «Коммунистическое просвещение» № 4 за 1935 год приводит слова заместителя наркома просвещения М.С.Эпштейна, сказанные им на пленуме ЦК, когда он «сравнил заботу нашей партии и ее вождей о детях с ужасающим положением детей в капиталистических странах. Стремительное сокращение числа школ и столь же стремительный рост детской бездомности — вот основная характеристика всех, без исключения, капиталистических стран. В настоящее время только в США насчитывается более 200 тысяч бездомных детей и подростков. Имеющиеся в мире капитализма детские исправительные учреждения и приюты калечат и губят детей. Вся система мероприятий в буржуазных государствах направлена на сокрытие наличия бездомных детей путем их физического уничтожения».

Профессор Роберт Такер создал целую теорию, безошибочно показывающую, что если советская пресса вдруг начинает в чем-то яростно обвинять «мир капитализма», значит именно то, в чем обвиняют «буржуазию», происходит в тот момент в самом Советском Союзе. Так что слова Эпштейна, приведенные советским журналом, невольно показывают, какими именно методами в течение всего двух месяцев была «ликвидирована» проблема бездомных детей, столь остро стоявшая на Кубани и Северном Кавказе.

Существовали специальные детские лагеря, куда дети направлялись по приговорам судов, троек и различных комиссий.

После ареста и депортации одного «кулака», бригада активистов явилась к нему в дом, чтобы проверить не ос-

талось ли где-нибудь припрятанного зерна. При этом они пригрозили жене «кулака» арестом. Ее юный сын пытался вступить за мать. Рука мальчика нарывала и была перевязана. Один из пришедших ударил мальчика по большой руке и тот потерял сознание от боли. Мать, воспользовавшись возникшей суматохой, убежала и скрылась в лесу. Тогда вместо нее была арестован ее сын, который через две недели предстал перед судом по обвинению в нападении с ножом в руке на начальника вломившейся в их дом бригады. Хотя один из бригадников, к большому неудовольствию суда, рассказал правду, как было дело, мальчик тем не менее был приговорен к пяти годам «детской трудовой колонии».

Но и в колониях детей было нелегко примирить с тем положением, в которое они попали. Один из бывших начальников такой колонии НКВД в недавно вышедших воспоминаниях описывает, как во время одного из бунтов, дети забаррикадировались в административном корпусе колонии, крича, что они сожгут эту «тюрьму народов», пародируя слова Ленина, сказанные им о царской России. Здание они не сожгли, но уничтожили все формуляры и личные дела.

Гораздо больше детей, однако, попадало не в детские колонии, а в обычные тюрьмы и лагеря для взрослых. Вайсберг, сидя в Харьковской тюрьме, отметил среди сокамерников девятилетнего мальчика.

Охота на бездомных детей постепенно принимала стратегические масштабы.

В марте 1933 года на железнодорожную станцию в Полтаве был подан специальный вагон, куда погрузили бездомных детей, шныряющих вокруг станции в поисках пищи, и куда-то отправили под охраной, как выяснилось позднее — в ближайший тупик. Детей было около 75 человек. Им дали поесть немного хлеба и жареных зерен какого-то кофезаменителя, после чего все дети быстро умерли и были зарыты в ближайшей яме. Один из станционных рабочих, присутствовавший при захоронении, заметил, что «это была настолько обычная картина, что никто из нас не обратил на нее особого внимания».

На правом берегу Днепра, в окрестностях города Верхнеднепровска, существовал лагерь, где содержалось около 3 тысяч сирот в возрасте от семи до двенадцати лет. Все они были детьми расстрелянных или депортированных «кулаков». В течение весны и лета 1933 года весь лагерь вымер от голода и был расформирован.

Доктор Чинченко был свидетелем гибели большого количества детей в Кировограде. В городе был базар, ликвидированный вместе со всей частной торговлей. Некоторые постройки бывшего базара оказались пустующими и их превратили в сиротские приюты. Крестьяне приводили своих детей в город и оставляли их на бывшей базарной площади, и те почти автоматически попадали в приюты.

Когда ударил голод, приюты оказались настолько переполненными, что уже не только не могли принимать новых детей, но и содержать тех, что были. Тогда было объявлено, что детей переведут в «детский городок», чтобы они жили на «свежем воздухе». Детей согнали в лагерь за городом, подальше от лишних глаз, и оставили умирать от голода за глухим забором. Проходящие мимо этого забора люди не видели ничего, но временами слышали доносящиеся оттуда «страшные, нечеловеческие крики». Крестьясь, прохожие спешили прочь от этого места. По ночам, для сохранения тайны, грузовики вывозили трупы детей. Но грузовики набивались трупами настолько, что несколько из них обязательно выпадали из кузова по пути к месту захоронения, так что каждое утро по дороге можно было обнаружить несколько посиневших маленьких трупов. Кроме того, могилы набивались настолько тесно и так плохо засыпались, что по тайному пустырю, выдавая все секреты, бродили целые стаи голодных собак и волков, которые разрывали могилы и пожирали трупы детей.

Даже менее импровизированные приюты становились не менее зловещими. Один из работников наркомпроса вспоминал, как его принимали в привилегированном летнем лагере для детей в Ульяновске. После прекрасного обеда, один из работников лагеря подошел к наркомпросовцу и сказал, что может показать ему еще один «детский приют» в полукилометре отсюда. Там стоял каменный амбар, в полумраке которого находилось около 200 детей в возрасте от двух до двенадцати лет. Это были живые скелеты, одетые в грязное тряпье. Все они кричали, прося хлеба. Когда же наркомпросовец спросил, кто заботится об этих детях, то получил циничный ответ: «Партия и правительство». Забота заключается в том, что каждое утро отсюда вывозят трупы.

Одна девочка, находившаяся в состоянии дистрофии в детском доме в Чернухе, была погружена на грузовик вместе с трупами и отправлена на кладбище. К ее

счастью братская могила еще не была вырыта и трупы сгрузили на землю. Девочке удалось уползти. В итоге ее подобрала и спасла жена местного доктора-еврея. Этот доктор, Моисей Фельдман, спас много голодающий людей, помещая их в больницу с ложными диагнозами и подкармливая их там, имея из-за этого большое количество неприятностей.

Десятилетний мальчик со своей шестилетней сестрой, после смерти родителей, был направлен в местный детдом, где есть практически было нечего. Каждое утро заведующая детдомом с группой более старших ребят шла на кладбище, где те копали могилы для своих товарищей. Очень скоро нашему мальчику пришлось выкопать могилу и для своей сестры.

(В 1941 году, когда, после нападения Гитлера на СССР, начался массовый переход на сторону немцев советских солдат, большую часть из них составляли бывшие мальчишки из детских домов «тридцатых годов».)

После указа от 31 мая 1935 года о ликвидации беспризорников, начала расширяться сеть детских колоний в системе НКВД. В большинстве случаев это были фактически детские тюрьмы. Имеются сведения о поголовных расстрелах в некоторых колониях, о кровавых бунтах и дерзких побегах. Большая часть детей, прошедших через управляемые тайной полицией «приюты», превратилась в злобных и беспощадных уголовников. Но некоторые, напротив, стали вполне уважаемыми людьми.

Однако, как это не смешно, хотя скорее, как это не ужасно, многие колонисты сами стали сотрудниками НКВД. С точки зрения руководства тайной полиции, они имели в колониях прекрасный материал для пополнения своих рядов в будущем.

Идея была не новой. Еще детские дома ВЧК в первые послереволюционные годы всю готовили из своих питомцев будущую агентуру. В детской колонии на Северном Кавказе (в Благовещенске, недалеко от Майкопа) половину мальчишек, по достижению ими 16 лет, направили в спецшколы НКВД, которые готовили кадры будущих «чекистов». Причем отбор велся, как правило, из наиболее антисоциальных и преступных элементов. Один такой парень, который дважды бежал из колонии со своими друзьями, убил крестьянина и поджег церковь, был опознан через несколько лет в Баку в качестве следователя НКВД, когда к нему на допрос привели одного из его бывших при-

ятелей. Не этим ли объясняется тот кровавый и беспощадный террор, который захлестнул СССР во второй половине 30-х годов?!

Действительно, это невероятно и чудовищно, что дети, чьи родители были убиты режимом, пройдя через жернова специального воспитания, превратились в наиболее страшных агентов этого режима.

Наряду с физическим уничтожением детей велась не менее, а, возможно, даже более страшная кампания их духовного разложения.

Вспомним бесчисленные советские фильмы о героях-комсомольцах, которые, указав властям, где кулаки прячут хлеб, затем зверски убиваются кулаками. Юные пионеры, марширующие по экрану, с поднятыми вверх руками, заученно скандирующие слова ненависти. А вот уже «пионерская бригада» ловит двух женщин (у одной, по сценарию фильма, муж расстрелян, у другой — сослан) за кражу нескольких колосков пшеницы. (В фильме, в качестве счастливого конца, диктор объявляет, что обе женщины были посланы в концлагерь на Крайнем Севере).

В те годы пионеры действительно одержали много подобных триумфальных побед. В одном колхозе четверо пионеров сбили с ног «кулачку» и держали ее до прихода милиции, которая арестовала женщину по указу от 7 августа 1932 года. «Это была первая победа колхозных пионеров», — с гордостью отмечала центральная печать.

В своей книге «Начальник политотдела Усть-Лабинской МТС» (Москва, 1934 год) М. Каравай с гордостью пишет о том, как «Пионерский отряд представил Политотделу полный список людей, которых они, основываясь на классовом принципе, подозревали в воровстве зерна: «Мы, дети «Пионерлагеря» колхоза «Путь Хлебороба», заявляем Политотделу, что такой-то и такой-то ворует хлеб, поскольку является кулаком, так как его теща на хуторе Раздомном была раскулачена». В своем отряде дети учились говорить на «классовом» языке.

Переходя из пионеров в комсомольцы, юноши должны были «еще более активно включаться в политико-экономическую кампанию и безжалостно бороться с кулаками». С точки зрения Сталина, основной задачей комсомольского воспитания является «поиск и распознавание врага с тем, чтобы его ликвидировать либо методом эко-

номического давления, либо методом политической изоляции, либо методом физического уничтожения».

Поголовное втягивание подрастающего поколения в небывалую жестокость и истерическую ложь классовой борьбы, неизбежно должно было искалечить и искалечило все будущие поколения советских людей.

Уже во время Шахтинского дела публично цитировался мальчик, требовавший смертной казни для своего отца. А на селе дети, прошедшие пионерское воспитание, легко использовались властями против собственных семей.

Среди этих пионеров наиболее знаменитым является Павлик Морозов, именем которого назван Дворец пионеров в Москве. В четырнадцать лет Павлик «разоблачил» своего отца, который возглавлял сельсовет в деревне Герасимовка. После суда и приговора его отцу, Морозов был убит группой крестьян, включавших его дядю, и после этого стал почитаться как мученик. В этой деревне ныне имеется музей Павлика Морозова, о котором «Комсомольская правда» от 2 сентября 1962 года (то есть в разгар хрущевской оттепели) писала следующее: «В этом бревенчатом доме состоялся суд, на котором Павлик разоблачил своего отца, укрывавшего кулаков. Здесь хранятся реликвии, дорогие сердцу каждого жителя Герасимовки». В 1965 году деревня была украшена статуей Павлика, а последнее издание «БСЭ» говорит нам, что Морозов вместе с другими, совершившими тот же «подвиг» (Коля Мяготин, Коля Яковлев, Хичан Джакилов) занесены в пионерскую «Книгу Почета».

О Морозове написано большое количество книг и статей, включая несколько наставительно поучающих романов, один из которых, написанный В.Губаревым, весьма цинично назван «Сын».

В мае 1934 года другая «юная героиня» — тринадцатилетняя Проня Колибина донесла на свою мать, обвинив ее в воровстве зерна, и была вознесена до небес на митингах и в печати. Еще один пионер — Саша Сорокин — на Северном Кавказе, по сообщению газеты «Молот» от 20 августа 1934 года, поймал своего отца, набивающего карманы зерном, и сам его арестовал.

В большой речи в декабре 1937 года в честь двадцатилетия существования тайной полиции, Микоян поздравил большое количество названных поименно людей, которые донесли на своих друзей, но с особен-

ной гордостью Микоян говорил о четырнадцатилетнем пионере Коле Щеглове из деревни Порябушки Пугачевского района, который выдал НКВД собственного отца И.И.Щеглова: «Пионер Коля Щеглов знает, что Советская власть существует для него и для всего народа. Поэтому, когда он увидел, что его собственный отец крадет социалистическую собственность, он сообщил об этом в НКВД».

Эти дети, безусловно, заслуживают осуждения, но не в большей степени, чем те, кто создал для них такую реальность, в которой оказались возможными подобные «подвиги». Одна женщина, чей сын пропал во время голода, сказала мне, что, ничего не зная о судьбе своего ребенка, она все-таки предпочитала и предпочитает до сих пор, чтобы он погиб физически, нежели был уничтожен духовно и превратился, как она выразилась, в нечто гораздо более ничтожное, чем человеческое существо.

Как мы уже отмечали, власти не останавливались и перед физическим уничтожением беспризорников. Когда проблема становилась слишком большой и практически неразрешимой, беспризорников поголовно расстреливали, о чем имеется большое количество документов.

Чтобы создать, хотя бы задним числом, видимость законности, 7 апреля 1935 года вышел указ, разрешающий расстрел любого, достигшего двенадцатилетнего возраста. Применение смертной казни к двенадцатилетним детям прямо вытекало из большевистской интерпретации марксизма. Если экономика (бытие) определяет сознание, то с полным основанием можно предположить, что к двенадцати годам человек достигает полного классового сознания и, если «класс», к которому он принадлежит, подлежит уничтожению, то он, естественно, уничтожается вместе с «классом». Хотя при депортациях конца 20-х годов и голоде 1930-34 годов погибло огромное количество детей гораздо младше двенадцати лет, но, как говорится, чего не бывает при обострении «классовой борьбы». Поэтому, устанавливая границу применения смертной казни с двенадцатилетнего возраста, большевики, в некотором роде, укрепляли законность, спасая от произвола исполнителей детей более младшего возраста.

Однако НКВД чувствовал себя неуютно и стесненно даже в этих границах. Петр Якир в своей книге «Детство в тюрьме» (Лондон, 1972 год) пишет, как посылали на медицинскую экспертизу детей, которых НКВД считал нужным

ликвидировать, чтобы доказать, что они старше указанного в метриках возраста, а метрики — поддельны.

В 1932 году ОГПУ отдало секретный приказ расстреливать на месте детей, пойманных при воровстве чего бы то ни было из железнодорожных вагонов. Такие же меры применялись и к больным детям. В детском центре в Лебедине было расстреляно 76 детей, заболевших сапом от зараженного конского мяса.

Не вызывает сомнений, что в различных «детских» центрах от «нежелательных» детей избавлялись самыми бесчеловечными методами, однако основным методом был голод. Детей загружали в баржи и топили их в Днепре — метод, часто применяемый и для взрослых. Однако, повторяю, главным методом был голод.

Не так уж трудно подсчитать и общее количество жертв среди детей. На этот счет имеются вполне определенные данные.

Советский диссидент-демограф М.Максудов считает, что «от голода погибло не менее 3 миллионов детей, родившихся между 1932 и 1934 годами».

Чаще всего, конечно, гибли новорожденные. Советский исследователь Лев Копелев в числе жертв голода насчитывает 2,5 миллиона детей. Перепись 1970 года показывает 12,4 миллионов человек, родившихся в 1929-31 года, и только 8,4 миллионов — 1932-34 года, хотя увеличение естественного прироста понизилось очень незначительно. В 1941 году в школах было на миллион меньше семилетних детей, чем одиннадцатилетних, хотя последние также очень тяжело пострадали. Это средние данные по стране, а в районах, пораженных голодом, диспропорция гораздо выше. В Казахстане число семилетних составляло менее двух пятых от числа одиннадцатилетних. А вот в Молдавии, большая часть которой в 30-х годах не входила в состав СССР, группа семилетних была на две трети больше группы одиннадцатилетних.

Различные локальные оценки создают, в принципе, одну и ту же общую картину.

В деревнях, отмечает Вербицкий, фактически не уцелело ни одного мальчика младше десяти лет. (Мальчики этой возрастной группы были наиболее уязвимыми к ударам голода.)

В одном из районов Полтавской области при общей смертности от голода в 7 тысяч 113 человек эта цифра подразделялась следующим образом:

Дети (до 18 лет) —	3 тысячи 549
Мужчины —	2 тысячи 163
Женщины —	1 тысяча 401

Учительница сельской школы в деревне Новые Санжары Днепропетровской области сообщает, что к 1934 году учеников в школе не было уже ни одного. Другая учительница вспоминает, что у нее оставалось два ученика из тридцати. Точно также не начался учебный год в 1940 году в деревне Харкивцы: в первый класс никто не пришел.

Мы можем с большой долей вероятности сделать вывод, что из 7 миллионов погибших от голода, примерно 3 миллиона составляли дети, главным образом в возрасте до 10 лет. Тут еще необходимо отметить, что хотя и не очень много детей рождались в деревнях в разгаре голода, но все-таки рождались, но регистрировать их было некому. Родившись, они быстро умирали и, не будучи зарегистрированными, не попадали ни в какую статистику.

К цифре в 3 или более миллионов детей, умерших от голода в 1932-34 годах, мы еще должны приплюсовать количество погибших при раскулачивании. Если жертвы раскулачивания оценить в 3 миллиона (не считая взрослых, умерших позднее в лагерях), учитывая чрезвычайно высокую детскую смертность, то мы получим еще минимум 1 миллион детей, опять же в возрасте до 10 лет. К этим 4 миллионам жертв этого настоящего детского геноцида (или инфанцида) мы вправе были бы прибавить и те многие миллионы детей, чьи жизни и судьбы были самым чудовищным образом исковерканы в тюрьмах, колониях, детдомах, спецпоселках и тому подобное. Но их число просто не поддается учету.

ЧИСЛО ЖЕРТВ

«Никто их не считал»
Н.Хрущев.

До сих пор не было никакого официального расследования террора 1930-33 годов. Не было и официального сообщения о количестве погибших в тот период. Архивы до их пор под семью печатями и ни один независимый исследователь еще не был к ним допущен. Однако, несмотря на все это, мы можем с некоторым приближением, но достаточно точно подсчитать количество погибших.

Для начала мы подсчитаем общее количество погибших во всем цикле событий, то есть при раскулачивании и от голода. В принципе, сделать это не так уж сложно.

Нам лишь нужно взять за основу количество населения, указанного в советской переписи 1926 года, учесть естественный прирост в последующие годы и сравнить полученный результат с переписью населения после 1933 года.

Перед этим нужно сделать только несколько оговорок. Перепись 1926 года, как и любая другая перепись, проводимая даже в гораздо более лучших условиях, не может быть совершенно точной. И советские, и западные источники сходятся на том, что эта перепись занижена примерно на 1,2-1,5 миллиона человек (по Украине — примерно на 800 тысяч). Это должно означать увеличение количества смертных случаев примерно на полмиллиона. Однако выгода использования официально преподнесенного числа такова, что мы сознательно игнорируем возможную неточность переписи в наших вычислениях.

Далее, «естественный прирост» также оценивается по-разному, хотя вариации находятся в очень узких границах. Большой помехой с первого взгляда является тот факт, что результатов следующей переписи, проведенной в январе 1937 года, в нашем распоряжении, к сожалению, нет.

Предварительные результаты переписи были представлены в Политбюро 10 февраля 1937 года. В итоге перепись была приостановлена, а председатель комитета по проведению переписи населения О.А.Квиркин аресто-

ван 25 марта. Затем появилось официальное сообщение о том, что «славные советские чекисты, возглавляемые сталинским народным комиссаром Н.И.Ежовым, сокрушили змеиное гнездо предателей в аппарате советской статистики». Эти предатели «поставили себе задачу исказить истинное число количества населения в СССР» или (как указала позднее «Правда») «решили сознательно уменьшить количество населения в СССР».

Мотивы приостановки переписи и ареста руководивших ею лиц совершенно ясны. Цифра в 170 миллионов населения, постоянно употреблявшаяся в официальных речах и оценках в течение нескольких лет, являлась символом того, о чем хвастливо заявил Молотов в январе 1935 года: «Гигантский рост населения показывает живительные силы советского строительства».

В январе 1939 года была проведена еще одна перепись населения — единственная за весь этот период, чей результат был опубликован, хотя многие считают его весьма сомнительным. Но даже, если принять фальшивые результаты переписи 1939 года, то они показывают огромный дефицит населения, хотя и не такой большой, как на самом деле.

В определении общего количества неестественных смертей в период с 1926 по 1937 года, перепись 1937 года дает очень убедительные цифры. Эти цифры, хотя и недетализированные, но служат отправной точкой для многих советских демографических публикаций в послесталинские времена. Одни источники указывают, что в переписи 1937 года значилась цифра 163 миллиона 722 тысячи, другие — 164 миллиона.

Однако, как показали последние оценки советских демографов и статистиков, наименьшей цифрой переписи с учетом естественного прироста должна была быть цифра 177 миллионов 300 тысяч человек.

Еще одним приближенным методом можно сделать сложение примерного количества населения на 1 января 1930 года (157 миллионов 600 тысяч) с ежегодным приростом населения, который, по заявлению Сталина, ежегодно составлял примерно 3 миллиона человек. Этот метод также дает нам цифру 178 миллионов 600 тысяч человек, что очень близко к результатам вычисления другими методами.

Второй Пятилетний план также базировался на количестве населения в 180,7 миллионов человек, подразумеваемая население 1937 года 177-178 миллионов человек.

Интересно, что во времена Хрущева тогдашний начальник ГСУ В.Н.Старовский, сравнивая госплановскую цифру 180,7 миллиона человек в 1937 году с данными переписи в 164 миллиона человек, добавляет, что последняя цифра, полученная «после корректировки», подразумевает, если говорить открытым текстом, что результат переписи был явно завышен.

Указанная корректировка, по мнению другого советского ученого Антонова-Овсеенко, составляла 5% от истинной цифры в 156 миллионов человек.

Но, в соответствии с нашей методикой, мы будем консервативно игнорировать все корректировки. Итак, без корректировки, Старовский объявил, что в стране не хватало 16,7 миллионов человек. Но многие считают госплановскую цифру количества населения, подобно многим другим госплановским данным, завышенной примерно на 2 миллиона человек. Хорошо: определяем цифру нехватки населения в 14,3 миллиона человек. Более того, полагаясь на наиболее консервативные оценки и пренебрегая наиболее сенсационными данными последних исследований, мы можем согласиться, что нехватка населения не превышала 13,5 миллионов человек.

Поскольку к началу 1937 года не было массовых убийств других социальных групп населения, превысивших бы порядок десятков тысяч, то практически вся эта нехватка ложится на крестьянство.

Мы можем пойти дальше и предположить, что цифра в 13,5 миллионов не является полностью показателем числа погибших. Мы примем во внимание и количество неродившихся из-за смерти или разделения родителей. Возьмем тут очень высокую цифру в 2,5 миллиона человек, охватив и неродившихся в течение года в пораженных голодом сельских районах и неродившихся в течение двух лет в местах депортации «кулаков». Таким образом нам остается цифра в 11 миллионов погибших к 1937 году в результате раскулачивания и голода. В эту цифру не входят погибшие позднее в трудовых лагерях.

Следующим методом может быть учет того, что в 1938 году в стране имелось 19 миллионов 900 тысяч крестьянских хозяйств, а в 1929 году их было 25 миллионов 900 тысяч. Если взять в среднем 4,2 человека на крестьянскую семью, то получится, что в 1929 году было 108 миллионов 700 крестьян, а в 1938 году — 86 миллионов 600 тысяч. Естественный прирост должен был дать нам цифру в 119 миллионов человек. Налицо дефицит в 36 милли-

онов. Из этой цифры мы должны вычесть 24 миллиона 300 тысяч человек, бежавших в города или в поселки городского типа. Таким образом остается 11 миллионов 700 тысяч, девавшихся неизвестно куда, то есть погибших.

К этим одиннадцати миллионам мы должны прибавить тех крестьян, которые были приговорены к отбыванию срока в лагерях в период раскулачивания и голода и умерших там после января 1937 года. (В это число не включаются крестьяне, арестованные и погибшие в потоке большого террора 1937-38 годов). Это дает (и мы докажем это чуть ниже) еще не менее 3,5 миллионов человек, доводя общую цифру погибших в результате раскулачивания и голода до 14,5 миллионов человек.

Теперь мы должны разработать методику, чтобы попытаться разделить эту страшную цифру и определить отдельно количество жертв от раскулачивания и от голода. Мы имеем для этого не менее твердую основу.

В демографических кругах считается, что из более чем 14 миллионов крестьян, погибших в огне сельского террора, жертвы распределились более-менее равно: чуть больше 7 миллионов человек погибло при раскулачивании и примерно столько же от голода. Мы попытаемся проверить это более детально.

Из 14,5 миллионов погибших 3,5 миллиона, погибшие в лагерях после 1937 года, состоят главным образом из приговоренных до выхода в свет майского указа 1933 года, хотя, конечно, в их число входит и достаточно большой контингент из несчастных деревень Украины и Кубани периода террора голодом. Последние однако не являются специфическими жертвами самого голода, а потому мы должны вернуться к цифре в 11,5 миллионов человек, погибших до 1937 года, и попытаться разделить эту цифру между депортацией и голодом.

Начнем с жертв голода. Для начала обратим внимание на дефицит украинского населения. (Как мы уже отмечали, нет никакого отчета о жертвах голода, но неофициальные источники указывают, что 80% жертв голода приходится на Украину и украинские районы Северного Кавказа).

Для исследования нехватки украинского населения мы должны сначала обратиться к фальшивой переписи 1939 года, поскольку, как мы уже говорили, никаких цифр по национальностям дано не было. Они не опубликованы даже сегодня, когда, наконец, всплыли данные настоящей переписи 1937 года. Итак, официальной цифрой общего

количества советского населения по «переписи» 1939 года было 170 миллионов 467 тысяч 186 человек. Западные демографические исследования показывают, что реальной цифрой было что-то около 167,2 миллионов человек. (Даже последняя цифра показывает очень быстрое восстановление населения с памятного 1937 года, когда по заниженным оценкам погибли в лагерях и были расстреляны около трех миллионов человек. Это может быть объяснено частично естественными и частично юридическими факторами. Восстановление прироста населения за счет деторождения после катастрофы вполне естественно. С юридической стороны, начиная с 1936 года, аборт были объявлены незаконными, и все противозачаточные средства исчезли из продажи. Были приняты также и другие меры).

В официальной цифре 170 миллионов 467 тысяч 186 человек украинцев числится 28 миллионов 70 тысяч 404 человека (против 31 миллиона 194 тысячи 976 человек по переписи 1926 года). Не возникает сомнения, что плохие показатели различных национальных групп были слегка преувеличены и планомерно распределены по общей цифре в 170,5 миллионов человек, так что истинное количество украинцев по переписи 1939 года должно составлять примерно 27 миллионов 540 тысяч человек. Однако 31,2 миллиона человек 1926 года должны были превратиться в 1939 году в 38 миллионов человек. Таким образом, дефицит составляет примерно 10,5 миллионов человек. Возьмем полтора миллиона неродившихся детей и получим общую нехватку украинцев к 1939 году в 9 миллионов человек.

Не вся эта нехватка имеет в виду погибших. Все эти годы на украинцев оказывалось сильное давление, чтобы они регистрировались как русские. Советский демограф Козлов признает, что между переписями 1926 и 1939 годов «низкий прирост украинского населения явился результатом плохого урожая на Украине в 1932 году» и добавляет, что люди, «считавшие себя ранее украинцами, в 1939 году назвались русскими». А поскольку украинцы всегда находились на подозрении у карательных органов, то они часто сознательно меняли свою национальность, приобретая «липовые» документы. Если мы предположим, что так поступили (берем самую высокую вероятную цифру) 2,5 миллиона человек, то вычитая эти 2,5 миллиона из 9, получаем 6,5 миллионов погибших.

Вычтем отсюда 500 тысяч украинцев, погибших в процессе раскулачивания 1929-32 годов, мы получим оконча-

тельное число погибших от голода на Украине — 6 миллионов человек.

Эту цифру можно также разделить: 5 миллионов на Украине и миллион на Северном Кавказе. Число погибших не украинцев по самым умеренным оценкам возьмем в один миллион и получим общее количество погибших от голода — 7 миллионов человек, из которых примерно 3 миллиона составляют дети. Как мы уже неоднократно отмечали, эти цифры нужно считать весьма и весьма умеренными.

Еще одним ключом в определении количества погибших от голода может стать разница между оценкой, сделанной по переписи населения незадолго до переписи 1937 года, и истинными цифрами, полученными в результате переписи. Прогноз составил 168,9 миллионов человек. («Плановое хозяйство», 1936 года, N 12). По переписи же получилось 163 миллиона 772 тысяч человек — разница более 5 миллионов. Считается, что такая «промашка» вышла из-за огромного количества незарегистрированных смертей на Украине в период голода. Этих цифр просто не было в распоряжении лиц, отвечающих за перепись, и таким образом мы автоматически получили цифру, совпадающую с другими оценками.

Кроме прямых вычислений, имеются и косвенные пути получения аналогичных результатов.

Американский гражданин русского происхождения Тавдул в дореволюционные годы был знаком со Скрыпником и в 1933 году посетил его в СССР, встретив там и многих других тогдашних руководителей правительства Украины. Скрыпник назвал ему цифру в «по меньшей мере» 8 миллионов человек, погибших от голода на Украине и на Северном Кавказе. Это же подтвердил Тавдулу и шеф украинского ГПУ Балицкий, назвав цифру 8-9 миллионов погибших. Балицкий добавил, что именно эта цифра была доложена Сталину. Знаменитый агент ГПУ Орлов отмечает, что на более ранней стадии Сталину была доложена цифра в 3,3-3,5 миллионов погибших от голода. Тавдул утверждает, что цифра погибших от голода по СССР в целом составила 10 миллионов человек.

Американец Белл, работавший на Харьковском заводе, когда голод еще не дошел до своего пика, узнал от местного партфункционера, что Петровский признал цифру погибших в 5 миллионов человек.

В сентябре 1933 года Уолтеру Дуранти сказали в посольстве Великобритании в Москве, что «население Северного Кавказа и низовьев Волги уменьшилось за прошлый год на 3 миллиона человек, а население Украины — на 4-5 миллионов человек», и что «вполне возможно», что общее количество погибших составляет 10 миллионов. Очень похоже, что цифры, приведенные Дуранти, взяты из того же источника, что и многие другие, также никогда не опубликованные цифры, добытые его коллегами на самом высоком партийно-правительственном уровне СССР.

Джон Коласки — канадский коммунист украинского происхождения, направленный в Высшую Партшколу при ЦКВКП(б) Украины, пишет, что секретный доклад ЦК Украины указал также цифру в 10 миллионов погибших.

Столь же высокое пропорциональное уменьшение населения, как и на Украине, отмечено в Центрально-Волжском регионе, на Дону и в низовьях Волги.

Директор Челябинского тракторного завода Ловин сказал Тавдулу, что более миллиона человек умерло от голода на Урале, в Западной Сибири и Заволжье.

Таким образом ясно, что даже секретные официальные доклады варьируют количество погибших в несколько миллионов человек. Поэтому вполне справедливо заметил Плющ, сказав: «Одни говорят о 5-6 миллионах... другие говорят о 10 миллионах погибших. Истинная цифра, видимо, лежит где-то между».

Итак, цифра примерно в 7 миллионов человек, погибших от голода, является наиболее вероятной. А поскольку мы уже установили цифру погибших с 1926 по 1937 года в 11 миллионов, то на жертвы раскулачивания и коллективизации выпадает 4 миллиона погибших (до 1937 года).

Эти 4 миллиона включают и погибших в Казахской трагедии. Население Казахстана по переписям 1926 и 1939 годов имеет дефицит в 867 тысяч 400 человек (3 миллиона 968 тысяч 300 и 3 миллиона 100 тысяч 900). Корректировка этой цифры по национальному усреднению, как мы это делали для украинцев, дает нам цифру 948 тысяч человек. Но население 1926 года должно было вырасти к 1939 году до 4 миллионов 598 тысяч человек (эта цифра очень умеренна, так как взята с учетом общего прироста населения по СССР в 15,7%. А общеизвестно, что прирост населения в среднеазиатских республиках гораздо выше). Таким образом, население Казахстана должно было быть

минимум на полтора миллиона человек выше. Следовательно, если мы возьмем 300 тысяч неродившихся детей и 200 тысяч бежавших из пограничных районов в Китай, то получим один миллион погибших.

Таким образом, оставшиеся 3 миллиона — это 3 миллиона погибших «кулаков», депортированных в отдаленные районы страны. Если погибло 30% депортированных, то значит их было 9 миллионов, если 25% — то их было 12 миллионов. Но по общему мнению исследователей, к 1935 году погибла треть из 11 миллионов депортированных. Треть в «спецпоселениях» и треть в концлагерях. В 1935 году население ГУЛАГа уже перевалило отметку в 5 миллионов человек, 70-80% которого составляли крестьяне (до массовых арестов 1937-38 годов). Из 4 миллионов крестьян, переполнивших лагеря к 1935 году, большинство, видимо, еще было живо к 1937 году, но затем мало вероятно, чтобы до освобождения дожило более 10%. Поэтому мы с полным основанием можем добавить к крестьянским жертвам еще 3,5 миллиона человек.

Совершенно ясно, почему мы не можем быть более точными. Хрущев в своих мемуарах говорит: «Я не могу дать точную цифру, потому что никто не считал. Но мы все знали, что люди умирали в огромном количестве».

Никто их не считал! Интересно, что в СССР гораздо легче обнаружить данные по смертности скота, чем по смертности людей. Вообще все данные по скоту гораздо более доступны, чем данные о человеческих существах.

В одной из своих широко опубликованных речей Сталин как-то заметил, что надо бы проявлять побольше заботы о людях, приведя пример, который якобы случился с ним в период сибирской ссылки: переправляясь через реку с несколькими крестьянами, он обратил внимание, что мужики прилагают все усилия, чтобы не унесло их лошадей, не обратив ни малейшего внимания на то, что река уже унесла одного из их товарищей. Сталин глубоко порицал подобное поведение. Даже для Сталина, чьи слова редко выражали его истинное мнение, это была чудовищная и лицемерная ложь. Именно он и его подручные совершенно обесценили человеческую жизнь.

Итак, в грубом приближении мы можем суммировать число погибших:

Крестьяне, погибшие в 1926-37 гг.	—11 миллионов
Арестованные в этот же период,	
позднее погибшие в лагерях	—3,5 миллиона
ВСЕГО	—14,5 миллиона

Из них:

<i>Погибшие в результате раскулачивания</i>	—6,5 миллионов
<i>Погибшие в казахской катастрофе</i>	—1 миллион
<i>Погибшие от голода 1932-33 гг.:</i>	
<i>На Украине</i>	—5 миллионов
<i>На Кубани</i>	—1 миллион
<i>Волга—Дон и другие районы</i>	—1 миллион
ВСЕГО	—7 миллионов

Эти страшные цифры сравнимы с потерями в крупных современных войнах. Но это была не война, а геноцид, и мы должны помнить, что на Украине 5 миллионов человек составляют примерно 18,8% от всего населения или четверть сельского населения. В то время, как в первой мировой войне погибло менее 1% населения воюющих стран. Например, в деревне Писаревка, чье население составляло 800 душ, погибло 150 человек во время голода и раскулачивания, а за годы войны погибло всего семеро. Если мы проводим аналогию с войной, то «ходячими ранеными» можно назвать все оставшееся в живых население. Нашей задачей в этой главе было установить общее количество погибших, но мы ни на минуту не должны забывать, какое влияние оказал этот кошмар на каждого пережившего его в отдельности и на всю нацию в целом, раздавив своим ужасом несколько будущих поколений.

Более того, уцелевших ждала новая волна небывалого террора, унесшая еще многие и многие миллионы жизней.

Позвольте нам еще раз подчеркнуть тот факт, что приведенные нами цифры являются заниженными до самого возможного предела, хотя и являются немислимо чудовищными. И если мы оказались не в состоянии быть более точными, то это только потому, что советский режим не позволяет нам этого. Причиной является не только то, что Сталин еще тогда, в 30-х годах, приложил массу усилий, чтобы скрыть правду. И хотя публикацией многих фактов мы обязаны честным и мужественным советским ученым и писателям, но даже сегодня Москва не позволяет провести настоящее расследование этих чудовищных событий, явно показывая, что нынешний советский режим остается соучастником и наследником тех, кто пятьдесят лет назад безжалостно истреблял миллионы своих соотечественников.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГЕНОЦИД

Неужели действительно никто за это не ответит? Неужели все будет забыто, зарастет травой и никто даже не осмелится напомнить о случившемся?

Вас. Гроссман.

Задачей историка является регистрация фактов, и в их контексте он просто не может не стать судьей. «Мировая история — это высший суд», — заметил как-то Шиллер, и хотя его изречение может сегодня показаться слишком напыщенным, тем не менее совершенно очевидно, что установка точного факта требует и выяснения: кто ответственен за этот факт.

В случае с «кулаками», убитыми и депортированными в 1930-32 годах, в этом отношении никаких проблем не возникает. Они стали жертвой сознательной акции правительства против «классовых врагов». Коммунистические вожди открыто обсуждали необходимость уничтожения 5 миллионов человек еще до того, как были приняты какие-либо конкретные меры, и сам Сталин с полной откровенностью позднее признал масштабы бойни. Что же касается голода 1932-33 годов, то тут, напротив, прилагались огромные усилия уже тогда, а в некотором отношении и поныне, чтобы скрыть или затуманить правду.

Первой линией обороны были безапелляционные утверждения советских официальных лиц, что никакого голода не было и нет. За границей перепечатывались лживые заявления советских дипломатов и западных корреспондентов, которые были либо обмануты, либо подкуплены советскими властями. Внутри страны вся советская пресса просто игнорировала голод, лишь печатая время от времени опровержения по поводу наглых, клеветнических вылазок западных газет. Упоминание о голоде, даже в регионах где он свирепствовал, стало преступлением, приравненным к антисоветской пропаганде. А на самом верху Сталин просто постановил, что никакого голода не существует.

Этой установки в течение десятилетий придерживалась официальная советская история, и даже сегодня в

научно-исторических работах советских историков упоминания о голоде крайне редки, а если и есть, то туманные непонятны. Правда, советская художественная литература иногда пишет о голоде более откровенно.

Подобная политика оказала свое влияние и на Запад. Одни верили официальной советской линии. Другие, не веря советской пропаганде, не очень доверяли и неофициальным источникам. Уж очень противоречивыми получались все эти истории. В итоге, сообщения о голоде западная пресса просто не принимала, а если кое-какие факты и публиковались, то о них быстро забывали.

Однако сообщения о голоде шли таким потоком, что полностью их игнорировать на Западе было невозможно. И тут Советы создали двойную линию обороны. Да, некоторое недоедание имело место, что даже увеличило немного смертность, но ответственность за это лежит на упрямых и непокорных крестьянах, отказывающихся сеять и убирать урожай. А между тем советскому правительству крайне необходимо зерно: ожидается война с Японией и продовольственные требования армии должны быть удовлетворены.

Признание об увеличении смертности было разрешено опубликовать журналистам, проводившим просоветскую линию, которые дописались до того, что никакого голода не было, а просто смертность увеличилась всего на два миллиона человек! Непонятно, но даже эта цифра никому не показалась слишком большой. Упорство же и непокорность крестьян, в соответствии с официальной версией, объяснялись саботажем кулаков. И это было принято на Западе с пониманием.

Да, объясняли советские представители, действительно положение таково, что многие люди могут назвать его голодом. Но, во-первых, это не вина Советской власти, а, во-вторых, положение далеко не так серьезно, как это преподносит злобная антисоветская пропаганда.

Сам же Сталин имел много гораздо лучших средств, чтобы выйти из-под огня критики. Даже если голод и имел место, то само по себе существование голода не служит доказательством, что ответственность за него несут Сталин и партийное руководство. Голод в России не новость, и если он опять случится, то по естественным причинам, возможно обостренным политикой правительства, но без какого-либо злого умысла со стороны властей. Смешно считать, что правительство само, в каких-то своих преступных целях, организовало голод!

Это и есть ключевой вопрос, в котором мы должны разобратся. Для начала выясним: знало ли в действительности советское руководство о голоде?

Нам совершенно точно известно, что руководители компартии Украины знали обстановку очень хорошо. Чубарь, Хатаевич, Затонский, Демченко, Терехов и Петровский сами ездили по селам и своими собственными глазами видели, как обстоят дела. Они знали отлично, что квоты поставок зерна очень завышены и голод неминуем. На конференции в Киеве Чубарь, отвечая на вопрос, известно ли правительству Украины о голоде, сказал: «Правительство знает об этом, но ничем помочь не может».

Крестьяне видели самого Петровского, ходившего по деревне с мертвыми и умиравшими жителями. В деревне Чернуха он лично выступал перед толпой голодных крестьян, обещая сообщить об их судьбе в Москву. Когда директор одного из заводов сообщил Петровскому, что его рабочие говорят о 5 миллионах уже умерших от голода людей и он не знает, что им отвечать, Петровский закричал: «Ничего им не отвечайте! Они говорят правду. Мы знаем, что вымирают миллионы. Это несчастье, но славное будущее Советского Союза оправдает все это. Ничего им не отвечайте!»

Нам известно также, что высшее московское руководство тоже знало о голоде. В конце 1932 года Молотов объезжал сельские районы Украины, где местные руководители докладывали ему о том, что зерна нет и население голодает. Почти в то же самое время Каганович, будучи в Полтаве, получил такую же информацию от местных ветеранов партии, которых всех вскоре выслали на Север. Еще один член Политбюро, Микоян, разговаривал с первым секретарем киевского обкома Демченко, который спросил: знают ли Сталин и Политбюро, что происходит на Украине? Демченко рассказал, что на всех запасных путях от Киева до Полтавы стоят эшелоны, груженные трупами.

Сам Хрущев откровенно говорит: «Мы знали, что люди умирали в огромном количестве». Это означает, что в высших партийных кругах, в которых он вращался, были обо всем осведомлены. Действительно, когда ветеран революции Федор Раскольников, будучи послом в Болгарии, бежал на Запад, он в своем открытом письме Сталину ясно дал понять, что руководство партии отлично знало о голоде, который был «организован».

И, наконец, нам известно, что и сам Сталин был хорошо информирован. Первый секретарь харьковского обкома Терехов доложил Сталину о свирепствовавшем голоде и попросил направить зерно в голодающие районы. По какой-то благосклонности судьбы Терехов оказался в числе тех немногих украинских аппаратчиков, которые уцелели в годы ежовского террора, а потому смог рассказать историю своего визита к Сталину на страницах «Правды» в хрущевские времена. На его просьбу Сталин, усмехнувшись, ответил: «Нам говорили, что вы, товарищ Терехов, хороший оратор. Но вы, кажется, еще и хороший сказочник. Вы придумали эту сказку о голоде и думаете напугать нас, но не получится. Может быть, вам лучше уйти с поста секретаря обкома и члена ЦК и вступить в Союз писателей? Там вы будете писать свои сказки, а дураки их будут читать». («Правда», 26 мая 1964 года).

(По словам Хрущева, во время голода 1946 года похожая сцена имела место, когда Сталин направил Косыгина в Молдавию, и тот, вернувшись, доложил о голоде и массовой дистрофии в республике. Сталин «взорвался, наорал на Косыгина» и «долго потом называл Косыгина «дистрофиком».)

Конечно, отвечая Терехову, Сталин не мог не понимать, что ответственный партработник ради чистой фантазии не пошел бы на подобный разговор, рискуя карьерой и жизнью. Своей реакцией Сталин еще раз продемонстрировал, что в партийных кругах не допускается даже простое обсуждение голода. Многие другие украинские деятели столь же безуспешно пытались поднять этот вопрос. Командующий Киевским военным округом Иона Якир просил Сталина дать зерно для распределения по голодным районам, на что ему было резко предложено заниматься военными вопросами и не лезть не в свое дело. Этот вопрос поднимал и командующий Черноморским флотом, но также без успеха.

Чубарь, будучи председателем Совета Народных Комиссаров Украины, просил Сталина дать продовольствие, чтобы «хотя бы накормить умирающих детей». В ответ Сталин потребовал «не касаться этого вопроса». Его реакция была вполне логичной. Чтобы направить помощь на Украину, необходимо было признать наличие голода и распрощаться с выдумкой об «огромном количестве зерна в руках кулаков». Кроме того, идея накормить детей, оставляя взрослых голодными, могла породить административные проблемы...

Среди информаторов Сталина была и его жена Надежда Аллилуева. Сталин позволил ей поступить в институт, студенты которого на лето мобилизовывались в сельские районы для обеспечения коллективизации. Они и рассказали жене диктатора о массовом терроре в надежде, что она что-то сможет сделать. Они рассказали о толпах осиротевших детей, просящих повсюду хлеба, о вымирании украинского крестьянства. Думая, что ее муж плохо информирован, Аллилуева все рассказала Сталину, но тот отверг все как «троцкистские слухи». Но студенты, встречаясь с Аллилуевой, описали ей случаи людоедства, рассказав, как они арестовали двух братьев, продававших мясо трупов. Когда она и это рассказала Сталину, он обвинил жену в сборе «троцкистских сплетен», приказав начальнику своей охраны Паукеру арестовать указанных студентов. Затем он отдал распоряжение ОГПУ и Комиссии Партконтроля провести во всех ВУЗах страны чистку среди студентов, принимавших участие в коллективизации. Ссора с мужем, которая привела Надежду Аллилуеву к самоубийству 5 ноября 1932 года, была логическим завершением всей этой истории.

Кроме того, не следует забывать, что Сталин получал о положении на Украине все секретные рапорты ОГПУ.

Сталин мог в любое время дать зерно в пораженные голодом районы, но сделал это только в конце весны 1933 года, отлично зная, что голод уже сделал свое дело.

Конечно, то, что Сталин был хорошо информирован о голоде, еще не служит доказательством, что этот голод был им запланирован и использован в качестве средства достижения своих политических целей. Однако, он продолжал проводить политику, вызвавшую голод, когда голод уже объявил о себе, приказывая проводить ее даже еще более жесткими мерами, явно давая понять, что считает такое оружие, как голод, вполне приемлемым в использовании против «кулаков и националистов».

А то, что подобная акция была задумана, хорошо демонстрирует следующие обстоятельства. Когда сталинский режим приступил к широкой реквизиции зерна в конце 1932 года, он уже имел опыт подобной же акции 1918-21-х годов. Тогда реквизиция зерна привела к столь же катастрофическому голоду и то, что новая подобная акция приведет к столь же катастрофическим результатам в Кремле не могли не понимать.

Кроме того, тот факт, что посевное зерно для будущего урожая было впервые в начале осени 1932 года

вывезено из сел Украины и сдано на хранение на городские склады, ясно показывает, что власти отлично понимали, останься это зерно в колхозах — оно будет съедено в течение зимы, поскольку реквизиция ничего не оставила крестьянам. Другими словами, власти знали, что в деревнях не осталось никакого продовольствия.

Нельзя сказать, что столь высокие квоты на поставку зерна, вызвавшие голод, были наложены на Украину в результате какой-то досадной экономической ошибки, завывшей возможности столь богатой житницы, как Украина. Нет, это была не просто экономическая ошибка. Никакого голода не было, например, в богатом центральном сельскохозяйственном регионе России, а непродуктивные украинские области Волынская и Подильская голодали вместе со всей Украиной.

Но, видимо, наиболее убедительным фактом того, что голод на Украине был заранее тщательно спланирован, является жестокая блокада границы России с Украиной для предотвращения любых поставок продовольствия в голодающие районы. На границе Украины были развернуты войска, чтобы предотвратить возможность бегства населения из пораженных голодом областей. По поездкам и станциям шныряли агенты ОГПУ, проверяя особые пропуска у пассажиров. На последней станции между Киевом и границей — Михайловкой — специальный отряд ОГПУ задерживал всех не имевших пропусков и отправлял их товарным поездом обратно в Киев. Конечно, многие, несмотря ни на что пробивались через границу на территорию России, пытаясь там купить хлеб или поменять последние ценные вещи на хлеб и спасти своих детей от голодной смерти.

На той стороне границы обстановка была совершенно другой. Никакого голода не было и в помине. Легко можно было достать и хлеба, и жиров, и других продуктов. Беженцы, пробившиеся в Россию, легко отоваривались, но при попытке вернуться домой у них на границе отбиралось все, что они добыли в РСФСР. Один украинский крестьянин, работавший на железной дороге в Московской области, прослышав о голоде, поехал домой, везя с собой 30 килограмм хлеба. Это было в апреле 1933 года. В Бахмаче, на границе с Украиной, 28 килограмм у него конфисковали, но 2 килограмма разрешили оставить, поскольку по документам он числился московским рабочим. А у двух украинских крестьянок, которые также пытались

провезти хлеб, конфисковали все до крошки, а самих женщин арестовали.

Люди с хлебом из России прятались в пустых вагонах эшелонов, возвращавшихся порожняком на Украину после доставки украинского зерна в РСФСР. Но и эти поезда тщательно обыскивались как солдатами ГПУ, отбиравшими хлеб и арестовывавшими его владельцев, так и поездными бригадами, требовавшими взятки под угрозой выдачи властям.

Были и другие помехи. Поезда шли переполненными и редко. На железных дорогах еще царила разруха. Тот, кто добирался до Орла, чтобы купить хлеба, должен недели две или дольше ждать обратного поезда на Лозовую. Ожидая, они съедали весь купленный хлеб и лежали голодными вокруг станции.

В нашем доказательстве важным является тот факт, что существовал вполне определенный приказ о блокаде границы с тем, чтобы не дать возможности украинским крестьянам добраться до России, где можно было достать хлеб, и о конфискации хлеба у тех, кому удалось пробиться через блокаду, когда они возвращались домой. Подобный приказ мог быть отдан только на самом высоком уровне и мотивы этого приказа однозначны.

Не следует также забывать, что, как мы видели, удар голодом по украинскому крестьянству сопровождался широкомасштабным разрушением культурной и религиозной жизни на Украине и бойней украинской интеллигенции. Сталин, как мы уже отмечали, видел в крестьянстве оплот национализма, так что простой здравый смысл не позволяет нам видеть в этом двойном ударе по украинской нации простое совпадение.

Суммируем приведенные доказательства:

1. Причиной голода явились чрезвычайно высокие нормы по реквизиции зерна, установленные Сталиным и его помощниками.

2. Руководство компартии Украины с самого начала дало понять Сталину и его помощникам, что эти нормы очень высоки.

3. Тем не менее эти нормы оставались в силе до начала голода.

4. Руководителям компартии Украины было хорошо известно о начавшемся голоде, о чем они поставили в известность Сталина и его помощников.

5. Тем не менее реквизиция продолжалась.

6. Хлебные рационы, хоть и низкие, были установлены в городах, но в деревнях не было установлено даже минимального продовольственного рациона.

7. В пораженных голодом районах на складах хранилось много зерна, но это зерно не было выдано крестьянам, даже когда начали вымирать целые деревни. Более того, когда доведенные до отчаяния крестьяне подходили к этим складам, охрана открывала по ним огонь.

8. Были отданы приказы, запрещающие допуск крестьян в города, а когда они пробирались туда, их задерживали и высылали.

9. Были отданы приказы, запрещающие провоз даже купленного на законном основании продовольствия через республиканскую границу между РСФСР и Украиной.

10. Все эти страшные факты, связанные с катастрофическим голодом, полностью подтверждены свидетелями — высшими партработниками, местными активистами, иностранными наблюдателями и самими крестьянами. Тем не менее, в СССР было запрещено даже упоминать о голоде, советские представители за границей получили инструкцию отрицать даже сам факт голода. И поныне этот факт еще официально не признан в СССР (1986 год).

Таковы факты. И приговор истории может быть только одним: Сталин и руководимая им партия совершили обдуманное, страшное преступление против собственного народа. Не первое и не последнее в цепи чудовищных преступлений коммунистического режима.

ЭПИЛОГ

Окончательное уничтожение к 1934 году свободного крестьянства и фактическое восстановление в стране крепостного права развязало руки правительству и позволило перенести террор на другие социальные группы населения. С каждым годом набирая силу и размах, террор достиг своего апогея к 1937 году. В отличие от предыдущих лет, главный его удар был направлен Сталиным

против партийно-правительственного руководства страны. Однако снова не были забыты и крестьяне.

Естественно, первой целью оказались «кулаки», высланные на «спецпоселения». В 1938 году сотни таких «кулаков» наполняли Свердловскую тюрьму с обвинениями от шпионажа и саботажа до подготовки вооруженного восстания. Большая часть из них была приговорена к десяти годам заключения. В тюрьме Холодная Гора в Харькове с сентября 1937-го по декабрь 1938 года главный контингент заключенных опять же составляли крестьяне. Процедура их обработки была простой. Сначала их избивали, не задавая никаких вопросов. Затем «наседка» в камере сообщала им, в чем они должны признаться. После этого их отправляли в лагеря, откуда мало кто вернулся. Продолжались и массовые казни крестьян. Среди 10 тысяч трупов, расстрелянных в начале 1938 года и обнаруженных в местах массового захоронения под Винницей, примерно 60% составляют крестьяне, которые, конечно, были украинцами. Все, ранее арестованные по ложному обвинению в членстве придуманной чекистами организации СВУ, успевшие отбыть сроки наказания, были снова арестованы и расстреляны.

В этот период, как никогда, расцвело доносительство. Крестьяне доносили, как правило, на председателя своего колхоза. Тот сознавался во вредительстве, называя имена членов правления в качестве сообщников. Те выдавали своих соучастников, которыми, как правило, были бригадиры и звеньевые. Последние же называли фамилии «завербованных» ими крестьян. В итоге, арестовывались все. Во второй половине 1937 года по всей стране прошли тысячи подобных процессов, все организованные по одной, явно разработанной в центре, схеме.

Как мы уже говорили, в отличие от прошлых лет, террор на этот раз тяжело ударил и по самой партии, уничтожив почти всех упомянутых в этой книге. Зиновьев, Пятаков, Бухарин, Рыков и Гринько были расстреляны после публичных процессов и всенародного покаяния. Томский покончил самоубийством. Основные руководители коллективизации — Яковлев, Бауман и Каминский — были тайно казнены без суда. Чубарь, Постышев и Коссиор были вместе расстреляны в тюрьме также без суда. Без лишнего шума были уничтожены Хатаевич, Демченко и Затонский, а также Шеболдаев, затерроризировавший Северный Кавказ. Такая же судьба постигла шефов НКВД

Украины Балицкого и Карлсона. Их коллега Любченко покончил самоубийством вместе с женой.

Каганович и Молотов уцелели. Петровский был снят со своего поста, но не арестован. По непонятному капризу судьбы уцелел Терехов, осмелившийся говорить со Сталиным о голоде.

Эта волна террора почти полностью уничтожила коммунистов Украины. По масштабу террор на Украине превзошел все ужасы, творящиеся в других областях страны. В июне 1938 года на XIV съезде компартии Украины среди 86 членов и кандидатов в члены ЦК присутствовали лишь трое уцелевших от прошлогоднего состава. Эти трое были как бы почетными членами, не представляя никакого политического значения. Почти все уничтоженные обвинялись в национализме. Особенно Любченко и Гринько, и даже еврей Балицкий.

Арест всех членов ЦК и правительства Украины и повторный арест тех, кто заменил ранее арестованных, разрушил всю структуру управления республикой. Были арестованы все секретари обкомов. ЦК лишился кворума, некому было даже назначить Совет Народных Комиссаров, и к концу 1937 года Украина представляла собой просто феодальную вотчину НКВД.

Прошло два года, и раздавленное Сталиным национальное самосознание украинского народа снова дало о себе знать, когда к СССР отошла Западная Украина, аннексированная у Польши в 1939 году. Население этих областей не было обработано голодным террором и потому представлялось крайне опасным. Мгновенно начались массовые аресты, расстрелы и депортации. Крестьяне сгонялись в колхозы. Советский террор сменился немецким и вновь советским после новой оккупации этих мест в 1944 году. Народ оказывал отчаянное сопротивление. Мощное партизанское движение охватило всю Западную Украину и не было подавлено до середины 50-х годов. Ушедшие в эмиграцию лидеры этого движения были позднее убиты в Европе советскими секретными агентами.

Десятки тысяч были расстреляны, а уцелевшие отправлены в концлагеря. Называют цифру в 2 миллиона человек, что пропорционально соответствует жертвам других оккупированных районов, например, в Прибалтике. В период с 1945 по 1956 года украинцы составляли очень высокий процент среди заключенных сталинских лагерей, считаясь с точки зрения охраны, наиболее «трудными и опасными». Их направляли в наиболее страшные

лагеря, и смертность среди западных украинцев была там очень высокой.

В начале 50-х годов в страшные колымские лагеря пригнали большую партию юных девушек из Западной Украины, обвиненных в поддержке повстанцев. Заключение — поляк, совсем не симпатизировавший идеям украинского национализма, тем не менее вопрошал: «Но почему советские офицеры, допрашивая семнадцатилетних девушек, ломали им кости и ребра, забивая тяжелыми сапогами так, что они истекали кровью в тюремных больницах Колымы? Конечно, подобное обращение не убедило ни одну из них, что они боролись не за правое дело. Они умирали с медальонами Девы Марии на их истерзанных грудях и с лютой ненавистью в глазах»

О количестве заключенных западных украинцев можно понять из выступления 17 марта 1973 года первого секретаря Львовского обкома партии Куцевола, сообщившего, что с 1956 по 1972 года в Львовскую область (составлявшую примерно четверть населения Западной Украины) вернулось после отбытия сроков заключения 55 тысяч бывших членов антисоветской организации ОУН. Можно подсчитать, сколько их было всего, если в лагерях уцелела пятая часть.

Хрущев вспоминает, что Сталин, изгнав с родных мест семь малых народов, мечтал сделать то же самое и с украинцами, но «их было слишком много»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Как на Запад поступала информация о голоде в СССР

Крупным элементом в сталинском истреблении крестьянства было то, что Пастернак назвал «нечеловеческой властью лжи». Была запущена гигантская кампания глобального обмана. Особые усилия прилагались, чтобы убедить Запад, что никакого голода не было и вообще ничего не произошло.

С первого взгляда может показаться, что ничего из этого не вышло. Огромное количество сообщений достигло Западной Европы и Америки, часть из которых была получена от западных свидетелей с безупречной репутацией. (Тогда, в 1932 году, было невозможно удалить всех иностранцев из районов катастрофы).

Но Сталин превосходно понимал возможности того, что Гитлер любовно называл Большой Ложью. Даже если какая-то часть правды пробьется, ничего особенно страшного для лжеца не произойдет. Сталин видел, что отрицание происходящего с одной стороны и преднамеренная утечка специально сфабрикованной информации с другой, собьет с толку неподготовленную западную общественность и еще сильнее обманет тех, кто хочет быть обманутым. Голод стал первым примером отработки подобных методов влияния на мировое общественное мнение. Подобные же методы применялись и во время Московских процессов 1936-38 годов и при отрицании существования системы ГУЛАГа и тому подобное. Эта методика применяется даже сегодня.

И тем не менее, несмотря на все, весь 1932 и 1933 года ведущие западные газеты достаточно полно освещали события на Украине. Подробные статьи о голоде неоднократно печатали: «Манчестер Гардиан», «Дейли Телеграф», «Матин», «Фигаро», «Нойе Цурихер Цайтунг», «Газетте де Лозана», «Ла Стампа», «Рейхпост» и многие другие западные газеты. В Соединенных Штатах ведущие газеты часто печатали отчеты американцев украинского происхождения и других лиц, вернувшихся с Украины. Особенно часто на эту тему писали «Кричан Сайнс Монитор», «Нью-Йорк Геральд Трибун» и нью-йоркская еврейская газета «Форвертс».

Находящимся в Москве западным корреспондентам, чтобы сохранить свои визы, часто приходилось говорить туманно и иносказательно. Цензура опустошала их статьи. Например, Чемберлен и Лайонс смогли рассказать всю правду только вернувшись на родину. Муджеридж ухитрился послать несколько своих сообщений через британскую дипломатическую почту.

Бывший секретарь Ллойд-Джорджа Гарет Джонс, изучавший в Москве русский язык и историю, не сказав никому ни слова, уехал из Москвы на Украину. Он прошел пешком по деревням Харьковской области и по возвращении на Запад сообщил, что везде он слышал постоянный вопль: «Нет хлеба! Мы умираем!» Джонс писал в

газете «Манчестер Гардиан» от 30 марта 1930 года, что «никогда не забудет распухших животов детей в домах, где мне приходилось ночевать». Он добавил и то, что «уже погибло четыре пятых всех лошадей и коров». Его мужественный и честный отчет стал объектом клеветнических нападок не только со стороны советских официальных лиц, но и со стороны Уолтера Дуранти и других западных корреспондентов, желавших остаться в Москве, чтобы присутствовать на предстоящем сфабрикованном процессе «Метро-Вик».

Западные корреспонденты делали все возможное, чтобы пробить через цензуру подлинную информацию о происходящем в СССР. 22 сентября 1933 года корреспондент Ассошайтед Пресс Стенли Ричардсон сумел взять интервью у начальника политотдела МТС Украины, старого большевика, Александра Асаткина, бывшего когда-то первым секретарем ЦК компартии Белоруссии. Говоря о голоде, Асаткин назвал американцу число умерших. Цензура вычеркнула цифры, но оставила в статье фразу о «смертях в этом районе по причинам, связанным с недоеданием», которая дошла до Запада. (Однако подобное подтверждение советским официальным лицом смертности от голода не было напечатано большинством американских газет. Марк Каринник обнаружил корреспонденцию Ричардсона только в «Нью-Йорк Америкен», «Торонто Стар» и «Торонто Ивинг Телеграф»).

В 1933 году советское правительство издало новые правила, исключавшие поездки западных корреспондентов на Украину и Северный Кавказ. Еще 5 марта 1933 года Британское посольство доносило в Лондон, что «отдел печати наркомата иностранных дел «посоветовал» всем иностранным корреспондентам оставаться в Москве». Но уже в августе Чемберлен информирует своих издателей, что ему и его коллегам было «приказано» не покидать Москвы без предварительного представления маршрута и получения на это разрешения, и что он сам не получил разрешения отправиться на Украину и в район Северного Кавказа. Корреспондент «Нью-Йорк Геральд Трибун» Барнес докладывал редактору, что «новые правила не допускают аккредитованных в СССР иностранных корреспондентов в те районы СССР, где обстановка считается неблагоприятной».

Наиболее честных журналистов удавалось одурачить, но добиться, чтобы они молчали не удалось. Когда в 1934 году вышла книга Чемберлена, уже никто не мог-

сомневаться в факте голода и издевательств над крестьянами. Действительно, даже западные писатели, считавшиеся друзьями режима, стали писать что-то похожее на правду. Мариус Гиндус, написав о коллективизации, одобряя ее в принципе, рассказал о «человеческой трагедии» депортированных кулаков. Он отметил также «грубую бесчувственность» партийного аппарата, некомпетентность колхозного управления, когда свиньи и птица умирают от неправильного обращения, а лошади и коровы от недоедания.

Западная общественность уже получила достаточно информации, чтобы уже предпринять какие-то действия. 23 мая 1934 года Палата Представителей Конгресса США приняла резолюцию, предложенную конгрессменом Гамильтоном Фишем. Резолюция признавала доказанным факт голода в СССР и напоминала об американской традиции не оставаться равнодушным при подобном попрании прав человека, выражая надежду, что СССР переменит свою политику и примет американскую помощь. Резолюция прошла через комитет конгресса по иностранным делам и была опубликована. (73-й Конгресс, 2-ая сессия, резолюция 39а).

Такая помощь уже оказывалась СССР в 1921 году. Но на этот раз ничего не получилось. Под председательством Венского кардинала Иннитцера был собран Международный Комитет Помощи. Выступивший на заседании представитель Красного Креста заявил, что никакая деятельность не представляется возможной без содействия советского правительства, а советское правительство в самой резкой форме продолжает отрицать даже сам факт голода в стране. Советская пресса из номера в номер печатает письма «процветающих крестьян», категорически отвергающих столь назойливые предложения помощи.

В Западной Украине, входящей в состав Польши, все факты были известны очень хорошо, и в июле 1933 года был основан Украинский Центральный Комитет Помощи во Львове, который смог оказать некоторую помощь, тайно переправляя через границу посылки по известным адресам. Комитету пришлось прекратить свою деятельность, поскольку получатели посылок, выслеженные ГПУ, арестовывались как шпионы.

Естественно, что наиболее активно действовали украинские эмигрантские организации на Западе, ведя отчаянную борьбу, чтобы привлечь к украинской катастрофе

внимание западных правительств и общественного мнения. В Вашингтоне, например, дела Госдепартамента были переполнены их призывами к администрации США вмешаться каким-нибудь способом. На все подобные призывы поступал один ответ, что отсутствие в данном вопросе каких-либо государственных интересов США делает подобное вмешательство невозможным.

Дела Госдепартамента также наполнены письмами от издателей, профессоров, священников и других лиц, рассказывающих о том, что на лекциях Чемберлена число погибших оценивается в 4-5 миллионов человек. Почти все письма выражают сомнение в правдоподобности таких цифр. Госдепартамент, как правило, отвечал, что не может комментировать подобные факты.

Соединенные Штаты в то время не имели дипломатических отношений с Советским Союзом (до ноября 1933 года), и Госдепартамент имел инструкцию действовать в направлении установления подобных отношений, и поэтому любые политические шаги, предпринятые в связи с террором голодом, оценивались Администрацией как нецелесообразные.

Дипломатический корпус в Москве обмануть не удалось. Английское посольство, например, сообщало в Лондон, что условия на Кубани и Украине являются «ужасающими».

Таким образом, тем или иным путем, правда достигла Запада и была известна обществу. Поэтому задачей советского правительства стало уничтожить эти знания, исказить и затемнить их.

На первой фазе сам факт голода игнорировался или отрицался. В советской прессе не было даже намека на него. В местных украинских газетах о нем также не было ни слова. Разница между реальностью и газетными сообщениями была просто немыслимой.

Артур Кестлер, находившийся в Харькове в 1932-33 годах, пишет, что он испытывал какое-то мистическое чувство, читая местные газеты, наполненные изображениями смеющихся, счастливых лиц под развернутыми знаменами, фотографиями гигантских комбинатов на Урале, сообщениями о награждении бригадиров-ударников, но не говорящими ни слова о голоде, о свирепствующих эпидемиях, о вымирании целых деревень и даже о том, что в самом Харькове нет электричества. Огромная страна лежала под покрывалом молчания.

20 июля 1933 года «Правда» обрушилась на австрийскую газету «Рейхпост», которая «заявила, что миллионы советских людей на Волге, Украине и Северном Кавказе умерли от голода. Эта вульгарная клевета, грязная выдумка о голоде в СССР была сфабрикована издателями «Рейхпост», чтобы отвлечь внимание своих собственных рабочих от их тяжелой и безнадежной ситуации».

Председатель ВЦИК Калинин говорил о «политических болтунах, предлагающих помощь голодающей Украине», сделав вывод, что «только совершенно разложившиеся классы способны производить на свет столь циничных лжецов»

Когда информация о голоде в СССР стала несомненной, конгрессмен от штата Коннектикут официально привлек к этому вопросу внимание советского правительства. Он получил следующий ответ от Наркома Иностранных Дел Литвинова: «Я получил Ваше письмо и благодарю Вас за привлечение моего внимания к украинскому памфлету. Огромное количество подобных, полных лжи, памфлетов фабрикуются контрреволюционными организациями за границей, специализирующихся на делах подобного рода. Им ничего не остается, кроме как распространять ложную информацию и подделывать документы».

Советское посольство в Вашингтоне официально объявило, что население Украины за пятилетку имело прирост 2% в год с наиболее низким показателем смертности по всей стране!!!

Но главные методы фальсификации были более масштабны и традиционны.

Эдуард Эррио, лидер французских радикалов, дважды занимавший в своей стране кресло премьера, посетил СССР в августе и сентябре 1933 года. Пять дней он провел на Украине. Половину этого времени он посвятил различным приемам и банкетам, а вторую половину — посещениям разных мест для лучшего ознакомления с обстановкой в регионе. В результате он заявил, что никакого голода на Украине нет, а те, кто утверждают обратное, просто преследуют антисоветские цели. «Правда» от 13 сентября 1933 года, цитируя Эррио, заявила, что «он категорически опроверг ложь буржуазной прессы о голоде в СССР»

Подобное заявление виднейшего государственного деятеля произвело большой эффект на европейское общественное мнение. Оно еще раз продемонстрировало

Сталину легковёрность Запада, которую он столь эффективно использовал все тридцать лет своего владычества.

В то время в Киеве находилось немало иностранцев и будущих эмигрантов, которые подробно описали, как шла подготовка к приезду Эррио. За день до его прибытия люди начали с двух часов ночи чистить улицы и украшать дома. Центры по распределению продовольствия были закрыты. Очереди были запрещены. Беспризорники, нищие и бездомные куда-то бесследно исчезли. Витрины магазинов были забиты продуктами, но милиция отгоняла от них местных жителей, арестовывая каждого, осмелившегося подойти к витринам слишком близко. Покупать что-либо в магазинах было запрещено. Улицы были чисто вымыты. Отель, где должен был остановиться Эррио блестел свежеекрашенными стенами, новыми коврами и мебелью. Работники отеля получили новую униформу.

То же самое происходило и в Харькове, где Эррио посетил образцовый детский сад, музей Тараса Шевченко тракторный завод, потратив остальное время на встречи и банкеты с руководителями компартии Украины.

Эррио также посетил показательный колхоз «Октябрьская Революция», вблизи Киева. Хоть колхоз и был показательным, очевидец пишет, как там шла подготовка к визиту бывшего французского премьера:

«Все работники местного райкома были предварительно вызваны в Киев для инструктажа по превращению своего колхоза в «Потемкинскую деревню». Временным председателем колхоза был назначен старый большевик, присланный из наркомата сельского хозяйства. Большую часть колхозников заменили опытные агрономы, присланные из Киева. Все жители были мобилизованы на работу: чистили, драили, красили. В местный клуб завезли мебель из районного театра. Занавески, портьеры и скатерти привезли из Киева. Одно из помещений клуба было превращено в банкетный зал. Длинные столы были покрыты богато расшитыми скатертями и украшены цветами. Районный телефонный коммутатор вместе с телефонистами был переведен из райцентра Бровари в колхоз. Были забиты телята и поросята для обеспечения видимости изобилия мяса. Завезено было даже пиво. Крестьянам запретили покидать избы. Дорога, ведущая от города, была тщательно прочесана: лежащие вдоль нее трупы убранные, бездомных куда-то увезли.

Затем собрали колхозников и объявили им, что будет съемка кинофильма из колхозной жизни, и их колхоз вы-

бран для этой цели одной Одесской киностудией. На работу должны выйти только те, кто будет отобран для съемок. Остальные должны оставаться дома и ни под каким видом из дома не выходить. Отобранные для «съемок» специальной комиссией получили привезенные из Киева новые сапоги, носки, костюмы и даже носовые платки. Женщинам выдали новые платья. Весь этот маскарад управлялся двумя работниками киевского обкома: Шараповым и Денисенко. Колхозникам же сказали, что это режиссер фильма и его помощник. Организаторы решили, что для Эррио лучше будет встретиться с колхозниками за банкетным столом во время еды.

На следующий день в ожидании Эррио, колхозников рассадили за столы и приказали начать есть. Им положили огромные куски мяса, которые они запивали пивом и лимонадом. «Режиссер», нервничая, ходил вдоль столов, призывая колхозников есть медленнее, чтобы они не успели съесть все до приезда Эррио. Но тут поступила телефонограмма из Киева о том, что визит отменяется. Колхозников снова собрали, Шарапов поблагодарил их за старание и предложил вернуть всю одежду, кроме носков и носовых платков. Люди просили разрешить оставить им вещи, особенно сапоги, обещая отработать или заплатить за них, но тщетно. Всю одежду отобрали и отправили обратно на киевские склады, где она была получена».

После отъезда Эррио, его переводчик, профессор киевского института лингвистики Зееберг, получил пять лет лагерей за «контакт с иностранцем».

В другом случае, в Харькове, ожидали прибытие делегации, состоящей из американцев, англичан и немцев. Перед их прибытием был проведен рейд, в ходе которого всех нищих крестьян в городе похватили, увезли на телегах за город и просто бросили в открытом поле.

Турецкая миссия, возвращаясь домой из Москвы, обедала на станции Лозовая. Перед их прибытием все мертвые и умирающие вокруг станции были погружены в грузовики и увезены неизвестно куда. Способных ходить прогнали пешком на двадцать километров от города и запретили возвращаться под страхом расстрела. Станция была прибрана. Делегацию обслуживали хорошенькие «официантки», по перрону прогуливалась «нарядная публика».

К числу наиболее обманутых подобными «потемкинскими» методами, можно без сомнения отнести такого

великого и тонкого психолога как Бернард Шоу, который заявил: «Я не видел ни одного голодного в России, ни молодого, ни старого. Может быть, их специально для меня надули воздухом? Может быть, их впалые щеки сделали круглыми, засунув туда по паре яблок?» (Бернард Шоу даже сказал или, по крайней мере, его так процитировала советская печать, что «в СССР, в отличие от Британии, существует настоящая свобода религии»).

Симпатизирующий режиму Эдди Шервуд рассказал интересную историю, которую часто цитировали многие, в том числе и Вебб, в доказательство безосновательности слухов о голоде в СССР.

Делегация иностранцев имела сведения, что в некой деревне Гавриловка все жители, кроме одного, умерли от голода. Они «сразу же отправились туда для расследования слуха». Власти не только не препятствовали, но и оказали им полное содействие, обеспечив транспортом и переводчиками. Прибыв в указанную деревню, они прошли здание сельсовета, где присутствовали члены совета, священник, народный судья и директор школы. «Нам было позволено разговаривать с любым крестьянином, которого мы встречали на улицах». Иностранцам были представлены регистрационные книги, из которых явствовало, что за последние два года из 1 тысячи 100 жителей деревни трое умерли от тифа, но немедленно принятые меры остановили эпидемию. От голода же не умер ни один человек.

Удивляться не приходится. У властей уже было достаточно опыта и средств, чтобы организовать очередной спектакль. Удивительно другое, как подобными «шоу» удалось нейтрализовать массу свидетельских показаний о небывалом геноциде, происходящем в СССР?

Еще более достойно удивления и, конечно, осуждения это то, что подобные методы обмана сработали и с виднейшими западными учеными, к словам которых с вниманием прислушивался интеллектуальный Запад.

Сэр Джон Майнард, ведущий британский эксперт по советскому сельскому хозяйству, в своей книге «Колхозы СССР» так говорит о жертвах коллективизации: «Картина неприятная, но мы можем составить о ней правильное впечатление, если будем помнить, что большевики давно задумали войну, но войну не против враждебного государства, а войну против враждебного класса, а потому и применяют военные методы». Когда же наступил 1933 год, то Майнард, как живой свидетель, побывавший на

Украине, категорически заявил: «Проехав в июне-июле 1933 года по Украине и Северному Кавказу, я не обнаружил там ничего, сравнимого с голодным бедствием 1921-22-х годов».

Но еще более экстраординарными были «исследования», проведенные западными социологами Сиднем и Беатрисой Вебб, обобщенные в их огромной работе «Советский коммунизм: Новая Цивилизация» (Лондон, 1937 год).

Для начала мы обнаруживаем в их работе ту же непонятную враждебность к крестьянству, которую мы отмечали у большевиков. Веббы отмечают, что «характерными пороками русских крестьян являются алчность и коварство, прерываемые вспышками беспробудного пьянства и длиннейшими периодами лени». Они с полной симпатией говорят о том, как этих отсталых и порочных людей «побудили к общественно полезному коллективно-кооперативному труду по заранее разработанному плану с равным и справедливым распределением произведенного продукта». Веббы договариваются до того, что объявляют «частично принудительную коллективизацию» осуществлением крестьянской мечты 1917 года!

«Ради коллективизации,— признаются они,— пришлось вывезти из деревень десятки или даже сотни тысяч ненавидимых всеми кулаков и упрямых, фанатичных донских казаков с семьями». (При этом, буквально цитируя официальную пропаганду, они ссылаются на безыскусный рассказ простой крестьянки.)

Однако, подчеркивают супруги Веббы, раскулачивание было необходимым, поскольку кулаки, отказываясь от работы, деморализовывали целые деревни. И именно для того, чтобы избавить крестьян от голода, кулаков пришлось отправить в дальние края, подальше от родных мест, в надежде, что хоть там они займутся общественно полезным трудом. В результате супруги-социологи приходят к выводу: «Любой беспристрастный и непредубежденный исследователь безусловно придет к заключению, что советское правительство просто не могло поступить иначе».

Их энтузиазм, судя по всему, нисколько не меркнет, когда они отмечают, что раскулачивание планировалось с самого начала как массовое выселение из своих домов «примерно миллиона семейств». Более того, Веббы позволяют себе такой комментарий: «Сильной должна быть вера, воля и решительность у этих людей, если они во имя того, что представляется им как общественное бла-

го, способны принимать столь глобальные решения» Тем, кто пожелает, эти слова вполне могут быть применены и к Гитлеру с его окончательным решением еврейского вопроса.

Но это, как говорится, только часть вопроса. Веббы сами задают себе вопрос: «Был или не был голод в СССР в 1931-32-х годах?» Они цитируют «отставного высокопоставленного деятеля правительства Индии» (видимо, Майнарда), который лично посетил те районы СССР, где условия считались наиболее худшими и где тот не нашел никаких свидетельств того, что можно было бы назвать голодом. Супруги ссылаются также на разговоры с неназванными американскими и английскими журналистами, которые утверждали, что имел место «просто частичный неурожай, сам по себе недостаточно серьезный, чтобы вызвать голод где-либо, кроме, возможно, очень небольших районов». Сообщения о голоде, без зазрения совести утверждают наши социологи, исходят главным образом от тех, кто сам никогда не был в якобы пораженных районах.

Даже в некоторых «незначительных перебоях продовольствия» Веббы обвиняют тех крестьян, которые отказывались «сеять и убирать пшеницу, когда пришла пора». Они пишут и о населении целых деревень, «совершенно явно занимавшихся откровенным саботажем», рассказывают, как на Кубани «целые деревни угрюмо уклонялись от сева и жатвы». Они повествуют и об «отдельных крестьянах», которые тащат зерно с колхозного поля домой, называя их «бессовестными ворами общественного достояния». Они повторяют без комментария процитированное ранее Постышевым признание якобы какого-то украинского националиста, заявившего, что он и его единомышленники занимались агитацией по деревням, чтобы сорвать урожай.

Описывая объявленные Сталиным на январском пленуме 1933 года «дальнейшие меры» по сбору уже несуществующего зерна на Украине, Веббы с восхищением оценивают это мероприятие как «кампанию, которая по смелости концепции, энергии исполнения и оперативной масштабности является беспрецедентной для мирного времени».

Когда дело доходит до источников, то Веббы, как правило, ссылаются на каких-то анонимных «компетентных наблюдателей» или цитируют столь же анонимных крестьян, которые «больше не желают иметь собственные дома и сельскохозяйственные машины, как и рабо-

чие не хотят иметь собственных турбин, предпочитая вместо всего этого честно заработанные деньги». Они называют это «ментальной революцией».

По вопросу коллективизации, Веббы богато и с удовольствием цитируют коммунистку Анну Луизу Стронг, уверяющую, что в отличие от западного представления о высылке кулаков, якобы проведенной «мистически всемогущим ГПУ», в действительности вопрос о депортации решался на «деревенских сходках» крестьянской беднотой, которые сами составляли списки кулаков, сопротивляющихся коллективизации методами насилия и «просили правительство депортировать их... Я лично присутствовала на таких сходках и могу уверить, что они были более справедливыми в разборе и более сбалансированными в принятии решений, чем любой суд в Соединенных Штатах».

Что касается самого голода, то любимым источником Веббов является корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» Уолтер Дуранти, чья деятельность и влияние заслуживают того, чтобы о них рассказать подробнее.

Уолтера Дуранти без преувеличения можно назвать ближайшим западным сообщником Сталина при проведении кампании фальсификации. В качестве такового он пользовался среди иностранных корреспондентов в Москве всеми видами привилегий, удостоиваясь похвал из уст самого Сталина, который одному Дуранти позволял брать у себя интервью. С другой стороны, влиятельные западные круги безоговорочно доверяли Дуранти, превознося его до небес.

В ноябре 1932 года Дуранти сообщил, что «ни голода и даже ничего похожего на голод в СССР не наблюдается».

Когда же о страшном голоде в СССР на Западе стало широко известно и сообщения об этом появились в его собственной газете, переданные его коллегами, то Дуранти выбрал другой метод. Все еще отрицая наличие голода, он стал писать о «недоедании», о «нехватках продовольствиях», о «некотором сопротивлении крестьян».

23 августа 1933 года Дуранти передал в газету, что «любое сообщение о голоде в России сегодня, является либо преувеличением, либо враждебной пропагандой», добавив, однако, при этом, что «нехватка продовольствия, которую ощутило практически все население страны в прошедшем году и особенно главные производители зерна — Украина, Северный Кавказ и Поволжье, стала причи-

ной весьма большой смертности». Дуранти оценивал уровень смертности почти в четыре раза выше обычной.

Обычный уровень смертности в указанных регионах должен составлять «около миллиона человек», а в прошлом году этот уровень «по всей вероятности утроился».

Признав 2 миллиона лишних смертей, Дуранти нашел этот факт «достойным сожаления», но не настолько уж страшным, чтобы говорить о «голоде». Более того, в случившемся он частично обвинил самих крестьян, которые «разбегались или пассивно сопротивлялись прогрессивным нововведениям».

В сентябре 1933 года Дуранти стал первым из западных журналистов, допущенных в голодные районы и сообщил оттуда: «Использование слова «голод» в применении к Северному Кавказу является до смешного абсурдным». Дуранти добавил, что лично побывав в этом районе, он понял, что его предварительная оценка уровня смертности там «оказалась сильно преувеличенной». Его репортаж изобилует «пышущими здоровьем детьми» и «тучными коровами», типичными, по его словам, для всего района Кубани. (Именно отрывок из его репортажа процитировал Литвинов в своем ответе на письмо конгрессмена Копельманна.)

Дуранти обвинил в придумывании небылиц о голоде русские эмигрантские круги, взбодренные приходом к власти Гитлера. Он отметил, что «небылицы о голоде в СССР циркулирует сейчас в Берлине, Риге, Вене и в других местах, где враждебные Советскому Союзу элементы пытались сорвать дипломатическое признание СССР Соединенными Штатами, рисуя Советский Союз как страну руин и отчаяния».

К осени 1933 года репутация Дуранти была уже известна в дипломатических кругах, что явствует даже из сухого отчета Британского посольства в Москве о получении им разрешения посетить Украину: «Я не имею сомнений о том, что он не будет иметь никаких трудностей в получении именно той информации, которая ему нужна». Далее в отчете говорится: «Мистер Дуранти, корреспондент «Нью-Йорк Таймс», почему-то более, чем кто-либо, озабочен тем, как снискать любовь у советских властей».

Мальком Мугжеридж, Джозеф Аслоп и другие известные журналисты совершенно открыто выражали мнение, что Дуранти — лжец. Мугжеридж позднее назвал его

«величайшим лжецом в журналистике, какого я встречал за пятьдесят лет работы в прессе».

Сам же Дуранти в личных разговорах с Юджином Лайонсом и другими рассказывал, что по его оценкам смертность от голода на Украине превысила 7 миллионов человек. Но еще более вопиющим различием между тем, что Дуранти знал, и тем, что он сообщал в газету, является его беседа с временным поверенным в делах Великобритании в СССР, о которой последний сообщил в Лондон 30 сентября 1933 года: «Соответственно данным, полученным от мистера Дуранти, население Северного Кавказа и нижней Волги уменьшилось за прошлый год на 3 миллиона человек, а население Украины — на 4 миллиона человек. Украина обескровлена... Мистер Дуранти считает совершенно возможным, что в течение прошлого года в СССР от нехватки продовольствия прямо или косвенно могло умереть более 10 миллионов человек».

Но американская публика получала от Дуранти не эту страшную правду, а совершенно лживые сообщения. И влияние этой лжи было огромным и продолжительным.

В ежегодном отчете компании «Нью-Йорк Таймс» за 1983 год напечатан список всех лауреатов премии Пулитцера этой газеты. Не пропущена и премия, присужденная в 1932 году Уолтеру Дуранти за «беспристрастные и правдивые сообщения новостей из России».

Объявление о присуждении премии Дуранти сопровождалось разъяснением, что эта честь оказана ему за то, что его репортажи «отмечены научным подходом, глубиной, беспристрастностью, абсолютно здравыми рассуждениями и исключительной ясностью», свидетельствующей о мистере Дуранти как «о превосходном примере лучшего типа заграничного корреспондента».

Журнал «Нейшн», комментируя «почетный список» «Нью-Йорк Таймс», характеризует статьи Дуранти как «наиболее блестящие, беспристрастные и читаемые из всех, что когда-либо появлялись в газетах мира».

Во время торжеств по случаю признания СССР Соединенными Штатами, на банкете в «Валдорф Астории» зачитывался список фамилий, и каждая фамилия приветствовалась вежливыми аплодисментами со стороны собравшихся в зале. Когда же был назван Дуранти, то, по словам корреспондента «Ньюйоркера» Александра Вулкотта, «зал буквально взорвался продолжительной овацией... Создалось впечатление, что Америка в каком-то

спазме безразличия признавала вместе и СССР, и Уолтера Дуранти». Действительно, это был спазм.

Почести, воздаваемые Дуранти, совершенно ясно происходили не от желания знать правду. Скорее, многие желали, чтобы им сказали именно то, что они хотели услышать. Сам же Дуранти так и не объяснил своих мотивов.

Мощное лобби истинных и мнимых слепых, как не старалось, но не смогло предотвратить появление на Западе настоящей правды о происходящем в СССР, рассказанной теми, кто не был лжецом или простофилей. Но это лобби смогло, и весьма успешно, создать впечатление, что сообщения о голоде исходят только из враждебных советскому правительству кругов, а потому имеют весьма сомнительную надежность, породив в широких кругах западной общественности вполне искреннее сомнение в возможности катастрофы подобного масштаба.

Корреспонденты, писавшие правду, подобно Мугжериджу и Чемберлену, в течение всего следующего поколения подвергались яростным нападкам со стороны просоветских элементов на Западе. В качестве причины или одной из причин этой глобальной кампании фальсификации лжи коммунисты обычно приводят тот факт, что СССР не мог иначе обеспечить себе поддержку рабочих капиталистических стран, кроме как скрыв правду о том, каких страшных человеческих жертв стоит проводимая ими политика.

Джордж Орвелл в отчаянии писал:

«Гигантские события, подобно голоду в 1933 году на Украине, повлекшие гибель миллионов человек, совершенно избежали внимания большинства английских руссофилов»

Но тут нельзя говорить только о руссофилах, а нужно говорить обо всем мыслящем Западе. И скандал заключается не только и не столько в том, что Запад оправдывал советские действия, а в том, что он отказывался даже слушать о них, будучи совершенно неготовым воспринять правду о подобных событиях.

Ленинград, 1989 год.